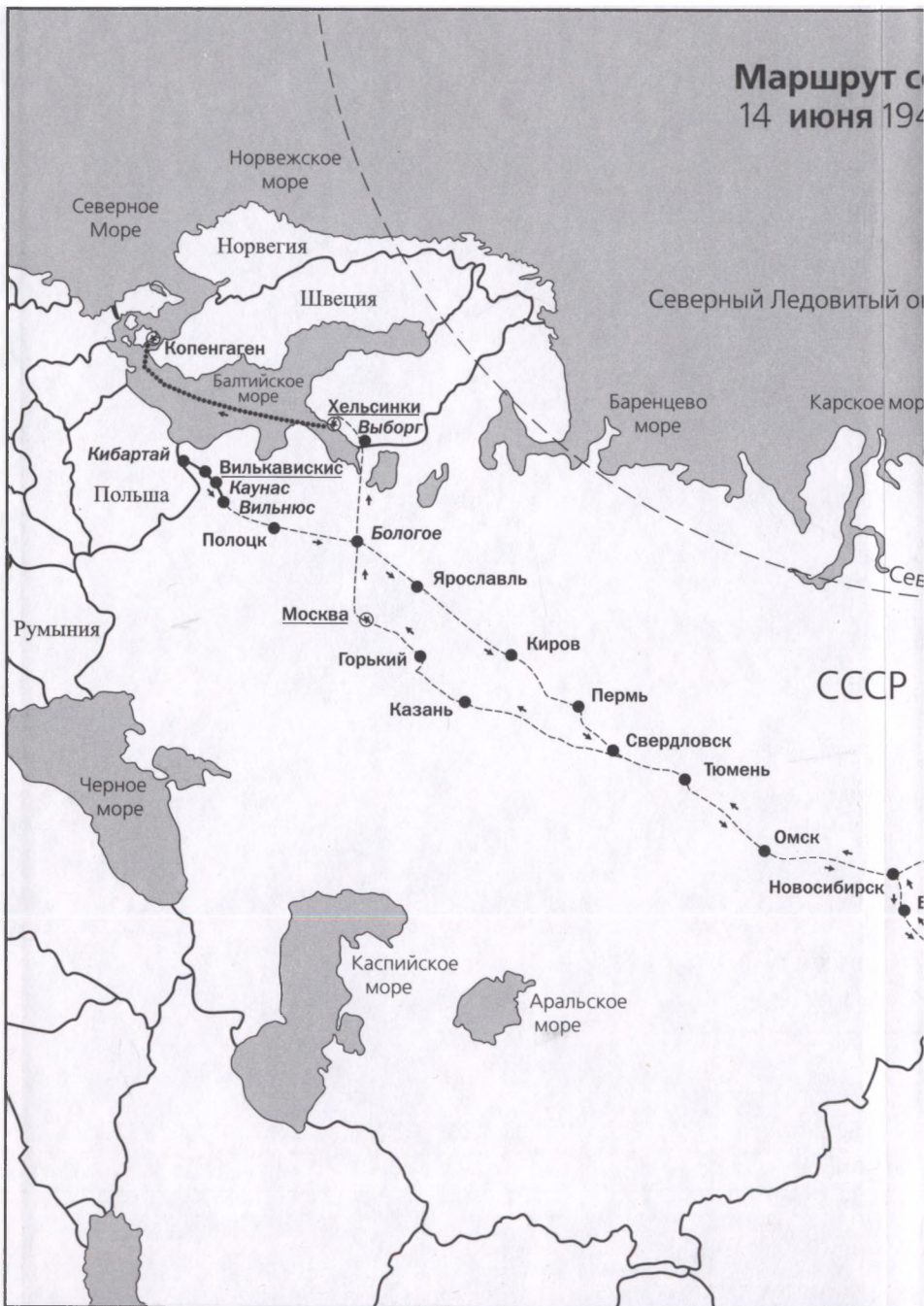

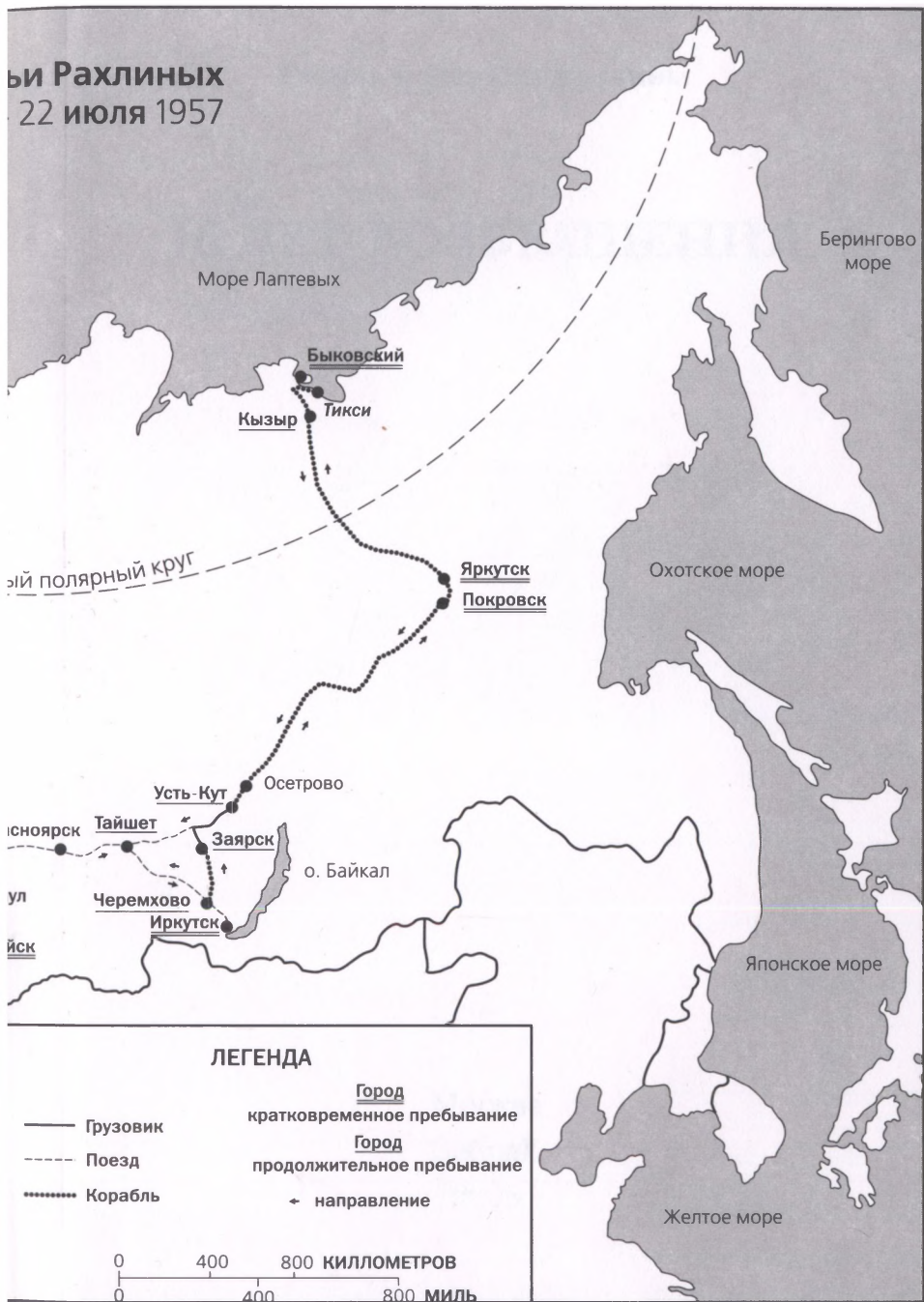
16 ЛЕТ ВОЗВРАЩЕНИЯ Рахиль и Израэль Рахлины

Рахиль и Израэль
Рахлины
16 ЛЕТ
ВОЗВРАЩЕНИЯ
С-и-б-и-р-с-к-а-я—с-а-г-а

Маршрут с 14 июня 194

Ыи Рахлиных 22 июля 1957

Рахиль и Израэль Рахлины

16 ЛЕТ ВОЗВРАЩЕНИЯ

Москва
ЗебраЕ
2005

Рахлины

Рахиль и Израэль

**16 ЛЕТ
ВОЗВРАЩЕНИЯ**

Сибирская сага

УДК 94(47+57)«193» + 323.282(47+57)

ББК 63.3(2)63-361

P27

Перевод с английского языка

Елена Панкова

Литературная обработка текста

Владимир Вестер

Издательство выражает особую благодарность
за помощь в издании книги компании ACCESS INDUSTRIES
и лично Леонарду Блаватнику

Рахлин Рахиль, Рахлин Израэль

P27 16 лет возвращения / [пер. с англ. Елены Панковой]. – М.: Зебра Е, 2004. – 312 с.

ISBN 5-94663-149-7

В этой книге рассказывается о судьбе семьи Рахлиных в сибирской ссылке, где среди страданий и унижений временами возникали моменты высочайшего духовного подъема.

Книга дает нам почувствовать неотделимость супругов Израэля и Рахиль друг от друга, их готовность к самопожертвованию ради любимого существа или к совместной гибели. Вот это и делает «Шестнадцать лет возвращения» уникальным человеческим документом.

УДК 94(47+57)-193. + 323.282(47+57)

ББК 63.3(2)63-361

© СІР РГБ, 2004

© Издательство «Зебра Е», 2004

© Аксенов В., предисловие, 2004

© Панкова Е., перевод, 2004

ISBN 5-94663-149-7

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

После возвращения из Сибири Рахиль и Израэль жили в Дании, где в 1982 году написали книгу воспоминаний. Ушло столетие, на календаре — 2004 год. Уже нет на этой земле Рахиль и Израэля Рахлиных, но память о них, о беспримерной стойкости и жизнелюбии этих людей будет жить в сердцах тех, кто их знал.

· Я перевела на русский язык их воспоминания, и мне очень хочется, чтобы никогда больше в России не повторилось то, через что прошли эти ни в чем не повинные люди. История семьи Рахлиных близка моему сердцу еще и потому, что ни мой дед, ни моя мама, ни миллионы других людей, переживших сталинщину, никогда уже не смогут рассказать нам свои истории.

Елена Панкова, переводчик.
Москва.

ПРЕДИСЛОВИЕ

ОДНА БИБЛЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ

Год или два назад в Москве я был на просмотре документального фильма датского телевидения. В прологе мы увидели огромные пространства по обе стороны могучей сибирской реки Лены в районе Якутска. Из стоящего на вершине холма перекосившегося дома выходит женщина, вытирает фартуком руки и кричит на весь простор: «Сэми, иди куша-а-ать!»

Этот кадр — дань далекому прошлому. Сэм Рахлин, конечно, и сейчас откликается на такие приглашения, но сейчас он, матерый копенгагенский телевизионщик и единственный датчанин, родившийся в Якутии, воскрешает этот ежевечерний женский призыв как своего рода эпиграф к фильму о путешествии в страну детства. Такой зеленый привольный ландшафт, видимо, чаще других картин всю жизнь возникал перед ним при слове «Якутия». Так часто бывает при воспоминаниях о детстве: хорошее запоминается лучше. В раннем детстве я провел полгода в спецдетдоме для детей арестованных «врагов народа»; больше всего мне запомнилась тамошняя новогодняя спец-елка.

Родители Сэма, Израэль и Рахиль Рахлины, авторы книги «Шестнадцать лет возвращения», чаще вспоминают зимний Якутск, когда температура зашкаливала за -50°C , и народ неделями не выходил из дома, но не только из-за мороза,

а также и из-за уголовников, сдирающих с граждан теплую одежду и оставляющих околевать на улицах.

Что занесло эту молодую пару, гражданина Литвы и гражданку Дании, в эту, с точки зрения европейца, полностью непригодную для жизни страну? Авторы начинают с мирных времен. Израэль родился в Российской империи, в маленьком литовском городе Кибартае, расположенном вплотную к известной железнодорожной станции Вержболово, за которой уже начиналась вполне доступная Европа. Именно эту станцию вспомнил однажды в полемическом стихе Велимир Хлебников: «Новаторы от Вержболово, что ново там, то здесь не ново». В семилетнем возрасте на Израэля свалилось первое несчастье: он заболел полиомиелитом, отнялись ноги. Семья Рахлиных принадлежала к уже третьему поколению поставщиков лошадей. Зажиточные капиталисты, они могли предоставить своему единственному ребенку самые эффективные по тем временам методы лечения на самых лучших европейских курортах. Долгие месяцы лечения принесли положительный результат, Израэль начал передвигаться без трости. Однако миастения нижних частей ног осталась у него на всю жизнь. Как ни странно, этот недуг в дальнейшем выручал его несколько раз в ходе путешествия в Сибирь, спасая от отправки на губительные трудовые повинности. Таковой оказалась вся судьба Рахлиных, в безысходной беде гнездились спасение. Но об этом позже.

В годы Первой мировой войны и последовавших за ней революций и гражданской войны Израэль вместе с родителями путешествовал в разных видах транспорта, включая и теплушки «Сорок человек/восемь лошадей» по просторам бывшей империи, пока наконец не вернулся в независимую Литву, в свой тихий Кибартай, где бизнес благополучно восстановился.

Восстановилось и нормальное участие в жизни Европы. Молодой Израэль учился в Лейпциге и ездил по разным странам. Однажды в Копенгагене, в парке Тиволи,

он познакомился с девушкой по имени Рахиль, родившейся в Ливерпуле, но проведшей всю жизнь в Дании. Судьба угадала в них соавторов будущей книги и больше уже не отделяла друг от друга.

Интересно, что композиция книги составлена по принципу чередования глав от первого лица, под заголовками то «Израэль», то «Рахиль». Иногда они объединяются для совместного рассказа, и тогда глава именуется «Рахиль и Израэль». Такой принцип привносит в книгу особую ноту то ли библейской притчи, то ли современной прозы, или и того, и другого. Главное, он дает нам почувствовать неотделимость этих двух людей друг от друга, их готовность к самопожертвованию ради любимого существа или к совместной гибели. Вот это и делает «Шестнадцать лет возвращения» уникальным человеческим документом.

В 1935 году они обвенчались в Копенгагене и поселились в своем городке в Литве, где Израэль стал главой фирмы. Здесь родился их первенец Шнеур, а потом и дочь Гарриетта. В 1940 году Литва стала советской республикой. В страну, разумеется по просьбе трудящихся, а вовсе не по тайному сговору между Гитлером и Сталиным о разделе Восточной Европы, была введена Красная армия. В 1941 году, за несколько дней до 22 июня, в рамках программы по депортации «буржуазных элементов» в их дом вошли чины НКВД, построили всех вдоль стены с поднятыми руками, провели обыск и объявили указ о высылке на восток. Через пару недель вся территория Литвы была уже под властью немцев, которые немедленно начали депортацию евреев на запад. В принципе, два безумных государства проводили одну и ту же политику холокоста, только нацистский холокост был этническим, а советский — социально-политическим. Высылка Рахлиных в Сибирь по формальному признаку спасла их от газовых камер, хотя обрекла почти наверняка на гибель от множества других причин. В данном случае, все-таки слово «почти» оказалось решающим.

Я много раз читал о теплушках, в которых Советы перевозили свой рабский контингент, не говоря уже о том, что в книге моей матери Евгении Гинзбург «Крутой маршрут» есть глава под названием «Седьмой вагон». И все-таки всякий раз дух захватывает от негодования: как эти гады в Кремле и на Лубянке осмеливались на такие многомиллионные перевозки «социально чуждых», заключенных, раскулаченных, переселенных народов, разного рода спецконтингентов, неужели они думали, что укрепитя, а не рухнет от этого — и как оказалось в довольно короткий исторический срок — их любимая социалистическая держава?

Будучи в Магадане, я познакомился в жалкой комнате моей только что отбывшей 10-летний срок матери с большим числом таких людей, о существовании которых я, советский юнец, даже и не подозревал. Там среди бывших советских заключенных было немало и иностранцев: немцы Франц и Гертруда, австрийцы Иоганна и Гансуля, итальянец Пьетро, западный украинец Поночевный (он, кстати, был спецпоселенцем, как семья Рахлиных), а также внутренний эмигрант, сионист доктор Уманский. Все эти люди должны были быть «стерты в лагерную пыль», много раз за время их «крутого маршрута» они были почти уничтожены, однако выжили.

Откуда же бралось это чудодейственное «почти»? Книга Рахлиных дает ответ на этот вопрос. Представьте себе многодневную пургу в Алтайском крае. Семья высланных «западников» переживает непогоду вокруг своего жалкого очага. Вдруг слышится стук в дверь, и в жилище входит директор местного совхоза товарищ Ермолаев. За плечами у него огромный рюкзак. Он объясняет Израэлю, что в совхозе проходят учения по гражданской обороне. Тот, зная о пристрастии русских мужчин к крепким напиткам, выставляет на стол бутылку водки. Ермолаев принимает приглашение, а потом развязывает рюкзак и выдает на-гора весомый мешок пшеничной муки. «Гражданская оборона», оказывается, была лишь поводом, чтобы, не вызывая подозрений в сочувствии

«буржуазным элементам», принести им этот драгоценный по тем временам дар.

Из более или менее обжитого Алтайского края литовцев погнали все глубже и дальше в дикие бездны Сибири. Никакого другого смысла, кроме вымирания этого спецконтингента, не просматривалось. Наконец, после многонедельной мучительной дороги, семейство с малыми детьми и с бабушкой прибыло в конечный пункт, поселок Быков Мыс в устье Лены, в сорока километрах от Тикси. Страшнее уже ничего нельзя было придумать. 400 человек заткнули в баржу с трехэтажными нарами. Однако и здесь нашелся самаритянин. Директор рыбозавода Семикин посоветовал Рахлиным построить юрту и снабдил их стройматериалами.

Такие люди то и дело попадались им во время их казалось бесконечного хождения по мукам. Несчастливая семья, очевидно, вызывала непроизвольное сочувствие, которое оказывалось сильнее политической доктрины. Самый удивительный случай произошел много лет спустя, уже после войны, когда им удалось зацепиться на сельскохозяйственной селекционной станции возле Якутска, где и появился на свет Божий маленький Сэми. Директор станции Климов собирался в командировку в Москву. Набравшись отчаянной храбрости, Рахиль попросила его отвезти в столицу ее письмо с просьбой о помощи в датское посольство. Не сказав ни единого слова, большевик взял это письмо, и оно было доставлено по адресу. Через некоторое время пришел официальный ответ, впервые за семь лет скитаний была установлена связь с родиной. Вот именно такие простые люди, в том числе и разные небольшие начальники, все эти ермолаевы, семикины, климовы, русские и якуты, не лишённые природной человеческой доброты, как раз и создавали то самое «почти», которое помогло уцелеть.

В этой книге среди страданий и унижений временами возникали моменты высочайшего духовного подъема. Мне хочется привести целиком один параграф из главы «Рахиль».

«...Эта часть нашего долгого пути запомнилась одним событием, которое навсегда врезалось в память. Мы стояли на палубе баржи. Солнце у края горизонта бросало слабые красновато-золотистые лучи на серый, безжизненный ландшафт с одинокими, жалкими низкорослыми деревцами. Это было печальное и угнетающее зрелище, а когда я увидела в отдалении склоны гор, покрытые снегом, не растаявшим за короткое и холодное лето, меня охватило отчаяние. Мне казалось, что это конец всего живого, конец Земли. Мы стояли, глядя на этот удручающий ландшафт, когда вдруг кто-то запел:

*Пока сердце бьется в груди,
Ты с надеждой должен идти.*

Это молодые мужчины и женщины пели «Хатикву», что значит «Надежда», песню, которая теперь стала национальным гимном Израиля. В ней поется о тысячелетней надежде евреев стать свободным народом и жить в своей стране, о неутолимой тоске по Иерусалиму и горе Сион».

Здесь будет уместно вернуться к телевизионному фильму Сэма Рахлина. В Якутске, на заброшенном еврейском кладбище он нашел могилу своей бабушки, которая умерла до его рождения. Сэм, современный международный журналист, испытал сильное желание прочесть каддиш над усопшей мученицей. По закону иудаизма, чтобы прочесть эту молитву требуется не менее девяти участников-евреев. Таким образом, в любых условиях возникает синагога. Вместе с Сэмом были его старший брат Шнеур и сестра Гарриетта, прилетевшая из Израиля. С большим трудом удалось найти еще шестерых; один из них был с якутскими чертами.

Возвращаемся к книге. В 1956 году датское посольство сообщило Рахлиным, что вскоре им будет разрешено покинуть Советский Союз и вернуться в Данию, где их ждут родные Рахиль. С неслыханным восторгом семейство стало со-

бираться в эту их собственную, первую за полтора десятилетия свободную дорогу. Как вдруг все затормозилось. Советские соответствующие органы вернулись к их привычному каменному молчанию. Сначала Рахлины недоумевали: что случилось?

Интересно, что, дочитав до этого места, я сразу понял, что случилось. Осенью того года я как-то бродил по арбатским переулкам и вдруг увидел большую толпу студенческой молодежи. Она окружала одноэтажный особняк датского посольства. Над головами толпы покачивались лозунги «Позор датским прислужникам империалистов!» Несколько активистов распределяли пузырьки с чернилами. По команде этих активистов чернильницы полетели в посольство. Чистые стены украсились отвратительными пятнами. Плакатоносцы начали совать свою ношу прямо в окна. Летели осколки стекла. Интересно, что дежурный милиционер в ярости носился вдоль стены и кричал демонстрантам: «Прекратите хулиганство!» Я понял, что этой акцией советские власти отвечают на демонстрации в Копенгагене в знак протеста против казни лидера венгерской революции Имре Надя.

Рахлины прекрасно понимали, что именно венгерские события вызвали обострение отношений между двумя странами, что «оттепель» опять будет заморожена, и им не удастся пересечь зловещую границу. Времена, однако, кардинально изменились, через год они получили паспорта на выезд, и юный Сэм вместо якутянина стал датчанином.

В 80-е годы я часто бывал в Дании. Копенгаген напомнил мне Ленинград, куда дорога мне как политическому изгнаннику была заказана. С Сэмом мы стали хорошими друзьями, и однажды он предложил мне устроить встречу с его родителями, Рахиль и Израэлем. С этой милейшей пожилой парой мы сидели в русском ресторанчике, они рассказывали мне о Якутии, я им — о Магадане. Тогда они сказали, что пишут книгу воспоминаний. В конце их тяжелого пути Прови-

дение оказалось милостивым: книга, полная интересных деталей и глубоких чувств, стала исключительным бестселлером в Дании, была переведена на многие языки, в том числе и на русский. Этот перевод выходит сейчас в стране, которая сначала намерена была их погубить, а потом ненароком спасла их жизни. Иные скажут сейчас, сколько можно напоминать обо всех этих ужасах. Уверен, однако, что люди никогда не устанут читать о том, что составляет их необъяснимую историю.

Василий Аксенов.

18 ЛЕТ
ВОЗВРАЩЕНИЯ

ВСТУПЛЕНИЕ В ЖИЗНЬ. ВСТРЕЧА В КОПЕНГАГЕНЕ

ИЗРАЭЛЬ

Не пытайтесь найти город Кибартай на географической карте. Вы не обнаружите его даже в атласе большом и подробном. Однако вы сможете найти город Вирбалис. Это почти одно и то же, что и Кибартай. Объясню, почему.

Во второй половине девятнадцатого века, чтобы связать Санкт-Петербург с Западной Европой, была построена железная дорога. Вирбалис — маленькая деревушка, расположенная неподалеку от того места, где железная дорога должна была пересечь российскую границу. Вот почему пограничная станция получила три названия: *Вирбалис* по-литовски, *Вирбаллен* по-немецки и *Вержболово* по-русски. А Кибартай — это всего несколько домов рядом с «триязычной» станцией. Со временем Кибартай вырос и превратился в небольшой городок, в котором насчитывалось около 7 тысяч жителей. От Вирбалиса он находился примерно в трехстах метрах. Примерно столько же было до германской границы.

Я родился в Кибартае 26 декабря 1906 года. Мои ранние детские воспоминания — светлые и радостные. Я рос в благополучной семье, был окружен вниманием и любовью. Мой отец и два его брата имели свое дело, которое основал мой дед. Они покупали лошадей и продавали их в разные страны. Дела шли настолько хорошо, что моему отцу присвоили ти-

тул купца первой гильдии. Евреи в царской России такой чести удостоивались редко.

Наша семья часто бывала на европейских курортах, где мы подолгу жили. Запомнился мне курорт Кранц на берегу Балтийского моря, приблизительно в пятидесяти километрах от Кёнигсберга — столицы прежней Восточной Пруссии. Мне было года четыре. Все лето мы провели в Кранце. Длительные прогулки вдоль изумительных песчаных пляжей, прямые ряды красивых плетеных кресел, счастливые люди в кафе, громкие голоса и смех до сих пор в моей памяти, словно было все это вчера. По соседству — огромный парк, куда мы ходили гулять и где я видел пару аистов, сидящих на крыше дома. Помню, что, только завидев их, я начинал читать детский стишок, которому мама научила меня:

*Аист, аист, прилети!
Мне сестричку принеси!*

Я читал этот стишок, потому что мне очень хотелось, чтобы у меня была маленькая сестричка, а у моей мамы — дочка. Но у нее больше не могло быть детей. Много лет спустя я узнал, почему мы ездили на европейские курорты. Ни аисты в Кранце, ни курорты не помогли маме. Сестренка у меня так и не появилась. Я навсегда остался единственным ребенком в семье.

В 1913 году мы с мамой поехали во Франценсбад. Был такой австрийский курорт. Теперь он находится на территории Чехословакии. Через несколько недель после нашего возвращения в Кибартай я заболел. Наш семейный врач, которого немедленно вызвали, предписал, чтобы меня отправили в Кёнигсберг. Там меня поместили в частную детскую клинику профессора Теодора.

Вскоре врачи определили, что у меня полиомиелит. Последовало долгое и изнурительное пребывание в клинике: интенсивное лечение включало процедуры по восстановлению

работы мышц. После, казалось, бесконечных десяти месяцев я добился таких больших успехов, что мог передвигаться без трости.

Но, конечно, мне еще было очень трудно подолгу ходить, поэтому меня возили по городу на извозчике. Каждая такая поездка длилась около часа. Она давала мне возможность отключиться от скучной и тихой жизни в клинике.

В процессе болезни у меня развилась миастения обеих ног ниже колен. Этот физический недостаток остался на всю жизнь. Никакие другие мускулы не были повреждены. Чтобы укрепить мышцы, врачи посоветовали поехать на курорт в Висбадене. Маму не нужно было долго уговаривать, и мы отправились в Висбаден. В фешенебельном отеле «Шварц Бок», где мы поселились, можно было не только жить в прекрасных условиях, но и лечиться.

Из Висбадена мы с мамой поехали на курорт в Бэд Кудова. Здесь мы остановились в отеле «Фюрстенхоф», где к нам присоединились жена дяди Елияса и двое их детей. Мои кузены были младше меня. Тем не менее мы играли вместе и были счастливы, и мое здоровье улучшилось настолько, что я мог жить почти так, как живут нормальные люди.

Наша счастливая мирная жизнь закончилась внезапно. Утром 1 августа 1914 года портье отеля сказал нам, что Германия и Россия вступили в войну и что мы больше не можем оставаться в отеле. Как граждане России мы имели две возможности: либо в течение двадцати четырех часов покинуть Германию и переехать в какую-нибудь третью страну, либо остаться в Германии и принять статус гражданских пленных. Мои мама и тетя решили уехать в Данию, где у моего отца были обширные деловые связи.

В Копенгагене жил человек по имени Кристиан Вестергаард. Его отец Петер Вестергаард занимался импортом лошадей из России в Данию еще с 1903 года.

Мой дедушка был поставщиком лошадей для Петера Вестергаарда, а мой отец и Кристиан Вестергаард продолжали

этот бизнес, будучи уже вторым поколением торговцев лошадьми.

Бизнес их процветал: русские пони пользовались большим спросом у датчан. Пара маленьких русских пони стоила примерно столько же, сколько одна большая датская лошадь. Мелкие землевладельцы, коммерсанты и ремесленники считали, что более практично иметь двух маленьких лошадей, которых можно использовать и для работы на фермах, и для перевозок. Позже в Данию начали завозить литовских пони, которых называли «цементными лошадьми», так как Литва расплачивалась ими за поставки датского цемента.

После долгого и трудного путешествия через Берлин, Варнемюнде и Гессер, мы прибыли в Копенгаген, мирный и красивый город, которому суждено было сыграть важную роль в моей жизни.

Моя мама и тетя занялись организацией нашего возвращения в Россию. Большую часть времени нас, троих детей, оставляли в гостинице под присмотром горничной, но как только у мамы и тети появлялось свободное время, они брали нас в город.

Ясно помню мое первое посещение музея. Это был художественный музей Глиптотека, и он произвел на меня большое впечатление.

Примерно через четыре недели все дела были практически завершены, и мы уехали из Копенгагена.

Через Стокгольм и Або мы добрались до Хельсинки, а оттуда без задержки отправились в Петроград (новое название Санкт-Петербурга). В названии столицы России немецкое слово «burg» стало непатриотичным, и его заменили на русское «град».

В Петрограде нас встретил папа, и после дня отдыха мы поехали в Пензу, расположенную примерно в 700 км на юго-восток от Москвы. В Пензе с ее семьюдесятью тысячами жителей жил губернатор, очень важная персона в админист-

рации царской России. Однако вовсе не он сыграл главную роль в моей жизни в Пензе, а моя первая учительница Ирина Яковлевна и девочка Рая.

Пока я находился в клинике в Кёнигсберге, я не мог учиться, да и в последующее время тоже. И теперь, чтобы наверстать упущенное, нужны были частные уроки. Я вспоминаю об Ирине Яковлевне как об очень компетентном преподавателе, необыкновенно дружелюбном и приятном человеке. Я рос в среде, где говорили на трех языках: немецком, русском и литовском. На первых двух я говорил свободно. Обучение чтению не составило для меня никаких трудностей, и под руководством Ирины Яковлевны я вскоре стал изучать и другие предметы. Мне очень нравилось учиться. Я узнавал о новых вещах, и это увлекало меня и открывало широкие горизонты.

С Раей и ее старшей сестрой я познакомился, когда мы переехали в комнату, которую сняли у их отца, господина Новака, состоятельного человека, имевшего собственный особняк в Пензе. Мы с Раей вскоре стали закадычными друзьями, и хотя она была на три года старше меня, мы обожали друг друга. После встречи с Раей моя мечта иметь сестру осуществилась: она относилась ко мне как к своему младшему брату. Рая читала мне книги; мы играли с ней дома и на улице и даже на лошади катались вместе. Эта небольшая, но очень выносливая лошадь, запряженная в сани, была настолько добродушной, что мне доверяли вожжи, и я до сих пор вспоминаю, какое волнение и счастье испытывал в те моменты, когда лошадка убыстряла бег, и Рая, радостно смеясь, прижималась ко мне.

Весной 1915 года мама решила, что нам нужно обязательно поехать на курорт, чтобы укрепить мои мускулы. По ее мнению, наиболее подходящий находился в окрестностях города Харькова. Называлось это место Славянск — российский курорт, известный своими минеральными источниками. Мне жаль было уезжать из Пензы, но поделаться я ничего не мог и с грустью расстался с Раей.

Наше пребывание в Славянске — драматическое и короткое — не запомнилось бы мне ничем, если бы местный доктор не посчитал, что мое здоровье можно быстро поправить с помощью минеральных ванн, температура которых каждый день должна понижаться на один градус. А ведь доктор в Кёнигсберге предупреждал, что мне ни в коем случае нельзя принимать холодные ванны. Однако по непонятной причине мама поверила эскулапу в Славянске, и в результате такого «лечения» я снова заболел. Меня перевели в клинику в Харьков, где я провел целый год. Мне повезло: врачам удалось меня вылечить. Я чувствовал себя не хуже, чем до «славянских ванн». В харьковской клинике я был единственным ребенком. Долгое пребывание в ней запомнилось мне как очень грустный период моей жизни. Нигде больше и никогда я не чувствовал себя таким одиноким.

В то время у нас не было постоянного места жительства. Отцу не удалось найти квартиру в Пензе, к тому же работа у него была такая, что ему приходилось много разъезжать.

Рассчитывая на то, что война скоро закончится, мои родители решили уехать на Кавказ и остаться там до тех пор, пока не установится мир. На Кавказе — полезный для здоровья мягкий климат и много туристических гостиниц и пансионатов. Мы приехали в Кисловодск и остановились в «Гранд-отеле» — самой лучшей гостинице города.

Когда мы прожили в гостинице больше месяца, моей маме вдруг сообщили, что Кавказ не входит в перечень тех районов, в которых разрешено проживать евреям. Но поскольку она была замужем за купцом первой гильдии, то ее эти ограничения не касались, как не касались они выпускников университетов и других «привилегированных евреев» и их жен. Однако на меня, на ее сына, эти привилегии не распространялись, и мы были вынуждены уехать. Управляющий гостиницы решил помочь нам и порекомендовал пансионат, владелец которого дружил с шефом местной полиции.

За небольшую дополнительную плату мне разрешили остаться в пансионате.

В пансионате не оказалось детей. Я снова был один, и мне не с кем было играть. Но окрестности мне очень нравились. Я и мама много гуляли, восхищаясь горами и великолепными видами.

Последствия февральской революции 1917 года ощущались даже в Кисловодске. В пансионат стали прибывать новые гости — бывшие политические заключенные, которых Временное правительство освободило из тюрем и отправило в Кисловодск для восстановления сил. Полицию распустили, ее заменили старшие и младшие ученики гимназии. Помню, с каким восхищением я наблюдал за этими школьниками, которые в своей форменной одежде с красными повязками на рукавах и кобурами, болтающимися с боку, патрулировали улицы.

Первого мая я видел огромную демонстрацию в городе. В числе демонстрантов были и горцы, в ярких национальных одеждах восседавшие на красивых разгоряченных конях.

Мой дядя Елияс между тем переехал в город Екатеринослав и сообщил нам, что мы можем снять квартиру в том же доме, где он живет со своей семьей. В июне 1917 года мы приехали туда, и у меня появилась своя комната.

Екатеринослав, который позже переименовали в Днепропетровск, оказался довольно крупным городом с промышленными предприятиями. Расположенный на берегу Днепра, он запомнился мне широкими улицами и большими парками. Четыре года, которые мы провели здесь, были богаты событиями, и порой довольно драматическими.

Один за другим сменились семнадцать режимов. Во время оккупации Украины Германией город контролировался немецкими военными. Потом — несколькими украинскими националистическими лидерами, включая Пет-

люру и Скоропадского. На короткий период времени один из домов стал штаб-квартирой лидера анархистов — бати Махно, и, наконец, Екатеринослав попеременно занимали то красные, то белые. И каждый раз мы страдали от тех, кто был у власти в городе. Белые враждебно относились к евреям и подвергали их гонениям, для красных кровные враги — все богатые или хотя бы зажиточные. Так что трудно было ждать хорошего как от тех, так и от других. Когда же белые и красные сражались друг с другом за город, мы надеялись, что это сражение продлится долго, и пока оно продолжается, никто не придет грабить нас.

В декабре 1919 года, как раз перед началом празднования моей бармицвы*, мы укрывались в подвале дома, потому что перестрелка шла рядом с ним, и подвал оказался самым безопасным местом, где можно было спрятаться от пуль и осколков снарядов.

Когда одна из сражающихся сторон одерживала верх и войска занимали город, солдатам разрешалось немного приодеться за счет местных жителей. Делать это можно было только в первые три дня после победы. Тем не менее это служило отличным стимулом для солдат, но едва ли могло понравиться жителям. К счастью, солдат наказывали, если они продолжали мародерствовать после отведенного трехдневного периода.

Однажды по дороге из школы я стал свидетелем уличной экзекуции. Какой-то солдатик вышел из дома с узлом одежды подмышкой и сразу же наткнулся на военный патруль. После короткого досмотра, офицер решил наказать солдата здесь же, на месте: с него спустили штаны, и он получил двадцать пять ударов кожаным ремнем по голому заду. Кричал он громко и обиженно.

Гражданская война бушевала, сражения то приближались к Екатеринославу, то отдалялись от него, и я за эти годы не

* Еврейский религиозный обряд — посвящение мальчика в мужчины. — *Прим. пер.*

раз оказывался свидетелем многих страшных событий. Я видел людей, повешенных на фонарных столбах, лежащие на улицах трупы расстрелянных, рыдающих от горя женщин, всеми брошенных беспризорных детей.

После захвата власти Советами школа, в которой я учился, стала называться «советской». Классы назвали группами: в бесклассовом обществе не могло быть деления на «буржуазные классы», и нас стали воспитывать в советском духе. Нам, например, говорили, что мы должны быть всегда настороже, бдительными и, если заметим что-то подозрительное, обязаны немедленно сообщать об этом в школу, даже если «подозрительное» касается родных и близких людей.

Однажды я был серьезно ранен. Правда, это случилось не во время уличной перестрелки, а в драке за наш дневной рацион хлеба. Мама послала меня купить хлеб. У входа в магазин стояла длинная очередь, и внутрь впускали только по десять человек. После долгого ожидания, наконец, подошла моя очередь, и я оказался в числе тех десяти человек, которых должны были впустить. В это время кто-то из магазина крикнул, чтобы мы отправлялись по домам, так как хлеба больше не осталось. Ожидающие в очереди расвирепели и ринулись внутрь. Под давлением возбужденной, напирющей толпы стекло в двери разлетелось. Я стоял как раз рядом с дверью, и большой осколок, скользнув по руке, прорезал глубокую рану на большом пальце. Приложив носовой платок к кровоточащей ране и крепко прижав его другой рукой, я делал все, чтобы выбраться из этого кошмара. С огромным трудом мне удалось пробраться через толпу, и я поспешил к палаточному госпиталю, который находился недалеко от булочной. Но там мне отказались помочь на том основании, что это не гражданский, а военный госпиталь. Выходя, я столкнулся с медсестрой, которая провела меня в процедурную комнату. Она искренне хотела помочь мне и обработала рану, как раненому в бою солдату. Перед тем, как наложить повязку на палец, она вылила мне на рану столько йода,

что от боли у меня задрожали колени, и я почти потерял сознание. Наверное, я выглядел настолько жалким, что она не разрешила мне одному идти домой и попросила солдата проводить меня. Мама при виде меня с перевязанной рукой да еще в сопровождении солдата страшно испугалась. Она успокоилась лишь тогда, когда я ей рассказал, что на самом деле случилось со мной. Длинный шрам на моем пальце будет всегда напоминать мне об Екатеринославе и о неудачном походе в магазин.

В 1921 году Советский Союз и Литва, которая к тому времени стала независимой, как и два других прибалтийских государства, заключили соглашение, по которому всем, кто жил раньше на территории Литвы, разрешалось туда возвратиться. Мои родители сразу же решили вернуться, однако на все приготовления ушло несколько месяцев. Мы продали всю мебель, поскольку нам разрешалось взять с собой только мелкие вещи и то в ограниченном количестве. Зато мы ехали бесплатно, правда, в товарных вагонах: по двадцать — двадцать четыре человека в каждом. Дядя Елияс и его семья тоже ехали с нами.

По дороге очень трудно было добывать еду: на большей части страны свирепствовал голод. Мы провели в пути две недели. То из-за нехватки угля, то из-за неразберихи на железной дороге поезд подолгу стоял в ожидании топлива или разрешения следовать дальше.

Эта поездка была трудной и утомительной, и никто не знал, что нас ожидает в Литве, но все же мы стремились туда.

Как только мы добрались до Латвии, нас встретили представители Красного Креста, накормили, обеспечили уход за больными. Всех детей напоили горячим шоколадом с булочками, которые мы так долго не видели.

В литовском пограничном городе Обеляй нас продержали несколько дней в карантине, во время которого подвергли тщательному медицинскому осмотру и так же тщательно проверили документы, подробно расспрашивая о

том, где мы родились в Литве и что нас с ней связывает. Власти хотели исключить любые сомнения в том, что впускают людей, которые имеют право жить в Литве. Возможно, они боялись, что в страну могут проникнуть советские агенты, выдавая себя за бывших литовских граждан.

Когда, наконец, мы приехали в Кибартай, друзья и знакомые пришли на станцию встретить нас. Наша семья была одной из последних, вернувшихся в город после войны.

Большинство домов в Кибартае еще не восстановили. Найти приличное жилье оказалось делом очень трудным. Сначала мы поселились в маленькой квартире с двумя спальнями, где жили с дядей Елиясом и его семьей. И только через год переехали на другую квартиру.

За короткое время отцу удалось восстановить фирму, и с помощью друзей он снова начал заниматься экспортно-импортными операциями. Экономика в стране оправилась после войны и шла в гору, мы стали нормально жить.

Отсутствие в Кибартае школы послужило причиной того, что после двенадцати месяцев подготовки и занятий с репетитором, я поступил в четвертый класс гимназии в городе Сталупене, расположенном примерно в одиннадцати километрах от пограничного города Ейдкуне.

Чтобы добраться до школы, я пересекал границу и около двух километров шел пешком до Ейдкуне, откуда на поезде доезжал до Сталупене. Из дома я выходил в 6.30, а возвращался под вечер, не раньше четырех часов. Нелегким оказался и переход из советской «бесклассовой» школы в немецкую гимназию, где были совершенно другие идеалы и цели. Это огромную разницу можно понять, если учесть, что вместе со мной знаниями овладевали не дети из бедных семей, а сыновья состоятельных родителей, к примеру, землевладельцев, принадлежавших к прусской знати.

После окончания гимназии я решил изучать экономику в Лейпцигском университете.

Впервые в жизни я должен был жить один. Мои родители давали мне 175 марок в месяц на покрытие всех моих расходов. Моя мама, будучи строгой женщиной, подчеркнула, что я не должен надеяться на дополнительную сумму. И за все годы учебы я ни разу не получил от них больше этих 175 марок.

Летом 1932 года я сдал последние экзамены и уехал из Лейпцига, где провел, возможно, самые беззаботные годы моей жизни и где у меня появилось много хороших друзей: и юношей, и девушек.

Я мечтал продолжить учебу и стать журналистом, специализирующимся на экономике, но моя мечта так и не сбылась. Отец серьезно заболел и попросил меня вернуться домой, и я немедленно выехал в Кибартай. Вот так крошечный литовский пограничный городок обрел первого и, возможно, единственного торговца лошадьми с университетским образованием.

Моя работа в переводе на современный язык называлась «заведующий отделом сбыта». Я был связан с государственными организациями и комитетами, которые осуществляли надзор за литовскими экспортными фирмами. Очень часто я выезжал за границу к заказчикам и объездил почти всю Европу. И Дания являлась одной из стран, куда по делам, связанным с бизнесом, я ездил несколько раз в год.

В мае 1934 года я снова приехал в Копенгаген.

Как обычно, я снял номер в гостинице «Терминус», расположенной напротив центрального железнодорожного вокзала, и решил связаться с одним из наших многочисленных заказчиков. Спустя два дня я встретился с ним, и он представил меня своему сыну Георгу, который на два года был младше меня. Он изучал юриспруденцию в Копенгагенском университете и свободно говорил по-немецки. Георг предложил мне провести вечер вместе. Я с готовностью согласился, и когда мы встретились вечером, он предложил мне пойти в сад Тиволи, что мы и сделали...

РАХИЛЬ

Мое детство и юность не были такими бурными и драматичными, как у Израэля. Судьбе было угодно, чтобы я родилась в Англии. В 1908 году я и мой брат-близнец появились на свет в городе Ливерпуле. Тем не менее своим родным городом я считаю Копенгаген: нам было по восемь месяцев, когда нас туда привезли.

Я никогда не знала своего отца — он умер вскоре после нашего появления на свет, оставив нашу мать одну с двумя младенцами. Мои родители приехали в Англию из России за два года до нашего рождения. Позже мама говорила мне, что они были вынуждены это сделать, потому что мой отец активно занимался политикой и постоянно подвергался преследованиям со стороны царских властей. А возможно, они оставили Россию из-за еврейских погромов, которые бушевали там в те годы, вынуждая многих евреев эмигрировать в Соединенные Штаты Америки или в Европу.

После смерти моего отца мама решила уехать в Копенгаген, где жил ее брат, обещавший помочь ей найти жилье и работу. Итак, с двумя младенцами на руках она едет в Данию, чтобы начать новую жизнь.

Моя мама была искусной портнихой, поэтому безработной она оставалась недолго. Однако ей, матери-одиночке, приходилось трудно, ведь в те годы не было таких понятий, как социальное обеспечение или пособие по безработице. В 1910 году она второй раз вышла замуж. От этого брака она родила троих, так что наша семья состояла теперь из семи человек.

К моим самым ранним детским воспоминаниям отношу многоквартирный дом в Рюесгаде, где мы прожили много лет. Мы жили там в очень стесненных условиях: в маленькой квартирке на четвертом этаже, выходящей окнами на задний двор. Уборная находилась во дворе.

Мама все эти годы работала дома швеей, выполняя заказы различных швейных фабрик по пошиву женской одежды, включая известную Мореско. Однако работа для нее не всегда находилась, и когда с деньгами становилось совсем туго, она собирала вещи, без которых мы могли обойтись, и просила нас отнести их ростовщику: его контора находилась в нашем доме. Хотя мы очень нуждались, мама всегда заботилась о том, чтобы в доме у нас было чисто и чтобы у нас было все необходимое.

Каждое утро мой отчим отправлялся в булочную Хансена на Блегдамсвей и возвращался оттуда с корзиной, полной вчерашнего, черствого хлеба. Но нам, детям, он все равно очень нравился.

Образ моей мамы, работающей за швейной машинкой с раннего утра до позднего вечера, остался в моей памяти навсегда. Иногда, работая, она напевала грустные еврейские песни, которые мы так любили слушать. Моя мама была прекрасной рассказчицей, и больше всего она любила рассказывать нам о счастливых днях своей юности в маленьком городишке Дрисса в Белоруссии. Городок этот находился недалеко от Витебска, который теперь известен всему миру как родина Шагала. Говорят, что однажды на вечеринке мою маму спросили, знала ли она Шагала. На что она, не задумываясь, ответила: «Нет, я не знала его, но уверена, что он знал меня, потому что я была самой красивой девушкой в городе».

Как и все, мы с братом Айзиком пошли в школу с семи лет. Мы ходили в школу в Рюесгаде, где я проучилась три года. Потом я решила пойти в еврейскую школу Каролин Скул, находящуюся на улице Принцессы Шарлотты, и попросить, чтобы меня приняли туда; идея эта пришла мне в голову совершенно неожиданно, но я твердо решила сменить школу, и меня туда приняли.

На меня сразу же все обратили внимание: я носила башмаки на деревянной подошве. Это считалось неприличным:

никто из девочек не носил такие башмаки. Одна из учительниц сказала мне, что, если я хочу ходить в школу, мне нужно поменять башмаки на туфли. И мои родители позаботились о том, чтобы у меня появились настоящие кожаные туфельки, хотя стоили они очень дорого.

Педагоги в школе были отличные и как люди очень приятные, но очень требовательные. Все, чему меня там учили, я запомнила на всю жизнь и с благодарностью вспоминаю всех моих учителей. Я до сих пор отчетливо помню некоторых из них. Так, г-н Соренсен преподавал правописание. Учителем он был превосходным, и все его ученики научились прекрасно писать. Однажды он пришел в класс в красивом костюме, в котором мы его ни разу не видели. Нас, девочек, распирало любопытство, и мы спросили его, почему он так одет. «Я скажу вам почему, мои дорогие друзья, — ответил он. — Сегодня 21 декабря — самый короткий день в году, и мой красивый костюм не износится так, как в другие дни».

Самым трудолюбивым и прилежным ученикам в табель успеваемости наклеивали картинку с изображением пчелы, и я часто приходила домой с такой вот вожденной «золотистой пчелкой». Мои школьные годы были прекрасными, и я вспоминаю о них как о счастливом и светлом времени.

За время учебы у меня появилось много друзей, и после школы я часто ходила к ним в гости. Одну мою подружку звали Лиза. Ее родители были состоятельными людьми, и она училась играть на пианино. Иногда после школы мы заходили к ней, и я могла часами сидеть и слушать, как она играет. Я мечтала о том, что когда-нибудь я тоже буду играть на пианино, но, конечно, мои родители не могли пойти на такие расходы, и моя мечта так никогда и не сбылась.

После окончания школы я хотела стать медсестрой. Но в то время учиться на медсестру принимали лишь тех, кому уже исполнился двадцать один год. Я не могла так долго ждать.

Мне нужно было обязательно устроиться на работу и зарабатывать деньги, чтобы помогать моим родителям сводить концы с концами, да и самой иметь на карманные расходы. Я стала работать в офисе.

Мама с отчимом были людьми очень строгими. Они не разрешали надолго отлучаться из дома, пока мне не исполнилось двадцать лет, поэтому даже выход в кино был исключительным событием. Но зато я читала книги и на датском, и на немецком языках. Так я узнавала мир, существующий за пределами Рюесгаде и Копенгагена.

В 1930 году финансовое положение нашей семьи улучшилось, прежде всего потому, что начали зарабатывать дети. В тот год мы переехали в большую и удобную квартиру на Амагер. Хотя мы все повзрослели, никто из нас не хотел покидать родной дом. Нам вместе было так хорошо, что никто и не помышлял об этом.

Мне шел двадцать второй год, когда я впервые поехала за границу.

Младшая сестра моей мамы, Сима, жила с мужем в Берлине. Они пригласили меня, и я поехала.

Для меня это было удивительным событием. В то время редко когда молодая девушка могла поехать за границу самостоятельно, и я очень гордилась тем, что у меня это получилось. Проблем с немецким языком не возникло, и я познакомилась со многими интересными людьми. Они брали меня с собой на прогулки по Берлину, и я узнала в этом городе массу интересного. Я ездила в Берлин еще несколько раз и постепенно стала свободно говорить по-немецки. В столице Германии у меня появилось много друзей, и в каждый свой приезд я замечательно проводила время. Позже хорошее знание немецкого языка оказалось очень полезным для меня.

В один из майских дней 1934 года моя сестра Леа сказала, что собирается встретиться с друзьями в Тиволи, и спросила, не хочу ли я прогуляться вместе с ней...

ИЗРАЭЛЬ

В тот вечер мы встретились в Тиволи благодаря Георгу и Леа, которые, зная друг друга, договорились о свидании. Меня представили Рахиль, красивой молодой девушке, которая прекрасно говорила по-немецки. Вскоре Рахиль стала моей постоянной спутницей не только в путешествиях по Тиволи.

Могу с уверенностью сказать: это была любовь с первого взгляда, и через несколько дней я с грустью уезжал из Копенгагена в Чехословакию, где у меня были дела. Признаться, мне не очень много удалось сделать в той поездке, потому что все мои мысли занимала Рахиль, и я горел желанием как можно скорее снова увидеть ее.

Закончив дела в Праге, я поехал в Литву, но через Копенгаген, чтобы встретиться с Рахиль. Мы провели несколько дней вместе, и, расставаясь, я пригласил ее в Кибартай — посмотреть, как живут люди в маленьком литовском приграничном городишке. Она отказалась: в то время не было принято, чтобы молодые девушки ездили в гости к мужчинам. Мы стали переписываться. Конечно, я использовал малейшую возможность, чтобы поехать в Копенгаген, и в том же 1934 году приезжал туда несколько раз. В конце концов мы решили, что поженимся весной.

В мае 1935 года мы обвенчались в синагоге в Копенгагене. А спустя два дня отправились в свадебное путешествие по столицам Европы. Мы побывали в Берлине, Брюсселе, Париже. Возможно, медовый месяц следовало бы провести в более спокойной обстановке, но, думаю, молодым и влюбленным везде хорошо.

Это было наше первое путешествие. Мы не могли предсказать, сколько их будет потом, в последующие годы.

Приехав в Кибартай, мы стали жить в том же доме, где после смерти отца в 1934 году я жил с мамой. Мы с Рахиль поселились в двух комнатах, остальной частью дома пользовались вместе с мамой.

Я стал главой фирмы и должен был руководить ее каждодневной работой. Все шло хорошо, и в 1936 году я расширил дело, став совладельцем фабрики по обработке льна. И этот бизнес стал процветать.

В 1936 году Рахиль родила нашего первенца — Шнеура.

В 1940 году Литва стала советской республикой, как и два других прибалтийских государства, и наша жизнь драматически изменилась. Всю нашу частную собственность немедленно национализировали, и через некоторое время мне дали работу плановика на фабрике. Из дома нас выселили в небольшую квартиру, где мы и жили до тех пор, пока еще более драматические повороты судьбы не настигли нас.

Рахиль

Хотя переезд в Кибартай и стал большой переменой в моей жизни, я очень быстро привыкла. Все ко мне относились дружелюбно и делали все, чтобы я чувствовала себя как дома. Все понимали, что жить в Копенгагене, а потом осесть в маленьком приграничном городке, жить в скромных условиях и переехать в зажиточный дом с совершенно другими привычками и традициями — все это в равной степени большие перемены.

Я стала молодой хозяйкой и привыкла к тому, что в доме прислуга и повар выполняют всю домашнюю работу. Я начала помогать Израэлю в офисе, ведя всю его переписку с Данией, и часто сопровождала его в деловых поездках. Несколько раз мы ездили в мою родную страну.

В 1938 году в Литву из Германии стали прибывать еврейские эмигранты. Им все старались помочь. Мы приютили нескольких беженцев и с беспокойством слушали их тревожные рассказы о том, что происходит в Германии.

У меня был тесный контакт с моей семьей в Дании, мы переписывались, часто звонили друг другу. Через газету «По-

литикен», которую ежедневно получала, я была в курсе событий, происходящих в Европе.

В июле 1939 года мы поехали в отпуск. Сначала в Данию, где около недели гостили в моей семье. Из Дании отправились в Швецию и очень хорошо отдохнули в Ретвике. Ситуация в Европе не улучшалась, и мы решили остаться в Швеции: подождать исхода событий. В Гетеборге вместе с моей сестрой Добой мы оставались до первых чисел ноября. Все время Израэль уверял что нам нужно возвратиться в Литву. Тем более что его мама писала и звонила ему, просила его приехать. Дела шли хорошо, но накопилось много такой работы, которую она без его помощи сделать не могла. Мне не удалось убедить Израэля, что самое лучшее для нас остаться в Швеции, и неохотно согласилась вернуться с ним в Литву. 9 ноября в Стокгольме мы сели на паром до Риги. В течение всего этого пути я чувствовала себя очень несчастной и не могла сдерживать слез. Из Риги на поезде мы поехали в Кибартай. Я была твердо убеждена, что мы совершаем фатальную ошибку.

Через некоторое время Советский Союз начал строить военные базы на литовской территории.

В сентябре 1940 года родилась Гарриетта. Это было одно из немногих радостных событий в тот год, когда Литва стала советской республикой.

НКВД стучит дважды

Рахиль — Израэль

После оккупации в 1940 году Литвы Советским Союзом мы поняли, что заперты в маленьком углу мира. Вокруг нас бушевала война, и нам ничего не оставалось, как только наблюдать за событиями и ждать.

О том, чтобы уехать из Литвы, не могло быть и речи. Нацисты стремительно продвигались на запад. На востоке — огромный Советский Союз, закрытый и недостижимый для нас, как и охваченная огнем Европа. Русские сразу и плотно заблокировали свою страну, и теперь только птицы свободно пересекали границы.

События в мире шли курсом, оставляющим после себя кровавый след смерти и разрушений. Мы не могли связаться с нашими родственниками и друзьями ни в Дании, ни в других странах.

Хотя ад крошечный властвовал безраздельно, радиостанция Би-Би-Си продолжала работать без перебоев. Она сообщала нам и миллионам других людей самые последние новости о происходящем.

В ночь на тринадцатое июня 1941 года мы, как обычно, слушали известия Би-Би-Си. В своей традиционной сухой манере диктор сообщил, что Германия концентрирует крупные силы вдоль восточных границ. Спать мы легли со смутными, но дурными предчувствиями, не представляя, одна-

ко, как эти сообщения о продвижении германских войск могут повлиять на нашу жизнь.

Около семи часов утра нас разбудил резкий стук в дверь. Это был зловещий стук, и мы неохотно открыли.

За дверью стояла Дина Бернике, дочь наших близких друзей, красивая черноволосая девушка. Заплаканная, с белым от страха лицом и растрепанными волосами, она тяжело дышала от быстрого бега.

— Они их всех взяли, — с трудом переводя дыхание, сказала она.

Рыдая, она отрывисто рассказала, что ее родителей забрали русские и увезли в грузовике.

— Ничего не объяснили. Приказали с собой теплые вещи взять и все.

Дина была в отчаянии. Она спрашивала нас, не знаем ли мы что-нибудь обо всем этом, не значит ли это, что ее родителей ссылают в Сибирь.

Мы знали не больше, чем она, но допускали, что ее предположения, возможно, верны.

Дину не увезли вместе с родителями потому, что у нее была другая фамилия — ту, что взяла ее мать после первого брака.

Вот так начался тот длинный день.

Но жизнь, несмотря на тревожные известия, продолжалась, Израэль стал собираться на работу. В то время он работал на фабрике «Лабор», ставшей государственной, как и все литовские предприятия. Прежними владельцами фабрики были немцы. Их после оккупации Литвы Советами репатриировали в Германию. Новому руководству нужны были специалисты со знанием русского языка. Израэля определили на должность экономиста.

Перед уходом на работу он решил зайти к нашим соседям — семье Телиц, чтобы узнать что-нибудь по поводу случившегося.

Он ушел, а через несколько минут снова раздался стук в дверь. Но прежде чем мы успели подойти к двери, ее откры-

ли снаружи, и в дом вошли три офицера НКВД в хорошо известной военной форме. Их сопровождал человек в гражданской одежде. Позже мы узнали, что этот гражданский был членом районного комитета Коммунистической партии в городе Вилкавишкис. Он выглядел очень напряженным и разговаривал с нами вызывающе агрессивно.

Мы поняли, что пришел наш черед и что с нами должно произойти то же, что и с семьей Бернике сегодня утром.

Когда Израэль вернулся от Телицей, ему приказали встать лицом к стене, и один из офицеров обыскал его. Мы все это время стояли с поднятыми руками. Вместе с Израэлем вошла госпожа Телиц. Увидев происходящее, она тотчас хотела уйти, но ей приказали остаться, и она оставалась в доме до тех пор, пока мы все из него не вышли. Было ясно, что офицеры НКВД не хотели, чтобы люди узнали об этой акции. Это могло вызвать беспорядки и панику.

Через некоторое время в доме начался обыск. Все осмотрели, перерыли, перевернули вверх дном. Отвернули ручки от дверей и шкафов, прощупали все подушки... Ничего не оставили без внимания. Чувствовалось, что у этих людей большой опыт в подобных делах.

Впервые наш дом подвергся обыску (сколько еще их будет потом!), но такими униженными и оскорбленными, как во время этого первого обыска, мы никогда себя не чувствовали.

От нас уже ничего не зависело, мы не распоряжались собой и ничего не могли поделать. Наши вещи больше не принадлежали нам, и мы беспомощно наблюдали, как чужие, противные руки прикасаются к ним, как внимательно рассматривается каждый отдельный предмет. Так, как если бы внутри была спрятана бомба или, по крайней мере, секрет государственной важности.

Конечно, дело было не в материальной ценности этих вещей, а в том, что каждая из них имела свое собственное

значение для нас, свою историю, хранила воспоминания о том, по какому случаю и когда была приобретена. Все эти предметы – осязаемые воспоминания об оставшейся позади жизни, о которой потом мы будем вспоминать с такой ностальгией и грустью.

И когда офицеры с суровыми и высокомерными лицами дотрагивались до этих вещей, откладывая или осматривая со всех сторон, у нас было ощущение, что они лапают нашу душу.

Только с годами и опытом мы научились быть не такими чувствительными и, чтобы выжить, отстраняться от происходящего.

Особое внимание обратили на письменный стол Израэля. Все на этом столе, под ним, за ним и внутри было осмотрено самым тщательным образом, и каждый листок долго изучался.

– У вас есть оружие? – спросил один из офицеров.

Никакого оружия у нас не было, но Израэль сказал, что у него есть охотничий нож. Он так и не вспомнил, где этот нож лежит, и его не нашли, хотя в доме еще раз обыскали все.

Во время этого кошмара нам не разрешали двигаться. И все же бабушка (мама Израэля) ухитрилась пробраться в спальню, где у нее хранились драгоценности, чтобы спрятать их.

Человек, руководивший обыском, сделал сначала вид, что ничего не заметил, но спустя некоторое время ворвался в спальню и застал бабушку врасплох, с коробкой в руках. Вырвав коробку, он начал кричать, обвиняя ее в нарушении приказа не двигаться с места.

Он ругался, угрожая арестовать ее и уверяя, что они знают, как поступать с такими, как мы, «остатками капитализма».

Атмосфера стала еще более тягостной и напряженной.

Бабушке позволили взять только часть вещей из коробки, после чего приказали нам упаковать чемоданы. И пока мы их упаковывали, офицер еще несколько раз подходил к

бабушке и, выхватывая вещи из ее рук, кричал: «Вам это больше не понадобится!»

Так же, как и родителям Бернике, нам приказали взять теплые вещи, но не больше ста килограммов. Наверное, по правилам НКВД, этого было достаточно для пяти человек: трех взрослых и двоих детей.

Рахиль

Странно, но еще несколько недель назад, я думала, что если нам придется бежать, то детские вещи я положу в большой пододельник. Поэтому я знала, что делать, и мне действительно удалось упаковать в него почти все детские вещи.

Мы сказали офицерам, что наш пятилетний сын Шнеур находится на ферме у кузена Израэля. Они пообещали захватить за ним после того, как мы соберемся.

Перед выходом из дома я спросила Израэля, что делать: ведь мы не сможем взять люльку для нашей восьмимесячной дочки Гарриетты. Израэль лаконично ответил: «Ты что не видела, как русские женщины пеленают своих детей? Сделай то же самое».

У дома нас ждал грузовик. В кузове уже сидела женщина с ребенком. Настал момент прощания. Мы не могли сдерживать слез, но, к счастью, прощание не было долгим. Офицеры нас торопили, подгоняя словами: «Давай! Давай!».

За все время этих драматических сборов голова была занята практическими вещами: взяла ли расческу и мыло для Гарриетты, любимую игрушечную лошадку Шнеура, бритву для Израэля и многие другие вещи, казавшиеся мне очень нужными. Среди всего этого меня вдруг пронзила мысль о моей семье в Дании. Чем они занимаются сейчас, продолжают ли жить мирной жизнью? Или же безумный мир, в котором оказались мы, тоже вторгся в их дом, и нем происходят такие же трагические события?

Думала я и о том, что нас ждет. Когда в 1935 году я впервые приехала в Литву, мне казалось, что это слишком далеко от Дании. А сейчас, я знала, что меня увезут еще дальше, но куда и на какое время — не известно.

Рахиль и Израэль

Чемоданы и узлы мы бросили в открытый кузов грузовика, сели на них и объяснили, как доехать до фермы. Грузовик, рывком тронувшись с места, поехал.

Вот так началась наша поездка. Длинною в шестнадцать лет.

Проезжая по улице, мы заметили, что в окнах, за задернутыми занавесками стоят люди. Они были испуганы; они понимали, что происходит что-то необычное. Никогда до этого они не видели грузовики с чемоданами и узлами, а на них — мужчин, женщин и детей, охраняемых вооруженными офицерами НКВД. В нашем тихом городке в то июньское утро было необычно много военных грузовиков. В тот день забрали многих.

Нашу семейную ферму площадью около сорока гектаров содержал Изя, кузен Израэля. Изя был холост. По хозяйству ему помогала экономка Маня. Шнеур ее очень любил и всегда с удовольствием оставался на ферме. Ему нравилось, что там много животных и птиц — лошадей, коров, уток, гусей. Словом, в хозяйстве нашего кузена было на что посмотреть и чем заняться.

Грузовик остановился метрах в ста от фермы. Два офицера с оружием вошли в дом. Вскоре вышел Шнеур с маленьким чемоданом в сопровождении этих двух вооруженных мужчин. По нему не было видно, что на него как-то подействовала обстановка. Такое хладнокровие он, кажется, сохранил на всю жизнь. И при всей трагичности нашего положения мы не могли сдержать улыбки при виде нашего малень-

кого сына, марширующего с чемоданом в руке между двух мужчин с заряженными ружьями.

Изя так и не вышел. Мы поняли, что он спрятался, подумав, что его заберут вместе с нами. Никто в то время не знал, что наша трагедия станет нашим спасением, а Изя погибнет.

Когда Шнеура посадили к нам в грузовик, он спросил, почему мы едем в грузовике, куда собрались и почему рядом люди с оружием. Мы сказали ему, что едем далеко и что эти люди будут охранять нас от разбойников. Он охотно повесил и ему стало даже интересно.

По дороге с фермы в последний раз проехали по Кибартаю. Через Вирбалис нас привезли в Вилкавишкис, на железнодорожный вокзал, запруженный людьми. У перрона стоял длинный состав из сорока двух вагонов, в которых возят скот.

Сначала старший офицер проверил всех нас по списку, а потом приказал садиться в вагон, где, казалось, уже не было места. Кроме нашей, там было еще девять семей. В общей сложности, в двадцатиметровом вагоне оказалось двадцать восемь человек.

На каждой стороне, почти у потолка — по два маленьких окошка, однако из-за решеток света не хватало. Две раздвижные двери. Одна вообще не открывалась, а другую закрыли сразу же, как только мы оказались внутри.

Используемые в мирное время для перевозки скота и лошадей, вагоны наскоро оборудовали самым необходимым для перевозки двуногих существ.

По стенкам вплотную друг к другу прибили полки из неструганных досок. В течение трехнедельного пути они служили нам кроватями.

Нам повезло: нашей семье достались верхние полки, куда из зарешеченных окошек доходило больше воздуха.

Все чемоданы, коробки и узлы грудой лежали посреди вагона. В такой тесноте обойти их было нельзя, и на них постоянно наступали.

Стоял теплый летний день. Небо — ясное и голубое. Подавленные безысходностью и неопределенностью, мы молча сидели на своих местах.

В вагоне — люди разных профессий: крестьянин, полицейский, главный фармацевт, их семьи. Еще несколько женщин с детьми. На станции мужей этих женщин собрали в отдельную группу и посадили в вагоны, где были одни мужчины. Жена мэра Кибартая, его дочь и двое племянников тоже оказались в нашем вагоне. А самого мэра арестовали за два дня до начала депортации.

Поезд простоял у платформы на станции Вилкавишкис до 16 июня, пока собирали всех, кого отправляли на восток.

До нашей депортации у нас несколько месяцев жила госпожа Бауэр, еврейка, беженка из Германии. Она ждала визу в Австралию, чтобы уехать к детям. Когда нас забрали, она осталась в нашей квартире. Мы договорились с ней, что, как только доберемся до места, она нам вышлет кое-какие вещи.

Какими же наивными мы были! Через пять дней после нашего отъезда из Литвы, между Германией и Советским Союзом началась война, и в тот же день Кибартай оккупировали немцы. Но об этом мы узнаем не скоро.

Первая ночь в вагоне тянулась долго. Из-за духоты и жары Гарриетта не могла заснуть и плакала всю ночь. Для всех был страшен этот внезапный переход из привычной домашней обстановки в тесное ограниченное пространство грязного вагона, битком набитого чужими людьми. Впрочем, возможности человека адаптироваться испытывались и в более суровых условиях, и вскоре мы привыкли к жизни в вагоне.

Все время нас неусыпно охраняли. Не разрешалось ни выходить из вагона, ни приоткрывать двери. Охранники не хотели, чтобы пассажиров скотского поезда кто-то видел, а тем более общался с ними.

Охранники — по преимуществу молодые солдаты из Армении и других южных республик Советского Союза. По-русски многие из них говорили плохо.

На какой-то остановке Израэль попросил солдата только ради детей открыть дверь: в вагоне очень жарко и нечем дышать. Молодой солдат, просунув голову внутрь, сердито бросил на ломаном русском: «Вам не хотелось советская власть, ну так сейчас вы получите советская власть, черт подери...» И, с грохотом задвинув дверь, закрыл ее на засов.

Эти слова солдата стали предвестником того, что нам предстояло испытать.

И подтверждение этому — события следующего дня, когда несколько офицеров НКВД со списками в руках шли от вагона к вагону, вызывая по фамилиям мужчин. Те, чьи фамилии назвали, выстраивались в ряд на платформе, а офицеры проходили дальше. Многие женщины душераздирающе кричали...

Рахиль

Один из офицеров подошел к нашему вагону. Я, замерев от страха, спросила Израэля, что мы будем делать, если его заберут от нас. Он попытался успокоить меня, сказав, что забирают не всех. Это меня мало успокоило: мужчин на платформе становилось все больше.

Серьезные, бледные лица этих молодых и пожилых людей врезались в мою память навсегда. Я вдруг подумала, что их, должно быть, выстроили, чтобы расстрелять у нас на глазах.

Все, что с нами произошло, было так трагически нелепо, что мы были готовы к самому худшему. Офицер подошел к нашему вагону, остановился, просмотрел списки и через несколько минут, которые мне показались вечностью, никого не выкрикнув, пошел к следующему. Все облегченно вздохнули.

Мужчин, разъединенных с семьями, посадили в хвостовые вагоны нашего поезда.

Рахиль — Израэль

Состав шел в направлении Каунаса. Распространялись разные слухи, но никто не знал, ни того, куда мы едем, ни о том, что нас ожидает. Однако все понимали, что путь наш будет дальним и, возможно, закончится где-нибудь в Сибири.

Один только вопрос занимал нас и, вероятно, всех, кто был в этом поезде: почему ссылают именно нас?

Ссылка, как средство подавления инакомыслия, была давней традицией в России. При царе людей ссылали в отдаленные районы Сибири из-за их разногласий с властью по политическим, религиозным и национальным вопросам. Это был удобный способ обезвреживать противников, не прибегая к более жестким мерам: тюремному заключению или каторге. В силу своей отдаленности и малонаселенности Сибирь стала подходящим местом изгнания.

В 1941 году жителей трех прибалтийских государств депортировали по политическим причинам.

Конечно, такое решение принималось на самом высоком уровне, то есть самим Сталиным, и утверждалось высшими партийными органами. Выполнение этого решения и отбор лиц и семей на выселение возложили на местные партийные организации в тесном сотрудничестве с НКВД.

Трудно себе представить, что могло быть общего у мелкого собственника, фармацевта, бизнесмена и полицейского, поскольку даже с виду это были совершенно разные люди. Но для советского режима они и тысячи других людей являлись представителями несоциалистического общества, следовательно, им нельзя было доверять. Они считались ненадежными социальными элементами, которых нужно обезвредить, вырвав из привычного окружения и переселив в совершенно другую среду. Но в этом бесчеловечном отборе не было логики. Взять хотя бы нашу семью: нас депортировали, а кузена Израэля, Изю, почему-то оставили. Возможно, что тут сыграло роль то обстоятельство, что Израэль в силу

занимаемого положения в фирме часто бывал за границей и встречался с иностранными партнерами. На основе таких вот «соображений», по-видимому, оказались в скотском поезде и филателисты, и эсперантисты.

Вне всяких сомнений, депортация была тщательно спланирована заранее и проведена с четкостью военной операции. С 14 по 16 июня в Литве забрали около сорока тысяч человек. На железнодорожных станциях их загружали в товарные вагоны и увозили. Такие же акции были проведены в Латвии и Эстонии. Некоторых мужчин, разъединенных с семьями, отправляли в сибирские исправительно-трудовые лагеря, и те, кто выжил, вышли оттуда спустя восемь, десять, а иногда и пятнадцать лет.

Надзор за ходом операции осуществляли специальные войска НКВД. В каждом вагоне начальник конвоя назначал старосту, в обязанности которого входило смотреть за доставкой и распределением пищи. Он также должен был докладывать обо всех заболевших и сбежавших.

Точных данных о числе тех, кого напрямую коснулось решение Сталина о депортации неблагонадежных элементов из прибалтийских государств, нет. В Советском Союзе никогда не публиковались официальные данные, а архивы, в которых, конечно же, есть точные цифры, закрыты до сих пор.

На основании нашего собственного опыта и наблюдений мы можем сделать вывод, что из Литвы вывозили представителей всех слоев общества, независимо от их социального и экономического положения или национальности. Почти каждый мог быть выслан. Такая крупномасштабная операция потребовала участия большого количества людей разного уровня «боевой и политической» подготовки, ею занимались сотни руководящих работников и тысячи рядовых исполнителей. Можно удивляться, почему не было никакой утечки информации. Это наверно, потому, что советские аппаратчики уже имели огромный опыт в проведении подобного

рода акций, и особенно таких, которые совершались под грифом «секретно».

Первую остановку поезд сделал в Каунасе. По городу, очевидно, распространились слухи о прибытии состава, и на станции собралось много людей. Родственники и друзья пришли попрощаться. Были здесь и несколько друзей и знакомых Израэля. Этих людей, как и наших родственников и друзей из Кибартая, мы видели в последний раз.

Мы были обречены, наша судьба уже определилась, а они еще оставались на свободе. Однако по их лицам и по тому, что они говорили нам, было понятно: они тоже обречены, обречены на неопределенность. Никто из них не знал, когда придет их черед и что советский режим планирует сделать с ними.

Большинство из них погибли в немецких концентрационных лагерях, когда нацисты уничтожали еврейское население прибалтийских государств. Истребление прибалтийских евреев в гетто и лагерях проводилось с жестокой педантичностью.

Если бы мы остались в Литве с родственниками Израэля и другими евреями, то едва ли избежали бы их участи. Сибирские дебри и все испытания, через которые мы прошли, оказались нашим спасением от неминуемой смерти. Нас сослали не потому, что не захотели отдать в руки нацистов, но исторический парадокс состоял в том, что именно депортация, при все ее жестокой нелепости, помогла нам выжить.

В Каунасе к нашему поезду прицепили еще два вагона, и после двухчасовой стоянки он снова тронулся в путь.

Ранним утром 17 июня мы прибыли в Ново-Вилейку, на последнюю станцию на территории Литвы. На платформе стояли люди с хлебом и молоком для наших детей. Во время этой короткой остановки нам разрешили поговорить с ними.

Это были совершенно незнакомые люди. Евреи и христиане, все они, как могли, старались утешить и поддержать

нас. «Вам не следует так сильно огорчаться, — говорили нам супруги-евреи. — Вы должны быть счастливы, что можете уехать из мест, куда приближается война. Если нам нужно будет спасаться, мы уйдем даже пешком». Они были убеждены, что в скором времени их заставят уехать. Угроза военных действий со стороны Германии была реальной, а как только немцы вторгнутся в страну, спастись уже будет невозможно.

Мы и сами понимали, что война неумолимо приближается. За несколько дней до депортации мы слышали гул немецких самолетов, но они летели так высоко, что увидеть их мы не могли. На следующий день мы узнали, что между немецкими и советскими летчиками шел воздушный бой. Двух советских летчиков похоронили в Каунасе со всеми воинскими почестями. По официальным сообщениям, эти два летчика погибли в том бою.

После Ново-Вилейки поезд пошел в глубь советской страны, которую никто из нас не знал. Как и того, что проживем в этой стране долгих шестнадцать лет. Атмосфера была гнетущей из-за неопределенности нашей судьбы. Однако мы старались приспособиться к ситуации и принять ее такой, как есть. Полоцк, Ярославль, Киров, Свердловск, Тюмень, Омск — все эти города мы проехали, продвигаясь на восток, все дальше и дальше в бескрайние просторы Сибири. И в таких обстоятельствах наша жизнь в вагоне для скота стала, по сути, обычной повседневностью со своим ритмом, ритуалами и правилами.

Самой большой проблемой оказалось отсутствие уборной. Эту проблему решили самым простейшим образом, проделав в полу вагона дырку. Но выяснилось, что для того, чтобы справить нужду, человек должен обладать достаточной гибкостью и акробатическими навыками. У мужчин в этом смысле больше преимуществ, поскольку они могли помочиться через дверные проемы и не пользоваться дыркой каждый раз. Женщинам приходи-

лось сложнее, во-первых, потому, что они стеснялись, а во-вторых, было не так-то просто усидеть на корточках над дыркой в трясутемся вагоне, который швыряло из стороны в сторону. Но скоро все преодолели стеснение и привыкли не только к отсутствию уборной, но и к другим неудобствам вагона для скота.

Может показаться странным, но через какое-то время вагон нам стал даже нравиться. Какими бы стесненными и неприемлемыми ни были условия жизни, он стал нашим убежищем, заслоняющим нас от чужого внешнего мира, и у нас появилось чувство, что нам лучше и безопаснее оставаться внутри, чем выходить в этот неизвестный и незнакомый мир.

Мы проезжали по бескрайним степям, полям и лесам, где не было видно ни людей, ни зверей, ни жилья. Пустое открытое пространство — необозримое, безлюдное, чужое и страшное.

Когда мы пересекали болотистые местности, на нас падали полчища комаров. Они проникали в вагон, кусали и не давали заснуть своим назойливым писком.

22 июня Германия напала на Советский Союз. И хотя к этому времени мы уже проехали тысячи километров на восток, поезд стали постоянно останавливать. Мы часами стояли в ожидании отправления. Большая часть Транссибирской магистрали была однопутной, и наш поезд уступал дорогу составам, идущим на фронт с восточных территорий Советского Союза. Все эти составы были загружены военной техникой и солдатами.

Нам приходилось несладко от частых и длительных остановок. Дело в том, что как только поезд останавливался, прекращалась циркуляция свежего воздуха, и жара в вагоне становилась невыносимой. Но, несмотря на это, нам не разрешалось выходить из вагонов. К тому же во время остановок нам раздавали еду: горячий суп, а иногда только селедку и хлеб.

Рахиль

Нормальный режим кормления Гарриетты был полностью нарушен. Я начала отнимать ее от груди еще до того, как нас забрали. Дома кормила ее грудью только утром и вечером. Теперь, когда она все время лежала со мной, Гарриетта была сбита с толку и думала, что ей будут давать грудь постоянно.

Это, по крайней мере на время, помогло решить проблему кормления, и я уже не беспокоилась о том, удастся ли нам где-нибудь по пути достать молоко.

Расписание движения нашего поезда, если действительно такое существовало, в теперешних военных условиях, конечно же, не соблюдалось, и, как следствие этого, нас часто будили среди ночи для приема пищи. Нас кормили на станциях, где еда для нас уже была готова, независимо от времени суток.

Когда мы останавливались на такой «станции питания», к нам подходил солдат и говорил, что мы можем идти и получить еду.

Под охраной солдат еду приносили в ведрах двое мужчин, посланных за ней из вагона. Каждая семья получала положенную ей порцию хлеба и супа. Особенно трудно было разлить суп на равные порции. Израэль, которого начальник конвоя назначил старостой в нашем вагоне, отвечал за распределение еды и настолько хорошо справлялся со своими обязанностями, что все были довольны.

Обстановка оставляла желать лучшего, но люди ехали миролюбивые и дружелюбные. Все выражали желание помочь друг другу. В двадцатиметровом скотнике на колесах собрались представители разных слоев общества, и в обычной жизни мы бы, наверное, никогда не встретились. А теперь были вынуждены жить вместе и друг к другу приспособиваться, чтобы справиться с лишениями и трудностями этого путешествия. Конечно, когда в таком ограни-

ченном пространстве собирается столько разного народа, то трения и разногласия неизбежны. Однако все они благополучно разрешались.

Израэль

Как староста я должен был знать обо всем, что происходило в нашем далеко не пульмановском вагоне. Я должен был точно знать, что из него никто не исчез, и все в нем живы и здоровы. Каждый день на каждой остановке к двери подходил вооруженный солдат, и я отчитывался перед ним о здоровье и наличии каждого транспортируемого.

Причина, по которой меня назначили старостой, возможно, заключалась в том, что в нашем вагоне из двадцати восьми человек было всего четверо взрослых мужчин, но только Исаак Апрель и я свободно говорили по-русски. Вот почему и на него, и на меня возложили эти так называемые представительские обязанности.

Два раза поезд останавливался около маленьких речек, и нам разрешали выйти из вагонов и помыться. Смыв пот и усталость, мы испытывали необыкновенное удовольствие от такого купания, чувствовали себя посвежевшими и счастливыми. Во время этих коротких остановок Рахиль успевала еще выстирать подгузники Гарриетты, которыми та еще пользовалась, несмотря на то, что к этому времени ее уже приучили проситься на горшок.

Наш поезд продолжал двигаться на восток. После Новосибирска он повернул на юг, и шел в этом направлении, пока мы не остановились в Бийске. Бийск — это конечный пункт идущей на юг ветки Транссибирской магистрали. Там нам в первый раз разрешили выйти из вагонов без охраны, но, как обычно, под аккомпанемент хорошо известных криков: «Быстрее! Быстрее!». Нам приказали собрать все вещи и перенести в помещение станции. Со странным чувством покида-

ли мы наш вагон, который в течение долгих трех недель служил нам домом.

Был отдан приказ не расходиться, оставаться в своих группах и не смешиваться с пассажирами из других вагонов, потому что все мы занесены в отдельные списки и «содержимое» каждого вагона должно оставаться неизменным до распределения по разным местам работы, где уже ждали нашего прибытия.

НЕНАСТОЯЩАЯ СИБИРЬ

Рахиль — Израэль

После столь длительного пребывания в товарном вагоне снова встать на твердую землю — ощущение необычное. Мы чувствовали себя как моряки, сошедшие на берег после долгого плавания. Но едва мы вышли из вагонов, как тут же появились офицеры НКВД, которые с особой тщательностью осматривали наш багаж. Они искали драгоценности, документы и литовские деньги.

Никому не разрешалось оставлять у себя свидетельства о рождении, дипломы об образовании и другие личные документы. Особенно тщательно и долго досматривали наш багаж. В тот день у нас конфисковали много ценных вещей. И уже стемнело, и пошел дождь, а офицеры все продолжали обыск, и мы вынуждены были заночевать в пустых амбарах на станции.

На следующий день, рано утром на станцию стали прибывать представители разных предприятий области. Они приехали сюда за рабочей силой и хотели выбрать тех, кто им был нужен.

Нас выстроили в ряд в том же порядке, в каком мы ехали, чтобы лучше нас разглядеть и решить, можем ли мы им пригодиться. Процедура, жестоко унижающая человеческое достоинство, когда тебя осматривают и оценивают, как скот. Вся эта ситуация напоминала рынок рабов или что-то вроде этого.

В первую очередь их интересовали здоровые, крепкие мужчины и женщины, и они шли по рядам сначала в одну, потом в другую сторону, осматривая выставленный «товар» взглядом экспертов. Они обладали властью и кивком головы или движением руки решали, куда отправить людей и какова будет их жизнь в будущем. Как только они выбирали кого-то, подъезжал грузовик или подвода, и работников с семьями увозили к месту назначения.

Пассажиров нашего вагона никто не хотел брать, и никто, конечно, нас не спрашивал, куда бы мы хотели поехать.

Спустя некоторое время большинство наших спутников разъехалось, а мы да еще несколько человек из других вагонов так и остались невостребованными.

Израэль

Я решил действовать. Мы знали, что начальник караула, отвечающий за соблюдение порядка в поезде, очень любит выпить. Мы часто видели, как он выпрыгивал из еще не успевшего остановиться поезда и мчался в станционный ресторан «утолить жажду» стаканом водки. И каждый раз этот стакан заметно улучшал его настроение.

Мне удалось поговорить с ним наедине. Я поблагодарил его за то, что он и его люди помогали нам во время длительного пути, а также за то, что они нас благополучно довели до Бийска. Он был польщен, и я спросил его, не выпьет ли он с нами, чтобы отпраздновать завершение поездки.

Начальник задумался на секунду, но жажда выпить победила.

— А, почему нет? — сказал он. — Правда, еще светло. Давайте подождем до вечера.

Мы договорились о времени. На эту вечеринку я пригласил своего друга Исаака Априля. Мы принесли бутылку коньяка и бутылку красного вина.

Начальник пришел со своим адъютантом. Мы нашли товарный склад, где нам никто не смог бы помешать и, рассевшись, начали выпивать. Прошло не так уж много времени, когда обе бутылки были опустошены. При этом мы пили из своих стаканов по глоточку, а они каждый раз залпом и до дна.

Когда настроение у приглашенных поднялось, я обратился к начальнику и прямо спросил у него:

– Вы, конечно, знаете людей из нашего вагона. Не найдете ли для нас место, где была бы работа для всех, но не слишком далеко от Бийска?

Начальник внимательно выслушал меня и, когда мы закончили вечеринку, пообещал сделать все зависящее от него, чтобы помочь нам.

На обратном пути со склада я спросил его о судьбе мужчин, которых разлучили с семьями. Он сказал мне, что всех их будут судить, они получают длительные сроки и отмотают эти сроки в специальных исправительно-трудовых лагерях. Позже подтвердилось, что он был полностью прав.

Рахиль — Израэль

На следующее утро мы поняли, что наше положение меняется. Нам приказали погрузиться в два грузовика, и повезли в совхоз, расположенный в семи километрах от Бийска. Мы ехали по красивой сельской местности. Мимо огромных полей с подсолнухами. И эта красота и умиротворенность сельских ландшафтов произвели на нас такое глубокое впечатление, что мы сразу же приободрились.

В совхозном поселке, куда нас привезли, были административные здания, школа, детский сад и ясли, а также маленькая больница и клуб, где люди могли проводить свободное время. Все эти здания размещались в центре поселка, а на окраине стояли бревенчатые дома на две-три семьи или на одну семью.

Люди, занимающие высокое положение в совхозе, жили в домах на одну семью, остальные – в многоквартирных.

Площадь бийского зерносовхоза имени Первого мая равнялась 25 тысячам гектаров. Он считался одним из самых крупных в Алтайском крае. Было у совхоза еще два небольших отделения, расположенных в нескольких километрах от его центра.

Одним словом, бутылка коньяка сослужила хорошую службу.

В совхозе имени Первого мая началась наша жизнь в Сибири. Всех нас разместили в школе, пустовавшей во время летних каникул. Нам выделили две большие классные комнаты. Там мы должны были прожить два первых дня, но прожили почти месяц. Кроватей не было, и нам пришлось спать на полу. Но после трехнедельного путешествия в «пульмановском вагоне» с дыркой в полу мы, ясное дело, от комфорта отвыкли.

Нам разрешили отдохнуть два дня. За это время мы организовали наше жилье и немного привыкли к новой обстановке. В совхозной столовой нас кормили бесплатно.

Однако первое, что мы сделали по прибытию, – это сходили в совхозную баню. В ней мы нуждались больше всего. Горячая вода и простое мыло сделали нас самыми счастливыми людьми на всем белом свете.

Мы ходили по совхозу, разговаривали с людьми и слушали их рассказы о жизни и работе. Все для нас было совершенно новым и незнакомым.

Вечером состоялось собрание. Перед нами выступил заместитель директора совхоза. Затем представитель местного НКВД рассказал об административных правилах и положениях, которые касаются таких людей, как мы. Здесь мы впервые услышали слово «спецпоселенцы», которое сопровождало нас на протяжении всей жизни в Сибири. Офицер НКВД сказал, что мы: а) не имеем права уезжать из совхоза без специального разрешения, б) два раза в месяц должны приходить в местное отделение НКВД для регистрации, в) обязаны выполнять

ту работу, которую нам дадут в совхозе. При нарушении одного из этих трех правил дело передается в суд, и нарушителя приговаривают к трем месяцам тюремного заключения.

Выступления должностных лиц попеременно переводили Израэль и Исаак. В конце собрания мы все подписали документ, подтверждающий, что обо всем проинформированы и полностью со всем согласны. После двух дней отдыха и ознакомления с нашим новым положением и новыми правилами жизни, мы приступили к работе.

Рахиль

Знакомясь с окрестностями, я гуляла с Гарриеттой на руках по совхозу и однажды решила зайти в один из домов. Никогда не забуду то, что я увидела там.

В маленькой комнате вокруг стола сидела семья — мать и семеро ребятишек. Женщина сказала мне, что ее муж на фронте.

На столе стоял большой чугунок с картошкой, сваренной в мундире. Перед каждым ребенком — кружка, как я подумала, с молоком, но ошиблась. Когда я подошла поближе, то увидела, что это вода. Рядом с каждой кружкой — по большому ломтю хлеба и соль, в которую дети макали хлеб и картошку.

Хорошо помню свое удивление при виде румяных здоровых мордашек этих ребят. Я тогда подумала: а что если нам придется питаться так же? Как будут выглядеть мои дети, если у них будет такая «диета»?

Израэль

Как и других мужчин, меня определили рыть глубокую яму, которую готовили под закладку силоса. Я старался, как мог, чтобы не подвести остальных членов бригады, но у меня

просто не было сил выполнять такую тяжелую работу. На следующий день я вынужден был пойти к врачу и просить освобождение.

Местный врач ничем не могла мне помочь и направила меня на врачебную комиссию в Бийск. В Бийске после тщательного медицинского осмотра я, наконец, получил свидетельство, удостоверяющее, что являюсь инвалидом в результате перенесенного полиомиелита и, таким образом, освобождаюсь от выполнения какой-либо физической работы. Вернувшись в совхоз, я показал свидетельство директору. Он спросил, какое у меня образование. Я рассказал ему, что по образованию экономист, окончил университет в Лейпциге. Он, не дав мне закончить, предложил: «У меня есть работа по вашей специальности. Будете работать бухгалтером в ремонтной мастерской».

Рахиль — Израэль

Поскольку места в детских яслях для Гарриетты не нашлось, Рахиль разрешили остаться дома. Однако нашу бабушку вместе с другими женщинами отправили на работу во фруктовый сад. В школе мы прожили около четырех недель, после чего переехали в одну из комнат большого многоквартирного бревенчатого дома, который был недавно отремонтирован. Там же жили и многие из тех, кто ехал с нами. Поскольку Израэль работал бухгалтером и, соответственно, относился к более высокой категории работающих, то мы оказались первыми, получившими жилье в этом бревенчатом доме.

Комната, которую выделили нам, была большой — около 25 квадратных метров. А поскольку дом электрифицирован, то мы пользовались электроплиткой, которую нам подарила г-жа Бауэр еще на станции Вилкавишкис. Наконец-то, через

два месяца мы могли закрыть дверь и остаться одни в нашей собственной комнате.

С мебелью у нас не было проблем. Нам дали четыре кровати, один стол и четыре стула. Это все, что мы смогли разместить в комнате: много места занимала печка.

Бабушка и Израэль работали в совхозе, Рахиль занималась домашним хозяйством. Приготовление еды не отнимало у нее много времени, да и ограниченный состав продуктов не позволял блеснуть кулинарным мастерством. Появились и другие обязанности. К примеру, дрова для печки нужно наколоть и принести в дом. Чистую питьевую воду брали из колодца. При отсутствии какой-либо канализации грязную воду выносили на помойку. Полы не были покрашены, и поэтому каждый день Рахиль их мыла и скребла.

С такой тяжелой домашней работы девушка из Копенгагена вообще никогда не сталкивалась, но, к чести Рахиль, она научилась выполнять не только эту работу, но со временем и многое другое.

Мы подружились с нашими русскими соседями. Они всегда были рады помочь нам и давали советы, когда мы попадали в совершенно незнакомые для нас ситуации. Они помогли нам справиться с трудностями, возникшими на первых порах, пока мы привыкали к новой жизни. Соседи были простые рабочие люди. Наше появление привнесло интересную и радостную перемену в их скучную и тихую повседневную жизнь. Они сгорали от любопытства и часто приходили в гости. Спрашивали, где мы родились, где жили, в каких странах бывали. Женщин особенно интересовала наша одежда. Они просили продать им что-нибудь, объясняя, что никогда не носили ничего подобного. Они не могли понять, как это так получается, что Рахиль почти каждый день стирает ребячью одежду, а та не линяет. Словом, многое казалось им почти нереальным.

Как-то раз одна из соседок впервые зашла к нам в комнату и, оглядевшись, воскликнула:

— У вас столько кроватей, прямо как в больнице!

Сначала мы не поняли, чему она так удивилась, но позже выяснилось, что местные жители не привыкли к такому количеству кроватей в одной комнате. Как правило, в их домах стояла одна кровать с огромным количеством подушек, сложенных горой одна на другую и накрытых большой кружевной накидкой. Родители спали на кровати, а остальные члены семьи на полу. На ночь каждый «напольник» по-своему устраивал себе постель из чехлов, матрацев и одеял.

Так что и мы узнавали много нового.

Израэль

В штате ремонтной мастерской, где я начал работать, было 40 человек. Администрацию представляли четверо: директор (Ермолаев), инженер (Васильев), механик и я. Мастерская занималась ремонтом и техническим обслуживанием всей техники и инструментов совхоза. Она была оснащена вполне современной, в том числе заграничной техникой.

Мне отвели маленькую комнатку, оборудованную специально для бухгалтера. Объем работы — довольно-таки большой для одного человека. Все дело в том, что работали в мастерской сдельно, и на каждую запчасть или кусок металла заполнялся бланк заказа. В результате, нужно было обрабатывать огромное количество бухгалтерских документов: приходных и расходных ордеров, сводных таблиц и т. п.

Директор Ермолаев очень удивился, когда увидел, что я не пользуюсь счетами, главным инструментом в бухгалтериях всех советских предприятий и в магазинах. Он стоял, наблюдая за моей работой, а потом сказал:

— Не могу понять. Как вы, человек с высшим образованием, не умеете пользоваться счетами?

Чтобы овладеть искусством вычислений на деревянных костяшках, я после работы приносил счета домой и трени-

ровался. И постепенно приобрел все необходимые навыки для того, чтобы быстро считать и при этом не ошибаться.

Мои отношения с другими работниками мастерской были хорошими, а в некоторых случаях даже дружескими. Ермолаев — невысокий, коренастый и очень сильный мужчина лет сорока. Он рассказал мне, что служил подмастерьем у кузнеца и что окончил всего четыре класса.

— Я в долгу перед Советской властью за все, чего достиг в жизни, — с гордостью говорил он.

Все квалифицированные рабочие были освобождены от воинской обязанности, потому что ремонтные мастерские отнесли к предприятиям военной промышленности. Ермолаева тоже освободили, о чем он искренне сожалел. Он очень хотел уехать на фронт и помогать бить «фрицев» — так он называл немецких солдат.

В официальных советских кругах к нам, спецпоселенцам, относились как к очень подозрительным и ненадежным элементам. Иметь с нами контакты при определенных обстоятельствах для многих людей было небезопасно. Но в жизни то и дело оказывалось, что нормальные человеческие чувства и отношения важнее приказов и ограничений, установленных партией. Например, Ермолаев часто просил меня остаться после работы. Когда все расходились по домам, мы проходили в маленькую комнату, где на стене висела огромная карта, и он просил меня показать, где сейчас проходит линия фронта и где главные районы военных действий, а также рассказать, как географические условия могут повлиять на военную ситуацию.

Однажды он попросил меня показать, где находится Перл Харбор. Это было как раз после того, как 7 декабря 1941 года японцы атаковали американскую военно-морскую базу, и в советской прессе появились сообщения об этом. Ермолаев плохо разбирался в географии, не скрывал этого и всегда с большим интересом слушал, чтобы и в географии получше разобраться, и побольше узнать о событиях, происходящих в мире.

Вскоре я убедился в том, что человеческие качества этого человека намного выше, чем у некоторых, куда более образованных людей.

Алтайский край знаменит своими сильнейшими зимними буранами. Однажды поздно вечером, когда начавшийся еще с утра буран продолжал бушевать, и никто не осмеливался выйти из дома, раздался стук в дверь. Я был очень удивлен, увидев на пороге Ермолаева. Он стоял весь запорошенный снегом с рюкзаком за плечами. Я предложил ему войти. Войдя в комнату, он объяснил, что назначен командиром отряда местной самообороны. Они проводили учения, и, проходя мимо, он увидел свет в нашем окне и решил зайти поговорить.

Я спросил его, почему для учений выбрали такую ужасную погоду. Он ответил, что его команда привыкла подниматься по тревоге и совершать марш-броски в любую погоду.

Я предложил ему стаканчик водки, он не отказался.

Потом я еще несколько раз наполнял его стакан, и вскоре бутылка оказалась пустой, но Ермолаев и не собирался уходить. Дети давно уже спали. Нужно было укладываться маме и Рахиль.

Ермолаев вскоре, кажется, понял, что своим присутствием доставляет неудобство, и заботливо предложил:

— Если ваши женщины хотят ложиться спать, я сяду спиной, чтобы их не смущать. Обещаю, что подглядывать не буду.

Когда «мои женщины» легли в постель, и все затихло, Ермолаев подошел к своему рюкзаку и вынул оттуда мешочек муки:

— Это вам. Я бы не хотел, чтобы кто-то еще узнал об этом.

Работники совхоза для подкормки кур и свиней покупали мякину. Этот отличный корм стоил дешево. Наша ремонтная мастерская была единственным предприятием, где ремонтировали любую технику, в том числе двигатели и трактора. Недалеко от совхоза стояла мельница, и если там что-то выходило из строя, то в нашей мастерской ремонтировали и эту мельничную технику. Поэтому директору мельницы было

выгодно поддерживать дружеские отношения с директором ремонтной мастерской, который в критических ситуациях мог всегда придти на выручку.

Ермолаев пользовался на мельнице особым уважением. Если он привозил туда сто килограммов мякины, то в обмен получал сто килограммов муки высшего сорта по хорошо известному и часто используемому принципу «долг платежом красен». Этому принципа придерживаются во всех странах, а в Советском Союзе он тем более необходим как условие, чтобы сводить концы с концами.

К чему я об этом? А к тому, что только в буран Ермолаев мог незаметно придти к нам домой и принести такой бесценный гостинец. Если бы кто-то увидел его и спросил, что это он делает на улице в такую ужасную погоду, он бы ответил так же, как и мне: был на учениях с полной выкладкой. Конечно, он рисковал. Был бы он замечен в связи с нами, да еще, если бы узнали, какой редкий и ценный подарок он нам сделал, дело могло закончиться очень серьезными неприятностями для него, поскольку он был членом партии и занимал ответственный пост в совхозе. Иначе говоря, общение с такими ненадежными, социально опасными элементами, как мы, могло неблагоприятно повлиять на его карьеру. И тем не менее, его простой, но мужественный поступок доказал, что человеческие чувства и сострадание неподвластны политике и идеологии партии так же, как и различным приказам и директивам органов власти.

Купить муку в то время было невозможно. Гостинец Ермолаева помог внести хоть какое-то разнообразие в наш скромный и однообразный рацион. Но самым важным для нас являлось то, что в таком далеком уголке Сибири у нас появился первый русский друг. Хороший человек запаса.

Наша жизнь в совхозе постепенно вошла в обычное русло. Я был доволен работой, даже несмотря на то, что моей месячной зарплаты нам хватало только на неделю. До следующей зарплаты мы жили на деньги, которые получали от продажи детс-

ких и других вещей из нашего гардероба, которые мы в спешке затолкали в чемоданы в Литве. На вырученные деньги мы покупали молоко, масло, картофель и многое другое.

Полки местных магазинов пустовали. И барахолка — единственное место, где удавалось купить и одежду, и обувь. Ездили и мы на нее. Каждое воскресенье сотни людей приезжали сюда, чтобы что-нибудь купить, продать или обменять.

Безусловно, наши жилищные условия, наш быт очень сильно отличались от того, к чему мы привыкли в Литве. После всего, что мы пережили, наша прошлая жизнь казалась нам чем-то очень далеким и сказочным. Но мы не могли предаваться воспоминаниям и мечтаниям и принимать желаемое за действительное. Мы хотели выстоять и выжить, и положение, в котором мы оказались, требовало предельной собранности и максимальной сосредоточенности.

Мы скоро привыкли к жизни в совхозе, которая, по сравнению с тремя неделями кошмара в товарном поезде, стала казаться нам просто роскошной.

Благоприятный климат Алтайского края хорошо подействовал на здоровье многих депортированных. Моя мама много лет страдала аллергией. По заключению врачей, у нее был неподдающийся лечению вид крапивницы. Она консультировалась у многих специалистов в разных странах и перепробовала все виды лекарств и диет, и ничего ей не помогло. После приезда сюда аллергия у нее исчезла, и никогда больше не было никаких рецидивов.

Алтай — это большой регион в Западной Сибири с красивой природой и плодородными землями. То, что мы увидели там, ничем не напоминало холодную и мрачную Сибирь, о которой Рахиль читала в книгах. Она все время говорила:

— Это не настоящая Сибирь. Вокруг такая пышная растительность и такая богатая природа. Уже в феврале так припекает солнце!

«Географические» сомнения Рахиль оправдались: настоящую Сибирь нам еще предстояло увидеть.

ВНЕЗАПНЫЕ ПРОВОДЫ.

Июнь 1942

Рахиль — Израэль

Сбор урожая в садах закончился, и наша бабушка, оставшись без работы и постепенно привыкнув к новой для нее ситуации, стала заниматься добычей продуктов, продавая или обменивая вещи на рыночной площади в Бийске. От нашего совхоза до этой площади — примерно километров семь, и бабушка иногда ходила туда пешком, а иногда добиралась на попутных грузовиках или подводах.

Из одного такого похода на рынок она вернулась сияющая, и мы, заинтригованные, стали с нетерпением ждать ее рассказа. С гордостью она достала из сумки мешочек с... кофейными зернами. А произошло вот что. Она зашла в магазин. В темном углу, не веря своим глазам, она разглядела огромный мешок с необжаренными кофейными зернами. Осталось загадкой, каким образом этот мешок попал в Бийск, где почти никто не пьет кофе. На всякий случай она спросила продавца, что в мешке. Он не знал. Однако покупать «это» он ей не советовал, рассказав, что на днях несколько человек купили, а потом пришли к нему с жалобой, что он продает что-то настолько несъедобное, что даже каша из этих зерен не варится, хотя они варили их несколько часов кряду. Продавец потерял дар речи, когда, несмотря на его предупреждения, она купила почти два килограмма этих несъедобных зерен. Так и осталось неясным, откуда привезли этот кофе, и как долго он про-

лежал в магазине, пока, наконец, пришло время, оценить его по достоинству. И нашим друзьям из Литвы он пришлось по вкусу. Мы жарили кофейные зерна на обыкновенной сковороде, а поскольку кофемолки не было, то заворачивали обжаренные зерна в полотенце и измельчали молотком. Вот таким примитивным, но достаточно эффективным способом мы получали отличный кофе. Конечно, его нельзя было сравнить с тем, к которому мы привыкли в Дании. Но тут опять вопрос в приспособлении к тем обстоятельствам, в которых мы оказались. Как много лет пройдет, прежде чем мы снова станем пить кофе в Копенгагене!

Многие женщины в совхозе читали по слогам и с трудом могли написать только свою фамилию. Когда они узнали, что наша бабушка хорошо умеет и читать, и писать, они стали приходить к ней с письмами, просили их прочитать и написать ответ. В основном это были письма от мужей и сыновей с фронта. Они были очень благодарны бабушке и предлагали ей деньги за помощь, но она, естественно, отказывалась. Одна из женщин очень переживала, что ничем не может отплатить, и предложила помочь избавиться от вшей. Это, по местным понятиям, являлось знаком дружбы и уважения. Бабушка поблагодарила, сказав, что как-нибудь в другой раз.

Рахиль

Когда я впервые увидела эту процедуру, я не поняла, что происходит. Мы были в бане. В углу, на лавке я заметила двух женщин, поглощенных каким-то странным занятием. С гребешком в одной руке и широким ножичком в другой, они по очереди осматривали волосы друг у друга. Они были очень сосредоточены и даже не переговаривались. Понаблюдав за ними со стороны, я поняла, что они ищут вшей. Гребешок с мелкими зубьями использовался для того, чтобы найти вошь, переместить ее на нож и затем раздавить ногтем. Позже я

часто наблюдала подобные сцены — это был широко используемый метод личной гигиены.

Рахиль — Израэль

Наша нынешняя повседневность лишилась самых простых вещей, которые в нашей прошлой жизни подразумевались: вода, дрова, обычная кухонная утварь. Теперь все нужно где-то отыскивать, откуда-то привозить и как-то обустроить. Уход за детьми и домашнее хозяйство легли на плечи Рахиль. И тем не менее по вечерам она находила время учить русский язык и довольно скоро уже могла читать русские газеты.

Привыкать к новым условиям жизни всегда трудно. Тем более оказавшись в совершенно незнакомом мире. Мы находились среди людей, которые в большинстве своем, хотя и относились к нам по-дружески, но с нами имели мало общего. Мы и думали, и чувствовали не так, как они. Их менталитет так и остался чуждым нам даже спустя годы, когда мы, казалось, свыклись с мыслью, что так и не вернемся домой.

Со временем размышления о нашей ссылке уже не причиняли такую боль, как в первое время. Может быть, потому, что теперь мы знали о масштабах военных действий и ужасах, творящихся на оккупированных немцами территориях. Мы понимали, что, находясь в ссылке, защищены от зверств нацистов и, возможно, от смерти в гетто, где погибли десятки тысяч евреев из прибалтийских государств. Однако не все депортированные придерживались такого же мнения. Некоторые литовцы говорили, что предпочли бы немецкую оккупацию ссылке в Сибирь. Позже мы узнали, что многие литовцы приветствовали немецкие оккупационные войска. Они ведь, эти доблестные воины фюрера, изгнали из Литвы советскую армию, а значит, и советскую систему, навязанную стране.

Наступил март. В Алтайский край пришла весна. Но с ее приходом произошло событие, осложнившее нашу жизнь в совхозе.

Однажды туда приехал политрук, чтобы проверить, не сбилось ли руководство и население крупного советского хозяйства с политического курса партии, а заодно проследить за депортированными, за их связями с местными людьми.

Политрук — значит политический руководитель. Им можно стать, но не каждому, кто захочет, а исключительно партийному работнику. В обязанности политрука входил контроль за работой партийной организации. Кроме того, он должен был наставлять на правильный путь и беспартийных.

Политрук, приехавший в наш совхоз, оказался настоящим аппаратчиком. И первая задача, которую он поставил перед собой, касалась нас, спецпоселенцев. Он хотел знать о нас все: откуда мы, кто мы такие, чем занимались раньше. Сделать это было не слишком сложно. Ему просто нужно было обратиться к начальнику НКВД, у которого в папках хранились подробнейшие досье на каждую семью. Затем он посчитал своим долгом убрать всех ссыльных с конторских должностей и перевести их на выполнение только физической работы. Одну из местных девушек он послал на ускоренные курсы бухгалтеров, и, когда она через шесть недель вернулась, Израэля сразу уволили и перевели на трудную физическую работу.

Израэль пошел к директору совхоза Дмитрию Селукянскому и объяснил ему, что он не отказывается от физической работы, но из-за своей инвалидности не может выполнять ее. Внимательно выслушав его, директор сказал:

— Не нервничайте! Я видел в бане, что у вас с ногами. Я постараюсь найти вам работу, которую вы сможете выполнять.

И он сдержал свое слово. Однако неутомный политрук проследил, чтобы и Рахиль тоже определили на работу, так как, по его мнению, наша бабушка еще такая здоровая,

что в состоянии в одиночку запросто управиться с домашним хозяйством. И мы с Рахиль стали работать вместе.

Мы разбирали старые развалившиеся бараки, построенные из самана — необожженных кирпичей, сделанных из глины с примесью навоза и соломы. В этой части Сибири такой кирпич-сырец издавна использовался в качестве строительного материала. Главное условие: выбирать нужно целые кирпичи, которые можно повторно использовать. Работа была значительно легче рытья ям, но все равно очень трудная. Кирпичи оказались настолько хрупкими, что рассыпались в руках, превращаясь в пыль.

Но, к всеобщему удивлению, с разбором барачных мы справлялись и даже заработали кое-какие деньги. И самое приятное во всем этом было то, что за нами никто не следил. Мы в этом смысле являлись свободными людьми. Мы сами определяли, в каком темпе работать.

В апреле начали сажать картошку. Как и всем в совхозе, нам тоже выделили участок земли, примерно три сотки. Но нам не на что было купить рассаду. И снова нам помог директор совхоза Селукьянский. Когда он узнал, что у нас нет рассады, он разрешил нам брать картофельные очистки в столовой. А столовских работников попросил снимать кожуру потолще. Селукьянский посоветовал брать кожуру как минимум с тремя глазками, то есть с тремя почками, из которых пойдут ростки.

Мы внимательно слушали его наставления, но не верили, что даже из самых толстых картофельных очистков может что-то вырасти. Мы даже немного расстроились, решив, что над нами смеются. Однако выбора у нас не было, и мы все сделали так, как он сказал.

Через несколько недель появились зеленые всходы на нашем картофельном поле. Они быстро росли, превращаясь в большие кусты ботвы, и спустя некоторое время мы попробовали первую картошку с собственного огорода. Нам казалось, что вкуснее ее ничего не ели, и стали с нетерпением

ждать сбора урожая. Но лишь радость этого ожидания и осталась у нас, поскольку собрать урожай с нашего поля нам так и не пришлось.

В один из дней в конце июня 1942 года внезапно появившийся и, как всегда не представившийся офицер НКВД без всякого выражения на лице приказал упаковать вещи и приготовиться к отъезду. Он не сказал, куда нас повезут, сколько мы будем ехать и не объяснил, почему нам снова нужно куда-то уезжать. Мы же вопросов не задавали. К тому времени мы уже знали, что вопросы представителям НКВД задавать бесполезно. Мы должны на их вопросы отвечать и подчиняться их приказам. Никому бы и в голову не пришло протестовать или просить об отсрочке.

Мы попрощались с нашими русскими друзьями и соседями, с которыми за время, прожитое в совхозе, подружились. Многие из них плакали. Они понимали, что нас опять ждет что-то страшное и неопределенное.

Было бы преувеличением сказать, что мы привыкли к местному климату, но мы прижились здесь. И было больно оттого, что нас снова куда-то вырывают и что каждая новая перемена ведет только к худшему. Никто не в силах был облегчить нашу участь.

ПРИЗРАК АМЕРИКИ

Рахиль — Израэль

На следующий день нас отвезли в Бийск и разместили в школе. Там мы прожили несколько дней. За это время туда же привезли тех, кто был депортирован вместе с нами из Литвы. Так же, как и нас, их забрали из совхозов, где они жили и работали в течение года.

Рахиль

В один из таких тягостных дней ожидания мы пересмотрели все наши вещи и, отобрав то, без чего могли обойтись, решили продать здесь, в Бийске. После того, как по городу разнеслась весть, что снова пригнали депортированных и что перед пересылкой они будут жить в школе, она стала похожа на рынок. Горожане знали, что у них появилась возможность приобрести вещи, которых не продавали в местных магазинах.

У меня была красивая шелковая ночная сорочка, которую Израэль привез мне из Риги. Когда одна из русских женщин увидела ее, она, сгорая от желания иметь такую вещь, предложила мне за нее две тысячи рублей, очень большие деньги по тем временам. Я согласилась. Я была уверена, что в ближайшем будущем шелковая сорочка с красивой вышив-

кой мне не понадобится, и потому без сожаления рассталась с ней. Но я помнила, какую огромную радость совсем в недалеком прошлом доставил мне этот подарок.

Почти все вырученные деньги мы потратили на продукты. Мы накупили все, что нам могло понадобиться в предстоящей поездке: сахар, муку, овсяную крупу, топленое масло в бутылках, несколько бутылок водки, которая, знали, пригодится для бартера. Мы остались очень довольны покупками. Да и та русская женщина, которая купила ночную сорочку, тоже, наверное, осталась довольна не меньше нас.

На следующий день мы случайно встретили ее на улице, и, к нашему удивлению, она шла нам навстречу... в моей ночной сорочке. С нескрываемой радостью и гордостью она шла по тротуару, демонстрируя прохожим новое приобретение. Позже мы узнали, что не было ничего необычного в этой прогулке в шикарном нижнем белье. Дело не в том, что она не имела другой одежды. Просто ей было жаль надевать такую красивую вещь только на ночь и лежать в ней под одеялом.

Рахиль — Израэль

Через два дня нас привезли на станцию. Несколько офицеров НКВД со списками в руках размещали прибывших в хорошо знакомых товарных вагонах.

На этот раз в них загружали людей больше, чем раньше, когда нас везли из Литвы. И все началось сначала — строгий надзор, враждебно настроенные солдаты, которые кричали на нас и торопили, суп в ведрах и проклятая дырка в полу. Все было так же, как и двенадцать месяцев назад, и так же, как и тогда, мы не имели никакого представления, куда нас везут и что с нами будет.

Спрашивать конвоиров бесполезно. Они не разговаривали с нами, не реагировали на нас и, похоже, были совер-

шенно безучастны к нашему положению. Для нас депортация — унижение и испытание, для них — обычная работа.

Постепенно отчаяние охватило всех пассажиров вагона, и больше всего нас беспокоила неизвестность. Хотя мы и могли догадываться, что, вероятно, нас повезут еще дальше, на север Сибири. Но никто не знал, куда именно и что нас там ждет.

Из Новосибирска поезд пошел на восток по Транссибирской магистрали, в город Черемхово. Один раз состав остановился в Красноярске, где нам дали возможность вымыться в бане городской пересыльной тюрьмы, которую специально построили для идущих по этапу. До нас сотни тысяч людей прошли тем же маршрутом, но мир еще не знал о размахе сталинских репрессий, жертвами которых стали миллионы людей. Весь путь через Сибирь был пропитан слезами и страданиями невинных, которые не знали, за что им уготованы такие испытания.

Пока нашу одежду пропаривали в специальных камерах санобработки, мы мылись в долгожданной бане. Все делалось в спешке, под окрики: «Давай! Давай!» И снова мы чувствовали себя стадом скота, бессильными перед властью и прихотями наших охранников.

Рахиль

Глядя на проносящуюся за маленьким зарешеченным окном нашего вагона чужую, незнакомую страну, я испытывала страшную тоску.

Почему мы здесь оказались?

Почему с нами так обращаются?

Почему нам не разрешили жить так, как мы хотели?

Я старалась подавить в себе мысли о нашей прежней мирной и обеспеченной жизни, но ничего не могла поделать с собой. Нахлынули воспоминания, и с ними я переносилась то в дом в маленьком Кибартае, который мы так спешно ос-

тавили, то в Данию, к моей семье, где никто не знал о нашей судьбе. Как они там? Живут, как и прежде, с обычными каждодневными заботами и радостями или и в их жизнь вторглась война? Я не могла получить ответы на эти вопросы и понимала, что еще не скоро их получу.

Невозможно было подавить в себе мучительную зависть, когда поезд проходил мимо поселков и городишек, где люди жили своей нормальной жизнью. Дома — небогатые, иногда — жалкие лачуги, но все равно мне хотелось, чтобы нашей семье разрешили остаться в одном из таких мирных мест, где бы мы могли жить в безопасности, спокойно и без страха, что однажды нас опять сорвут с места и сошлют бог знает куда.

Но больше всего я боялась за детей. Шнеуру — шесть лет, а Гарриетте нет еще двух. Я продолжала кормить ее грудью, и это не всегда было легко в трясушемся товарном вагоне, когда к тому же со всех сторон тебя окружают незнакомые люди.

Рахиль — Израэль

Нас привезли в Черемхово около десяти утра. В проливной дождь, напоминавший тропический ливень, но только очень холодный. Никто не хотел выходить наружу, но вскоре нам приказали выйти из вагонов.

А до этого мы стали свидетелями спора между начальником нашего конвоя и начальником станции. Офицер НКВД Якушев, начальник конвоя, отвечал за прибытие нашего эстапа по расписанию. Начальнику станции приказали сразу после прибытия отправить наш поезд назад, и он настаивал на немедленной выгрузке людей. Якушев, напротив, хотел, чтобы мы оставались в вагонах до тех пор, пока за нами не приедут. С одной стороны, ему так легче было охранять нас, а с другой, он не хотел рисковать, поскольку в такую погоду люди могли легко простудиться и заболеть. А он отвечал за то, чтобы ссыльные доехали до места назначения здоровыми. Ник-

то не должен отстать от этапа из-за болезни, иначе у конвоя появятся лишние заботы. Спор закончился победой начальника станции. И Якушев приказал выгружаться.

С неохотой мы выходили из душного и грязного вагона. Он опостылел нам, но он защищал нас от безжалостного, не утихающего дождя, который, казалось, имел символический смысл.

Поезд ушел, оставив нас на запасном пути довольно далеко от станции. Вокруг простирались бескрайние поля, и никаких домов или строений, где можно укрыться.

Мы стояли небольшими группами у багажа, сваленного в кучи, как попало. Мягкая глинистая почва под ногами превращалась в жижу, в которой увязали ноги. Два часа тысяча замерзающих, промокших до нитки людей простояли под непрекращающимся ливнем посреди голого поля.

Наконец подъехали несколько подвод. Поскольку наш вагон находился в хвосте поезда, то мы последними погрузили багаж на телегу. Лошадь медленно потянула телегу по грязи. Возчик с вожжами в руках шел рядом, мы по мокрому полю тащились сзади.

Нас снова привезли в школу, где мы вместе с несколькими семьями разместились в пустом классе. Трудно сейчас вспомнить, в скольких школах мы останавливались по пути нашего следования. Только потом стало понятно, что этапирование проводилось по графику, приуроченному к школьным каникулам. Без каких-либо специальных приготовлений именно школы можно было использовать под временное пристанище тысяч людей, пересылаемых с одного конца страны на другой.

Кое-как устроившись, мы переоделись в сухую одежду и, чтобы согреться, выпили водки. Вскоре после этого улеглись и без сил, вымотанные до предела за этот длинный день, сразу же заснули.

Ночью нас разбудили, когда одна из семей стала переносить свой багаж в другой класс. Но мы были такими ус-

тавшими и сонными, что не обратили на них внимания. Только утром мы обнаружили, что тридцатикилограммовый мешок с мукой, который мы с таким трудом довели, исчез. Люди, ночью переносившие свои вещи, возможно, наш мешок и утащили. Они хорошо понимали, что найти его среди багажа тысячи людей не реально. Мы не знали этих людей и ничего не могли поделать. Единственное утешение за нашу неосмотрительность — надежда на то, что потеря драгоценного мешка с мукой послужит нам уроком на будущее.

На следующее утро мы проснулись рано. Усталость от мучений прошедшего дня чувствовалась во всем теле. Постепенно нас охватило отчаяние, и мы думали лишь о том, как остаться в живых, пока мы не доберемся до неизвестного нам места назначения. Тысячу депортированных, в числе которых была и наша семья, отправили по реке Ангаре до Заярска на двух больших баржах, которые на буксире тянул колесный пароход. Нас погрузили на крайнюю баржу, и пароход пошел вверх по реке. В полночь встречный пароход, идущий вниз по течению, задел первую баржу, наша баржа тоже получила удар. Еще несколько минут и могла начаться страшная паника. Пассажиры с нижней палубы были уже готовы прыгнуть за борт. К счастью, ни наша, ни первая баржа не получили серьезных повреждений. Люди постепенно успокоились, и плавание до Заярска продолжилось.

Неожиданно с молниеносной быстротой среди пассажиров пронесся слух, что нас везут в порт Тикси на Ледовитом океане, чтобы оттуда на пароходе отправить в Соединенные Штаты Америки. Однако вскоре люди заподозрили, что слух распространили офицеры НКВД специально, чтобы облегчить работу конвоя и чтобы у нас не пропало стремление выжить. Среди депортированных уже отмечались случаи глубокой депрессии и отчаяния, а несколько молодых людей пытались совершить побег. Вот почему, наверное, в НКВД

решили «задобрить» ссыльных перспективой счастливого окончания их страданий.

Конечно же, никаких официальных сообщений на этот счет никто не делал, но до самого конца нашего плавания были люди, упорно верившие в правдивость этих слухов. По их версии, американское правительство потребовало, чтобы депортированных из Литвы отправили в Соединенные Штаты, где три миллиона литовских эмигрантов проводили кампанию за освобождение своих соотечественников. Те, кто верил этим слухам, и даже те, кто не верил, воспряли духом. В нашем положении даже самая невероятная возможность спастись казалась реальной. Обстоятельства сделали нас чувствительными и наивными. Мы стали верить в чудеса. В некотором смысле мы находились в таком же положении, как и те евреи, которые по дороге в газовые камеры не сомневались, что их везут в надежное и безопасное место.

Через два дня плавание закончилось. Мы приплыли в Заярск, откуда нас должны были переправить на реку Лену. Это примерно километров сто на северо-восток. В Заярске мы пробыли три дня. Для перевозки людей пригнали двадцать грузовиков. Несмотря на то, что грузовики работали непрерывно, понадобилось три дня, чтобы перевезти всех ссыльных. Поскольку в Заярске школы не было, то нас оставили прямо на улице. Мы ночевали под открытым небом рядом с багажом, который от страха, что его могут украсть, теперь уже никто не оставлял без присмотра.

Израэль

Мне удалось найти маленький флигелек, в котором Рахиль и дети могли поспать. Он стоял прямо в центре Заярска и принадлежал русской семье, которая с обычным русским гостеприимством приняла Рахиль с детьми, не задумыва-

ясь о последствиях того, что предоставили кров спецпоселенцам.

Мы с мамой вынуждены были оставаться на улице и устроились рядом с багажом. В таких жутких условиях люди ослабли и начались болезни: малярия, расстройство желудка, пневмония. Моя мама два дня страдала от расстройства желудка. Слабая и беспомощная, она лежала на улице, на узлах с вещами. С большим трудом я достал лекарство. Ей стало немного лучше, когда на третий день нас повезли на грузовике в порт Осетрово на реке Лене.

Рахиль — Израэль

В Осетрове мы погрузились на большой колесный пароход, на котором нам предстояло плыть дальше на север до Якутска. Если сравнить то, что нам пришлось пережить за последние дни, то путешествие по Лене было, можно сказать, довольно приятным и спокойным. И это, несмотря на то, что мы теснились в одном из салонов парохода, где разместились еще несколько семей. После товарного вагона и плавания на барже до Заярска здесь мы чувствовали себя как пассажиры первого класса.

За восемь суток, проведенных на колесном пароходе, нам удалось восстановить силы и придти в себя. На реке Лене мы видели потрясающе красивые сибирские пейзажи, фантастические скалы по берегам, бескрайние, покрытые синей дымкой леса и огромные равнины, путающие своей дикой девственностью и пропитанные не потревоженным покоем. Они произвели на нас глубокое, неизгладимое впечатление. До этого мы никогда не видели таких почти невероятных пейзажей.

Для заправки топливом пароход останавливался в разных речных портах, и мы сходили на берег, чтобы кое-что купить из продуктов. В общем, за время этого плавания на-

строение несколько улучшилось, и наши попутчики заметно повеселели.

В Якутск мы приплыли в первых числах августа, но не выгружались в ожидании другого парохода, на котором должны были плыть дальше на север, в низовье реки Лены.

Израэль

Пока пароход стоял у пристани, некоторые мужчины ушли в город. Они легко получили разрешение офицеров НКВД, которые знали, что семьи этих мужчин остаются на пароходе в качестве заложников.

После я узнал, что они ходили к местным властям города Якутска в поисках работы, чтобы не ехать дальше на север. Довольно странно, но работу они нашли, и им разрешили остаться в городе вместе с семьями. Такое неожиданно покладистое отношение со стороны властей объяснялось тем, что все вновь прибывшие хорошо говорили по-русски и многое умели делать: из-за войны в Якутске не хватало рабочих рук. Конечно, в тот момент никто не знал, как этим людям повезло.

Я мог бы тоже отправиться в город и тоже, несомненно, нашел бы работу. Но не осмелился оставить Рахиль, маму и детей одних. Я не знал, когда пароход поплывет дальше, и боялся, что они могут уплыть без меня. Я не решился рискнуть и позже горько сожалел об этом. Но после драки кулаками не машут.

Эти события ясно показали, как много зависит от случайностей в системе, в которой мы оказались, и как от этих случайностей зависят судьбы людей.

К этому времени последняя надежда на то, что нас отправят в Соединенные Штаты Америки, рухнула. Если бы это было не слухами, а правдой, то власти никому бы не разрешили остаться в Якутске.

Рахиль — Израэль

На двух баржах, которые тянуло буксирное судно, мы уплывали все дальше на север, и после Якутска пейзаж резко изменился. Вдоль берегов мы уже не видели полей, а только леса и скалы. Постепенно лес стал редеть. По берегам была только скудная низкорослая растительность. И появилась тундра: унылые, суровые пейзажи. Хотя был еще август, но стало заметно холоднее.

Рахиль

Эта часть нашего долгого пути запомнилась одним событием, которое навсегда врезалось в память. Мы стояли на палубе баржи. Солнце у края горизонта бросало слабые красновато-золотистые лучи на серый, безжизненный ландшафт с одинокими, жалкими низкорослыми деревьями. Это было печальное и угнетающее зрелище, а когда я увидела в отдалении склоны гор, покрытые снегом, не растаявшим за короткое и холодное лето, меня охватило отчаяние. Мне казалось, что это конец всего живого, конец Земли.

Мы стояли, глядя на этот удручающий ландшафт, когда, вдруг, кто-то запел:

*Пока сердце бьется в груди,
Ты с надеждой должен идти.*

Это молодые мужчины и женщины пели «Хатикву», что значит «Надежда», песню, которая теперь стала национальным гимном Израиля. В ней поется о тысячелетней надежде евреев стать свободным народом и жить в своей стране, о неутолимой тоске по Иерусалиму и горе Сион.

Молодые люди запели, не сговариваясь, и, думаю, всех нас охватило чувство братства и единения. Все больше голо-

сов присоединялось к песне о солнечной обетованной стране, пока баржа, качаясь на волнах, плыла между враждебных безжизненных берегов к Северному Ледовитому океану.

В атмосфере безнадежности и отчаяния песня дала нам надежду. Ни наши охранники, ни литовцы не знали, о чем мы поем, и что нашей песней мы выражаем протест. Это была только наша песня. У нас можно было все отнять, но только не мысли и чувства, которые «Хатиква» пробуждала в нас. Они принадлежали только нам, и никакая власть не могла отнять их у нас.

Многие пели со слезами на глазах. Надежда и те чувства, которые мы вложили в песню, объединили нас со многими поколениями евреев, которые оказывались в подобных ситуациях. Многие из этих молодых людей увидят свою мечту осуществленной. В конце шестидесятых и в начале семидесятых годов многим из них разрешили уехать из Советского Союза в Израиль, где они теперь и живут.

Мы еще долго стояли на палубе, и песня еще продолжала звучать в нас, даже после того, как она стихла. Мы были все разные, у каждого свои корни и разное восприятие мира, и разные судьбы. Но, несмотря на все различия, в те минуты песня связала нас невидимыми узами истории нашего народа. Наша судьба — это всего лишь несколько строчек на одной из страниц книги истории нашего народа.

Рахиль — Израэль

Несколько раз буксир причаливал к берегу в маленьких деревнях и поселках, и многим семьям приказывали выгружаться. Казалось, что определять нашу дальнейшую судьбу разрешили нашим охранникам. Никто не интересовался нашим мнением, да мы ничего и не могли сделать, столкнувшись лицом к лицу с безжалостной властью. Конечно, мы пытались понять, на основании чего отбирались люди и почему их высаживали

с барж в разных местах. Но в решениях и в действиях функционеров НКВД трудно было найти какую-либо логику.

Ландшафты становились суровее и мрачнее. Создавалось впечатление, что оставшихся на баржах людей решено было наказать суровее всех за преступления, которые никто из них не совершал. После Якутска нас охраняли без особой строгости: было очевидно, что никто не рискнет бежать в этих диких местах.

На девятый день нашего пути из Якутска, шестнадцатого августа мы прибыли в поселок Быков Мыс, что в дельте реки Лены, у моря Лаптевых. Около четырехсот человек были высажены здесь. То, что мы увидели на берегу, показалось нам еще страшнее, чем то, что мы видели раньше. Здесь не было ни пристани, ни домов. Плоскодонные баржи, на которых мы плыли, подтянули почти вплотную к берегу, и по наскоро сбитым сходням люди стали выгружаться.

Над узкой полоской берега нависал крутой обрыв из многолетнего льда, прикрытого тонким слоем почвы. Все вокруг — грязно-серого, коричневого и черного цвета. Ни деревьев, ни кустарников, ни травы. Ничего живого. Шел дождь.

Вот какое, оказывается, наше место назначения, вот куда мы ехали двадцать четыре дня.

И опять, как и раньше, мы выгружались из баржи последними, и опять нас обокрали. Мужчина с баржи, который помогал переносить багаж на берег, не упустил случая и в суматохе украл самый ценный мешок с теплыми пальто, ботинками, шерстяным нижним бельем и другой одеждой. Пропажу обнаружили, когда мы сошли на берег, а баржу прицепляли к буксиру. И опять ничего нельзя было поделать.

Мы стояли на берегу небольшими группами. Никто не знал, куда нам идти и что мы будем делать в этой забытой Богом дикой местности. Мы чувствовали себя затерянными и одинокими. Пароход с двумя баржами поплыл дальше. Много наших друзей осталось на этих баржах. Мы еще долго махали им с берега, пока караван не скрылся из виду.

Конец Земли

Рахиль — Израэль

Мы продолжали стоять на берегу, осматриваясь в надежде найти какие-нибудь дома или другие сооружения как доказательство, что место это обитаемое. Через некоторое время подошли несколько человек и среди них офицер НКВД Куриганов, бурят по национальности. Этот суровый низкорослый Куриганов говорил хриплым голосом, свидетельством об одной и самой главной его страсти: потреблении большого количества алкоголя.

Вдали, у берега стояла большая баржа, которая, как мы подумали, села на мель. Куриганов, показав именно на эту баржу, сказал, что мы будем жить там. Но прежде, чем попасть в «отель», мы должны вымыться в бане. Выстроившись цепочкой, мы стали подниматься вверх по склону к бане. Когда дошли до нее и увидели, что она собой представляет, мы поняли, что если до сих пор у нас не было вшей, то теперь они обязательно будут.

Короткая беседа с главным банщиком, десятирублевая купюра, и мы получаем справку о том, что семья Рахлиных, состоящая из троих взрослых и двоих детей, прошла санобработку. Теперь мы настолько чистые, что нам можно подниматься на борт тысячетонной баржи, которая на неопределенное время станет домом для нас и четырехсот других ссыльных.

В трюме мертвого корабля — люди разных национальностей: примерно сто семьдесят литовских евреев, немцы из Ленинградской области, карелы с советско-финской границы и литовцы. Нам указали на верхнюю полку широкой двухъярусной кровати в большой «общей спальне». Здесь нам предстояло жить и спать. На нижнем ярусе размещалась другая семья. Все вокруг напоминало муравейник. Больные, грязные, измученные люди были собраны в темном, тесном и душном помещении. Казалось, это — врата ада, и нас охватил ужас. Наверху в деревне на стене одного из домов мы видели плакат: «Благосостояние людей — самая главная задача партии». Ясно, что это к нам не относилось. В задачи партии, провозгласившей счастливое будущее для всего человечества, не входило создание хотя бы мало-мальски сносных жилищных условий для каких-то ссыльных.

Для приготовления пищи на четыреста человек использовались две бочки, которые топились дровами. На них мы могли что-то приготовить для детей и вскипятить чайник. И больше ничего, поскольку к этим так называемым плитам стояли длинные очереди, и готовить нужно было очень быстро. Если кто-то задерживался у плиты, то сразу же начинались жалобы и крики стоящих сзади.

Таким образом, решилась наша жилищная проблема по крайней мере на ближайшие несколько недель. Теперь нужно искать работу.

Нас всех мучил вопрос: почему власти решили отправить нас сюда? Не потому ли, что Алтайский край слишком хорош для таких, как мы? А может быть, сослав нас к Северному Ледовитому океану и полностью отрезав от внешнего мира, они обезопасили себя? Или же им просто была нужна рабочая сила? Едва ли существовал определенный ответ на эти вопросы.

Ссылку в Быков Мыс мы восприняли, как дополнительное наказание. В арктических районах работали люди со всего Советского Союза. И хотя в большинстве случаев это была

трудная работа, не все могли получить ее. Сначала желающих работать на Севере обязывали пройти медицинскую комиссию, и только самые сильные и здоровые могли рассчитывать на то, что с ними заключат договор. С другой стороны, для работающих здесь много льгот: высокая зарплата, длительный отпуск, бесплатный проезд на отдых в южные районы страны. Кроме того, мужчины, работающие на Крайнем Севере, освобождались от воинской обязанности.

Однако все эти критерии отбора никаким боком не касались депортированных, и никто не обращал внимания ни на возраст, ни на состояние здоровья, ни на пол. У нас вообще не было никаких прав, и мы не могли обжаловать решение властей.

Естественно, возникал вопрос: зачем проводить такие грандиозные операции, включая конвоирование, организацию и планирование? Неужто только для того, чтобы привести физически слабых мужчин, женщин и детей в места с невероятно суровым климатом? Ведь на выполнение этих задач затратили столько времени и средств.

Но не стоит искать логику там, где дело касается решений и действий советских властей. Наиболее приемлемое объяснение — нехватка рабочей силы для ловли и обработки рыбы.

Дельта реки Лены богата рыбой. Здесь в больших количествах водятся лососевые, осетровые и многие другие виды. Уже в течение многих лет в стране ощущалась нехватка продовольствия, но проблема стала особенно острой, когда началась война. Требовались срочные меры, и рыбным ресурсам отводили важную роль в обеспечении населения продовольствием.

Теперь и мы должны были участвовать в ловле, обработке и транспортировке сибирской рыбы.

Вскоре стало ясно, что наших сил для этого недостаточно. Только немногие мужчины могли выполнять тяжелую физическую работу в таких суровых климатических условиях.

Вскоре среди депортированных начались болезни, и за короткий срок многие умерли. Похороны стали самым частым поводом, когда люди собирались вместе. Простые гробы, сколоченные из грубых досок, опускались в узкие могилы в вечномерзлую землю.

Только десять процентов людей из нашей группы работали рыбаками, еще пятнадцать — занимались засолкой и укладкой рыбы в огромные деревянные бочки. Некоторые вязали и чинили сети. Все это выглядело совершенно абсурдно. В Алтайском крае многие из нас работали в сельском хозяйстве, и всем нравилось, как мы работаем. Наш труд там был гораздо более плодотворным, чем здесь. Но вместо того, чтобы и дальше получать выгоду от нашей работы, нас выслали за несколько тысяч километров, где наш труд не имел большой ценности. В Министерстве рыбного хозяйства в Москве, возможно, решили увеличить объем вылавливаемой рыбы. Но из-за недостатка рабочей силы они не могли этого сделать и обратились в НКВД. В ведении этой организации к тому времени оказались громадные трудовые резервы. И вот «идеальное решение» проблемы: использовать депортированных. Тем более, что всесильный НКВД мог переместить нас в любую часть Союза.

Так и случилось. Из Алтайского края, провезя через всю страну, с юга на север, и превратив в толпу больных и истощенных людей, нас доставили на пустынный северный берег. Мы никогда не узнаем, были ли ответственные за наше перемещение удовлетворены результатом, и получили ли они то, что хотели. Для нас же эта пересылка стала трагедией.

Нам пришлось жить в таких первобытных условиях, какие было трудно представить. Быков Мыс — это маленький выступ суши, отделяющий дельту Лены от моря Лаптевых, кусочек вечной мерзлоты, покрытый тонким слоем почвы. Страшная, холодная и враждебная окружающая среда, где нет ни птиц, ни животных, ни сколько-нибудь заметной рас-

тельности. Лишь тундра, покрытая мхом и лишайниками. На два месяца наступала полярная ночь, когда все окутывала сплошная темнота.

Для нас эти «ночные дни» были особенно тяжелыми. До порта Тикси – около сорока километров. Лишь только там есть больница и средняя школа. Зимой – пурга, снежная буря, которая бывает только в Арктике. Снегом заносит дома, и, пока метет по несколько дней подряд, нельзя выйти на улицу. В такое время мы были полностью изолированы от мира.

За все время, пока жили в Быковом Мысе, мы не ели ни картофеля, ни лука, ни вообще каких-либо овощей. От такого питания люди слабели, у некоторых началась цинга. Мы не знали, как долго пробудем здесь. Нам не на что было надеяться, и в самые черные дни нас одолевал страх, что нам никогда не удастся вырваться отсюда. Дружеские отношения и дух солидарности среди депортированных – вот то единственное, что освещало наше мрачное положение.

Часть Быкова Мыса выходила на север, в сторону Ледовитого океана, другая часть – в залив, где размещались государственные склады и отделение рыбозавода. На рыбозаводе перерабатывали то, что сдавали рыболовецкие совхозы и бригады. Рыбу солили и укладывали в деревянные бочки, которые хранились до начала навигации на реке Лене, до первой недели июля. Конторы, рыбозавод и мастерские по ремонту снастей располагались на холме. Здесь работали мужчины и женщины, которые по состоянию здоровья не могли заниматься рыболовством.

Расположение рыбозавода именно здесь имело одно преимущество, созданное самой природой, климатом. Замороженная и соленая рыба хранилась в естественных холодильных камерах, которые вырубались прямо в вечномерзлом грунте. И не было того риска, который трудно избежать при хранении рыбы в современных морозильниках, когда при отключении энергии продукты могут испортиться.

Израэль

С директором рыбозавода — Акимом Андреевичем Семикиным, я встретился, когда искал работу. Мы поговорили, и он предложил мне должность экономиста. Я, сразу согласился. В поселке — только начальная четырехлетняя школа, так что учитель иностранного языка не требовался.

Когда я спросил Акима Андреевича о том, где нам жить, он ответил:

— Вы должны построить себе юрту.

Юрта — это жилище из глины. В таких сооружениях жило местное население. А когда я ему сказал, что в жизни не держал в руках топор и не обучался плотницкому делу, он посоветовал объединиться с другими мужчинами и начать строить. Он обещал присмотреть какой-нибудь строительный материал на рыбозаводе.

Выбора не было, и я взялся за осуществление этого проекта. Сначала я нашел шестерых мужчин, у которых были такие же проблемы с жильем. И хотя никто из нас до этого никогда не строил домов, мы начали строительство с оптимизмом и неукротимой энергией, подстегиваемые необходимостью и желанием обеспечить кров для наших жен, матерей и детей.

Юрту нужно построить до наступления зимы. А уже в сентябре несколько раз выпадал снег. Правда, он быстро таял. Скоро все водное пространство вокруг нас скует лед...

Рахиль — Израэль

Однажды нас вызвали к представителю НКВД. Плотный блондин в военной форме с офицерскими знаками различия с холодным выражением сказал, что мы останемся здесь до конца жизни. Услышанное шокировало нас. Однако мы были уже достаточно опытными, чтобы не задавать вопросов и,

главное, лишить его возможности поиздеваться, унижить нас. Проинформировав нас об условиях нашего нахождения в Быковом Мысе, он через стол пихнул нам какую-то бумагу. Это была подписка о невыезде. В ней указывалось, что мы ознакомлены с положением, по которому нам никуда не разрешается уезжать без специального разрешения.

На самом деле такая подписка была лишней.

Впрочем, если есть правило, оно должно неукоснительно выполняться даже здесь, за Полярным кругом, где ни одно живое существо не смогло бы выжить, сбегав в тундру.

Мы поставили свои подписи и с самыми мрачными мыслями вернулись на баржу.

На этом грузовом несамоходном судне мы прожили три недели: самые страшные за все время нашей ссылки. Нас вынудили жить в несносном зловонии и тесноте, бок о бок с сотнями других ссыльных.

Там же мы пережили страшный шторм, начавшийся как-то ночью, когда баржу чуть не сорвало с якорей. Только благодаря горстке смельчаков, которые несколько часов с помощью веревок и канатов закрепляли баржу, нас не унесло в море. Волны захлестывали палубу и, проникая внутрь, заливали наши спальные закутки, и мы все промокли до нитки. От отчаяния и безысходности атмосфера стала невыносимой. Никто больше не хотел оставаться на барже, но уходить было некуда.

Через три недели Израэлю удалось найти для нас пристанище в семье русского рыбака.

Семья Земляковых гостеприимно приняла нас, окружила теплотой, заботой так же, как уже много раз делали их соотечественники. Они нас приютили на время, пока достраивалась наша юрта. В их маленьком домике, где жило двое взрослых и двое детей, разместились еще пятеро. Земляковых такая теснота не смущала. А мы, несмотря на то, что спали на полу, были счастливы от сознания, что спим теперь не на барже, в зловонной, душной и напряженной атмосфере.

Я и мои товарищи напряженно трудились, достраивая юрту, но работа шла медленно. Трудно было достать необходимые строительные материалы: кирпич для трубы, стекла для окон и многое другое.

На Быков Мыс, похожий на маленький островок, отрезанный от остального мира, практически все необходимое для жизни доставлялось за полторы тысячи километров по реке Лене в период навигации, которая длилась два месяца. В течение девяти-десяти месяцев Быков Мыс находился в полной, почти неземной изоляции, и все запасы строго лимитировались.

Самое близкое место, связывающее поселок с внешним миром, — порт Тикси. Один раз в неделю туда прилетал самолет с почтой и пассажирами. Зимой до Тикси добирались на собачьих упряжках. Когда начиналась пурга, какая-либо связь вообще прекращалась. Никто не осмеливался даже выходить из дома, а уж тем более отправляться куда-то на собачьих упряжках. Пурга — это сильная метель, переносящая огромные массы снега. Видимости никакой, и невозможно определить ни направление ветра, ни свое местонахождение. Иногда, сделав всего несколько шагов от дома, человек терял ориентацию. Вот поэтому, когда нам нужно было выйти за дровами, мы привязывали к поясу веревку, с помощью которой добирались до дома. Местные жители — якуты, могли предсказать пургу за несколько дней.

Юрту мы сложили из лиственничных бревен, которые нам дали на рыбозаводе. Такие двухметровые бревна, связав их в плоты, сплавляли с верховьев Лены. Из воды бревна вытаскивали баграми. Эту опасную работу выполняли мужчины из нашей группы. Люди неопытные, они неумело балансировали на плотам в отличие от лесосплавщиков, которые прыгали по плотам, как акробаты. Некоторые из наших мужчин по несколько раз оказывались в воде, пока им не удалось вытащить нужное количество бревен.

Площадь юрты составляла примерно семьдесят квадратных метров. Фундамент — из целых бревен, а стены — из распиленных вдоль на две половины. Пилы и топоры — наш единственный инструментарий.

Работать было трудно, но мысли о том, что строим юрту для наших семей, придавали силы. Закончив плотницкие работы, мы нарезали куски дерна и обложили ими юрту, соорудив таким образом что-то вроде еще одной внешней стены. Изнутри стены обили необструганными досками.

В юрте было три комнаты. В каждой — печка и крошечное окошечко. Нам выделили самую теплую комнату — в середине юрты, потому что Гарриетта и Шнеур из жильцов были самые маленькие. Мы переехали, и все вместе справились новоселье. Давно мы не испытывали такого облегчения и чувства гордости.

Мебель в нашем новом доме очень скромная: широкие нары для нас с детьми и одни узенькие — для бабушки. Между нарами у окна — стол и два табурета. Всю мебель сконструировали и сделали сами. В нашей комнате разместилась еще одна семья — пожилая полька и ее взрослые дочь и сын. В двух других комнатах — 18 человек. Всего в нашей юрте жили двадцать шесть человек.

НЕОБЫЧНАЯ АРИФМЕТИКА

Рахиль — Израэль

После переезда началась наша «стабильная» жизнь в Быковом Мысе. Израэль ходил на работу на рыбозавод, Рахиль и бабушка присматривали за детьми и занимались хозяйством. Конечно, в наших условиях трудно войти в нормальный жизненный ритм. Да, мы решили проблему с жильем, а что дальше? Как выживать? Единственное утешение — мы не одни. Многие в таком же положении, и мы старались помогать друг другу.

Мы часто собирались у кого-нибудь. Угощений не было, но чашку чая всегда предлагали, а этого вполне достаточно, чтобы создать уютную атмосферу для разговоров обо всем на свете.

Далеко от нас бушевала война, шли жестокие бои на всех фронтах. Мы получали очень скудную информацию о происходящем. На рыбозаводе была маленькая радиостанция, которая служила единственным источником связи с внешним миром. Каждый вечер, ровно в семь двое молодых людей из нашей группы приходили на радиостанцию, где вместе с другими слушали новости из Москвы. И каждый раз мы, сидя в юрте, с тревогой ожидали их возвращения с последними сводками о военных действиях.

Много месяцев не было никаких обнадеживающих новостей. Только в феврале 1943 года наши информаторы верну-

лись с хорошими новостями: немецкая армия, окруженная под Сталинградом, капитулировала. И хотя эта победа Красной Армии, ставшая одним из поворотных этапов войны, прямо не влияла на наше положение, у нас появилась первая, пока еще слабая надежда, что с окончанием войны изменится и наша жизнь.

Наступила полярная ночь, больше двух месяцев мы не видели солнца. Ссылным пережить эти месяцы трудно и физически, и психологически. Одна наша соседка скончалась. Из-за тонкой перегородки, отделявшей их часть комнаты, мы слышали ее стоны и кашель. Она умерла после длительной болезни. А вскоре заболела ее дочь. На собачьей упряжке ее увезли в больницу в Тикси, где она через несколько дней умерла.

Нас не покидало ощущение, что никто и никогда не узнает о нашей судьбе, и мы все здесь скоро погибнем.

В эти месяцы в отсутствии солнца мы часто наблюдали северное сияние — захватывающее дух яркостью и разноцветьем природное явление. Все выходили из юрты, чтобы посмотреть на эту загадочную игру природы.

Но северное сияние — явление, хотя и красивое, но чисто внешнее и в нашу темную юрту не проникавшее. Для освещения ее использовались примитивные самодельные светильники из консервных банок. Они сильно коптили и чадили, но давали хоть какой-то свет. Электричество было только в конторах, на рыбозаводе и в мастерских.

Печка у нас топилась хорошо, а это значит, что мы ее правильно сложили. Она не дымила, быстро нагревалась и долго сохраняла тепло. Самым трудным было найти дрова. От рыбозавода нам выделили немного дров, но мы быстро их израсходовали, и теперь до конца зимы нам нужно добывать дрова самим. Если везло, на берегу находили плавник. Если — нет, то вынуждены были ходить за дровами на разные строительные площадки. Делалось это, конечно, не совсем легально, но сторожа обычно закрывали на это глаза,

потому что сами были в таком же положении. Другого способа обеспечить себя дровами не существовало, поскольку в Арктике деревья, которые можно использовать на дрова, не растут.

С водой — значительно лучше: достаточно спуститься к реке. Зимой, правда, нужно уходить далеко от берега, чтобы сделать прорубь во льду.

Рахиль

Поскольку Израэль работал, то кроме меня за водой ходить было некому. Обычно мы, женщины, ходили за водой целой группой, каждая несла ведра и пешню для рубки льда. Мне запомнилось несколько таких ночных походов, когда все небо было усыпано сверкающими звездами, а путь нам освещала луна. После постоянного напряжения в тесноте юрты на чистом морозном воздухе я чувствовала облегчение. А вокруг в лунном свете — захватывающие взор пейзажи. Живи мы в нормальных условиях, мы бы наслаждались всем увиденным. Но наша жизнь с постоянным ощущением беспокойства и тревоги не располагала к наслаждению красотой природы на берегу Северного Ледовитого океана.

За продуктами в магазин, стоящий на горе примерно в полукилometре от нашей юрты, мы с бабушкой ходили практически каждый день. Мы покупали хлеб, сахар, муку, яичный порошок и сухое молоко. Все было строго нормировано, а большинство продуктов привозилось в Тикси из Соединенных Штатов.

Без ограничений мы могли покупать только рыбу. Она была замороженная, но хорошего качества, разного вида, и мы старались каждый день готовить ее по-разному. Вместе с другими ребятами Шнеур научился коптить рыбу в дымовой трубе, и у него неплохо получалось. Копченая рыба очень вкусная. Особенно хорошо для такого вида копчения подхо-

дит крупная жирная сельдь. Мы могли покупать разные виды лососевых рыб, а иногда и осетровых. При поджаривании одного осетра натапливалось несколько стаканов жира, и мы использовали его для других целей в хозяйстве. В нашем питании совершенно отсутствовали овощи. Не было даже картофеля. И скоро у многих развился авитаминоз. Весной многие ссыльные заболели цингой.

Израэль

Нам с трудом удавалось сводить концы с концами. Поскольку мама и Рахиль не работали, то зарплаты, которую я получал на рыбозаводе, хватало недели на две.

Однако нас спасали скромные остатки содержимого наших чемоданов. У нас осталось не так много одежды и других вещей, и все же мы еще могли что-то продать. Покупателей было немного, и в основном рыбаки. За хорошие уловы они получали большие деньги, а потратить их было негде, так как полки магазинов пустовали.

Иногда они приходили к нам и спрашивали о вещах на продажу. Однажды к нам зашел высокий рыбак и спросил, нет ли у нас костюма. Ему подошел один из моих костюмов. За него он отдал две банки американской тушенки и сорок килограммов американской муки. Трудно было понять, кто из нас больше удовлетворен сделкой.

Другому рыбаку мы продали дорожный будильник. Вообще-то ему нужны были наручные часы, но когда он увидел будильник и услышал, как тот звонит, он тут же его купил. Он положил его в карман, где через некоторое время тот зазвонил, изумив друзей рыбака, и к радости нового обладателя.

Выполняя обязанности экономиста и бухгалтера рыбозавода, мне пришлось познакомиться с совершенно новой для меня отраслью и методами работы. Как и на всех других

предприятиях в Советском Союзе, у рыбозавода имелся план, подготовленный и утвержденный Министерством рыбного хозяйства в Москве. За выполнением этого плана следил директор. Это входило в круг его обязанностей, и за это он нес всю ответственность. По этому плану рыбозавод должен был сдавать государству двадцать тысяч тонн рыбы в год. Рыбу поставляли рыбаки, приезжающие из маленьких рыбацких деревушек, разбросанных на островах в дельте реки Лены, растянувшейся на 400 километров. Впрочем, рыба, которую привозили рыбаки, составляла лишь часть плана рыбозавода.

Отчеты от каждой рыболовецкой бригады поступали ко мне, я приплюсовывал к ним уловы рыбаков, не работающих в бригадах, и составлял общий отчет. Каждую неделю я посылал в Москву телеграмму с информацией о недельном улове и ходе выполнения годового плана.

Между рыбозаводом и рыболовецкими бригадами радиосвязи не было, и летом отчеты привозили мне на моторных лодках, а зимой — на собачьих упряжках. Часто из-за пурги сведения вовремя не поступали, и такие задержки создавали много проблем при составлении недельных отчетов.

Все балансовые документы, которые отправлялись в Москву, подписывал Семикин, директор рыбозавода, с которым у меня сложились хорошие отношения.

В зимний период, который длился десять месяцев, рыбу ловили подледным методом. Это очень трудный, но единственно возможный способ ловли. Через полыньи, прорубленные во льду, сети опускали в воду и через сутки вынимали. Рыба через полчаса замерзала, и ее оставляли здесь же на льду, затем, по мере накопления, отвозили на рыбозавод.

На рыбозаводе — несколько групп рыбаков. Одна группа состояла из тех, кого приняли на постоянную работу. Они получали заработную плату независимо от того, сколько рыбы наловили. Их нанимало государство, и за их уловами строго следили. Ни при каких обстоятельствах они не могли оста-

вить себе ни одной хотя бы и маленькой рыбы. Однажды один из депортированных из Литвы, работавший рыбаком, принес домой немного выловленной рыбы. Вскоре это обнаружили. Его осудили за кражу государственной собственности и отправили на три года в исправительно-трудовой лагерь.

Другая группа рыбаков не работала на рыбозаводе. Они ловили «в сводном режиме», а деньги получали только за то, что сдавали государству. Они могли приносить домой столько рыбы, сколько хотели.

Еще одну группу сформировали из рыбаков, которым поставили условие, что первые четыреста килограммов они сдают государству, а после могут ловить для себя.

Один из ссыльных, мой хороший друг Свирский, и я решили попытать рыбацкое счастье. Свирский работал в бухгалтерии рыбозавода. Нам дали снасти и провели подробный инструктаж по благородному искусству ловли рыбы. Обучал нас этому искусству старый якут. Он не отличался грамотностью, но зато слыл очень компетентным рыбаком, знавшим все секреты этого дела. Он приложил много усилий, старательно объясняя нам, как ловить рыбу. Когда мы поняли, что подготовлены, то сразу отправились на лед, нашли полынью и забросили сети.

Как и положено, мы оставили сети на двадцать четыре часа и очень волновались, когда через сутки пришли проверить их. К нашему удивлению и радости мы вытянули на лед почти десятикилограммовую рыбку. Это была нельма, один из самых лучших видов лососевых, обитающих в этом районе. Торжествуя, мы вернулись домой и с восторгом были встречены нашими домочадцами.

Про улов мы рассказали нашему учителю, и он сказал, что в этом же месте завтра мы поймем еще одну нельму, потому что они всегда плавают парами. Так и случилось. На следующий день мы вытащили нельму такого же размера. Наверное, это было везением новичков, потому что, сколько

потом мы ни рыбачили, нам больше не удалось поймать такую рыбу. И все-таки в сети кое-что попадалось, и наш улов стал существенным вкладом в обеспечение продовольствием наших семей. Мы со Свирским очень гордились своими достижениями в рыболовстве. А о четырехстах килограммах рыбы, которые мы должны были передать государству за то, что нам разрешили рыбачить, мы «забыли».

Потом пришла телеграмма из Москвы.

Из ее содержания я понял, что какой-то ловкий чиновник из Министерства рыбного хозяйства подсчитал, что если сети выбирать два раза в сутки, то уловы удвоятся. И директор рыбозавода, и другие руководители схватились за голову. Но жаловаться бесполезно, и приказ немедленно довели до сведения рыбаков.

Однако рыбаки — народ упрямый. Они не собирались потакать прихотям излишне старательных чиновников из Москвы. И уловы оставались прежними, как и до приказа. Рыбаки знали, что после забрасывания сетей должно пройти время, пока вода успокоится, и рыба начнет подходить к сетям. А если сети забрасывать два раза в сутки, то это может только навредить. Рыба испугается, и, вместо прогнозируемого министерством увеличения объемов улова, эти объемы снизятся.

В связи с постановлением у меня прибавилось много работы. Я должен был теперь проверять, все ли рыбаки выполняют директивы, полученные из Москвы.

К примеру, рыбак, имеющий сто сетей, забрасывая их дважды в сутки, должен отчитываться за двести сетей. А если он будет забрасывать, скажем, те же сто сетей один раз в сутки, то выполнит план только на пятьдесят процентов.

Директор Семикин был, конечно, в курсе, что план не выполняется на сто процентов, и поручил мне изменять отчеты таким образом, чтобы разница между запланированными и реальными данными оказывалась как можно меньше. Я следовал его указаниям, и все шло хорошо. До тех пор,

пока гром не грянул среди ясного неба — совершенно внезапно в нашей бухгалтерии появился ревизор. Из Москвы.

Он проделал длинный и трудный путь. Последние сотки километров ехал в огромном тулупе и на собачьей упряжке. И все только для того, чтобы проверить, выполняет ли рыбозавод новый план.

Я оказался первым, к кому он подошел и попросил показать последний отчет. Я пообещал закончить его к концу дня.

Когда в конце он посмотрел бумаги, то сразу понял, что цифры не совпадают. Ревизор скептически посмотрел на меня и спросил о моем образовании. Я ответил, что окончил семь классов, на что он сухо заметил, что ему совершенно не понятно, как за семь лет в школе я так и не научился хотя бы основам арифметики. Без каких-либо других комментариев он взял все бумаги и отпустил меня домой.

Я шел домой в подавленном настроении. Ночью почти не спал, беспокоясь о последствиях отсутствия знаний по арифметике. Я был совершенно уверен, что в лучшем случае меня обвинят в неряшливости, халатности и уволят. А в худшем? А в худшем могут обвинить в саботаже путем манипуляций и изменения правительственных документов, имеющих огромную важность для народного хозяйства, а это грозит десятью годами в исправительно-трудовом лагере.

Никогда в жизни я так не спешил на работу, как в то утро. Я должен был знать, что ждет меня.

Как только пришел Семикин, он вызвал меня к себе в кабинет. На столе у него лежал мой отчет со всеми «ошибками», которые я сделал. На последней странице стояла его подпись. «Подпишите!» В его голосе и выражении лица я уловил нервозность и напряжение. Подписав отчет, он взял всю ответственность за его содержание на себя. Моя же подпись — всего лишь формальность.

Я так и не узнал, что Семикин сказал ревизору. Незвестно и то, что обсуждали эти два человека: новый министерский план, по которому рыбакам приказывали дважды в сут-

ки забрасывать сети, или говорили о неразумности и недостатках этого плана. И до сих пор не знаю я, убедил ли Семикин ревизора в бесполезности этого нового метода ловли рыбы, от которого больше вреда, чем пользы. И неизвестно также, как много бутылок водки осушили они в ту декабрьскую ночь. Никто об этом ничего не узнал, и ни в какой отчет это не попало.

На следующий день ревизор уехал в Москву. А в конце декабря меня освободили от занимаемой должности. Я, признаться, обрадовался, что меня уволили, потому что еще одно подобное дело могло иметь и не такой счастливый конец. Единственное, что Семикин сказал мне, — это то, что ревизор перед отъездом потребовал уволить меня. А за то, что я не выдал его и умолчал обо всех манипуляциях с отчетами, он предложил мне работу в одном из цехов рыбозавода.

Я поблагодарил его за предложение и сказал, что я, пожалуй, откажусь, потому что хочу выбраться из Быкова Мыса и буду очень ему признателен, если он поможет мне и моей семье уехать отсюда. Семикин обещал сделать все, что от него зависит.

Надзор за депортированными вел НКВД, и без его разрешения мы никуда не могли уехать. Так что получить разрешение на выезд было нелегко, и нужно было найти какое-то умное решение. Выход из положения нашел опять же Семикин. Он дал мне бумагу, в которой говорилось, что ввиду слабого состояния здоровья рыбозавод больше не может держать меня на работе. В связи с чем меня необходимо направить в главное управление рыбозаводов в город Якутск. Единственным недостатком этого решения являлась навигация, которая в низовье Лены начинается не ранее июля. Это опечалило нас, но другого, лучшего выхода все равно не было.

Итак, нам нужно продержаться на Быковом Мысу еще шесть месяцев. Теперь мы вынуждены жить еще скромнее, чем раньше. Мы должны продавать оставшиеся вещи, ловить рыбу и принимать помощь от друзей и знакомых.

Рахиль — Израэль

Израэль заболел цингой. Болезнь измотала его. Ноги опухли, ему было трудно ходить. Самым лучшим лекарством — витамин С. Но его невозможно достать даже в таблетках, не говоря уж о свежих овощах и фруктах. Но мы старались держаться изо всех сил, понимая, что самое важное — выбраться отсюда, пока кто-нибудь из нас не погиб. Длинными и мучительными стали месяцы ожидания солнца, света, тепла и начала навигации на реке Лене, когда мы смогли бы переместиться поближе к цивилизации и в лучшие климатические условия.

ПРОЩАЛЬНЫЙ ГУДОК

Рахиль — Израэль

В тот год навигация на Лене открылась необычно рано, и уже в первых числах июля в Быков Мыс пришел первый пароход. На нем мы собирались плыть на юг, к Якутску, однако нам разрешили доплыть только до Кюсюра, поселка, находящегося в том же районе, что и Быков Мыс. Впрочем, имея на руках бумагу от Семикина, мы все-таки надеялись добраться до Якутска.

По прибытию в Кюсюр всем пассажирам приказали явиться в местное отделение милиции с удостоверениями личности и разрешениями на проезд. Мы решили рискнуть и остались на пароходе. Израэль, переговорив с капитаном, попросил его довезти нас до Якутска. Не требовалось долго объяснять капитану, что мы его отблагодарим, и он согласился.

Однако прошло какое-то время, и на пароход явился офицер НКВД в сопровождении двух человек в гражданской одежде, чтобы проверить всех, кто остался на борту. Нам приказали немедленно явиться в местное отделение милиции. Прочитав наши бумаги, начальник отделения пытливо посмотрел на нас и велел подождать за дверью. Через час он вышел к нам и сказал, что нам запрещено плыть дальше и на некоторое время мы должны остаться в Кюсюре, так как у нас нет разрешения на выезд из этого района. Мы с грустью вернулись на пароход, собрали багаж и сошли на берег.

В Кюсюре мы случайно встретили другую семью депортированных, и они, когда узнали, что произошло, предложили нам остановиться у них. Они жили впятером в одной комнате, но и вдесятером нам удалось-таки благополучно в ней разместиться.

Сначала мы думали, что нам разрешат уехать дня через два, но проходили дни, недели... Мы поняли, что ждать придется долго, и переселились в юрту к рыбаку, который надолго уехал на рыбалку.

Прошел еще месяц. Из-за полной неизвестности нашего будущего мы не находили себе места. Но, как говорится в русской пословице, нет худа без добра.

Рахиль

Хотя поселок Кюсюр находился на пятьсот километров севернее Полярного круга, условия здесь были лучше, чем в Быковом Мысу. Климат мягче, и растительности больше. Местные жители нам показали растение, которое хорошо помогало от цинги. Это растение — щавель. Каждый день я набирала полную миску для Израэля. Листочки щавеля — очень кислые и богаты витамином С. И уже через несколько дней самочувствие Израэля стало заметно улучшаться...

Рахиль — Израэль

Поскольку мы со дня на день ждали разрешения на выезд, то Израэлю не имело смысла искать работу. Мы продали почти все излишки одежды, предполагая, что в Кюсюре задержимся ненадолго. Но прошло два месяца, и мы почти свыклись с мыслью, что нам, возможно, придется остаться здесь на зиму.

Мы послали несколько телеграмм в рыбтрест — головную организацию рыбного хозяйства Якутии. Ответов не было.

Однажды нас вызвал офицер НКВД. Он был в форме и с тем же, как у его предшественников, каменным лицом сказал, что если мы хотим ехать в Якутск, то власти не возражают. Что значит «если мы хотим?!» Дело ведь не в нашем желании, а в том, как и на чем теперь уехать.

Постоянного сообщения между Кюсюром и Якутском не существовало, и рассчитывать можно только на то, что по пути в Якутск на этой маленькой пристани остановится пароход. А чтобы попасть на пароход, нужно постоянно дежурить на берегу, а когда судно причалит, быстро погрузиться. Мы соорудили что-то вроде палатки, куда перенесли весь наш багаж и где могли укрыться от дождя, и стали, сменяя друг друга, дежурить в ожидании плавучего транспортного средства.

Начальник пристани предупредил нас, что после того, как мы увидим дым из трубы парохода, он прибудет в Кюсюр часа через три: плывет очень медленно.

Было около пяти утра, когда после нескольких дней томительного ожидания, наша бабушка разбудила нас, сообщив, что к пристани подходит пароход с баржами на буксире. В Кюсюре он должен остановиться для выгрузки бочек с горючим.

Мы быстро собрали последние вещи, которые у нас оставались в доме, и побежали на берег.

Было третье сентября 1943 года, пасмурный и холодный день. Из низких серых туч моросил дождь. Пароход бросил якорь, и пятеро мужиков стали выгружать бочки с бензином. Кроме нашей семьи, уезжали еще две. В весельной лодке рыбак перевозил людей на одну из барж, которая стояла примерно в пятистах метрах от берега. За один раз он мог взять в лодку только двух пассажиров и немного багажа. Когда он сделал несколько рейсов, наконец-то наступил и наш черед. Тут пассажиры на пароходе и на баржах закричали: «Быстрей! Быстрей!» Рыбак занервничал и сказал, что пароход отчалит через несколько минут.

ИЗРАЭЛЬ

Рахиль с детьми села в лодку, и рыбак отвез их на одну из барж. Как только они выгрузились, он поплыл за мной и бабушкой. Когда он был на полпути к берегу, неожиданно раздался низкий гудок, и пароход, зачавкав лопастями, поплыл, таща за собой баржи. Я закричал и замахал руками, чтобы он остановился, но все было напрасно. Тогда я стал кричать Рахиль, что мы с бабушкой прилетим в Якутск на самолете и встретим их в речном порту, когда они туда приплывут.

Тысячи мыслей пронеслись в голове, когда я провожал взглядом медленно проплывающую баржу, которая увозила Рахиль и детей. Я стоял на берегу, ощущая свою полную беспомощность и заброшенность. Что они будут делать? Ведь у них нет ни денег, ни хлебных карточек — только два узла с одеждой. Где они остановятся в Якутске? Когда мы снова увидимся? Хватит ли у нас с мамой денег на билеты, если нам разрешат лететь самолетом? Придут ли еще пароходы до закрытия навигации? А если мы вынуждены будем остаться здесь до весны, то, что станет с Рахиль и детьми за зиму в чужом и далеком городе?

Мы так и стояли с мамой на берегу, провожая глазами баржу, пока она не исчезла за горизонтом.

В первый раз за все время депортации нашу семью разединили, и больше всего меня беспокоили последствия. Без меня Рахиль придется очень трудно. Она плохо говорит и понимает по-русски, а это значит, что если вдруг возникнут какие-то трудности, она не сможет объясниться.

Моя мама была в полном отчаянии. Она понимала: при таких обстоятельствах может получиться так, что ей придется остаться на зиму здесь, до открытия навигации в следующем году. Я же не могу оставить ее одну здесь, но не могу оставить и Рахиль с детьми в Якутске.

Происшедшее глубоко и надолго врезалось в память. В последующие годы мне часто снилось, как я опаздываю на

пароход или на поезд: они уходят у меня на глазах, а я в отчаянии бегу за ними, но так и не успеваю догнать.

Обсудив случившееся, мы с мамой понемногу успокоились, и я решил все-таки рискнуть и подождать следующего парохода. Мы снова расположились на берегу и стали ждать.

Через три дня пароход с двумя баржами причалил к пристани, чтобы пополнить запасы угля. Пока он швартовался, мама переговорила с женой капитана и рассказала ей, как мы отстали от парохода и как нашу семью разлучили. Жена капитана пообещала замолвить словечко за нас, и капитан согласился взять нас и еще одного депортированного, Меира Слуцкого, который тоже отстал от парохода. Мы с облегчением вздохнули. Наконец-то уезжаем из Кюсюра!

На пароходе нас провели в маленькую, тесную каюту, где мы могли только спать. Но мы были довольны, поскольку плыли на юг, туда, где могли встретиться с Рахиль и детьми, и не обращали внимания на неудобства.

Пароход очень старый, все его механизмы изношены. Они работали натужно и неровно, зато по потреблению угля и выпуску черного дыма из трубы это плавучее средство могло побить все рекорды. Это плавание оказалось одним из самых необычных, которые я когда-либо совершал.

Несмотря на то, что в топках сжигали огромное количество топлива, корабль плыл очень медленно. Уголь быстро заканчивался, пароход отцеплял баржи и шел к ближайшей пристани для пополнения запасов, а затем возвращался за баржами. В результате таких челночных маневров пройденное расстояние увеличивалось втрое. На реке уже стали появляться мелкие пластинки льда — предвестники ледостава. Мы забеспокоились, что при такой скорости передвижения река замерзнет раньше, чем мы доплывем до Якутска.

Последней пристанью перед Якутском был поселок Сангар-Хая. Запасы угля как раз заканчивались, и, не доплыв двадцати километров до поселка, пароход отцепил баржи и отправился за топливом. Когда мы причалили в Сангар-Хая, я

решил сойти на берег, чтобы телеграммой сообщить Рахиль о нашем приезде, а также пополнить запасы продуктов на оставшуюся часть пути, на которую уйдет еще неделя. Пароход с баржами, по моим расчетам, должен был вернуться не раньше, чем через сутки, и, оставив маму на пароходе, я сошел на берег. Вместе со мной сошел и Слуцкий.

Когда Бог одаривал детей своих разными благодетелями, к нему он не был особенно щедр. Слуцкому примерно лет пятьдесят. Узкое лицо, седеющие волосы, зачесанные назад, и маленькие хитрые, постоянно бегающие глаза. Во всем его поведении было что-то нервное и пугающее, но вместе с тем и загадочное, так что с ним следовало быть всегда начеку. И не раз подтверждалось, что бдительность и осторожность в отношениях с ним более чем оправданы.

Когда мы оказались на берегу в Сангар-Хая, я сразу пошел на почту. А после этого мы со Слуцким зашли в единственный в поселке ресторан или, правильнее сказать, в столовую, где столы стояли рядами, а заказанные блюда подавались через окошко. После скромного питания на пароходе еда в столовой нам показалась фантастически вкусной.

Было довольно много людей, и мы привлекли их внимание, поскольку не так часто они видели чужаков. Вскоре мы разговорились с теми, кто сидел рядом с нами, и рассказали, откуда мы и куда едем. Напротив меня сидела красивая, привлекательная русская женщина. Ей было не более тридцати. Правильные черты лица, добрый взгляд темных глаз, черные густые волосы, уложенные в замысловатую прическу. Она спросила меня, не знаю ли я ее племянницу Фросю, которая работает в Быковом Мысу. Я знал ее очень хорошо и рассказал Тане (так звали нашу новую знакомую) о Фросе и ее работе.

Мне нужно было где-то переночевать, и я спросил Таню, не может ли она помочь. Она ответила, что сама снимает комнату у пожилой пары, и тотчас же предложила спросить

у них разрешения оставить меня на ночь. Пообещала она подыскать что-нибудь и для Слуцкого.

Она работала заведующей магазином, и я зашел к ней в магазин как раз перед закрытием. Таня сказала, что все в порядке, ее хозяева согласны, и у знакомых она нашла место для Слуцкого.

Я помог ему найти дом, где он мог заночевать, и мы договорились встретиться утром на берегу.

Когда я пришел к Тане, меня ждал сюрприз: в центре маленькой комнаты был накрыт стол. Стояло несколько бутылочек спиртного и всевозможные блюда с едой: пирожки, салаты, различные мясные блюда, о существовании которых я напрочь забыл за последние годы.

Хозяин дома предложил тост за мир и дружбу. Он сказал, что рад приветствовать меня в своем доме, и пожелал хорошего аппетита. На этот счет он мог не беспокоиться. Таня и ее хозяйка оказались отличными кулинарами, еда была очень вкусной. Я не мог вспомнить, когда еще ел с таким удовольствием. Один тост следовал за другим, и по мере того, как содержимое бутылочек уменьшалось, мы становились все более оживленными. Казалось, что все барьеры, существующие между нами, сняты, и нам хорошо друг с другом, и мы свободно можем говорить обо всем на свете.

И вот в разгар нашей пирушки внезапно открылась дверь, и вошел Слуцкий. Выглядел он подавленным. Никто из нашей компании не обрадовался неожиданному гостю, потому что нам было хорошо, и мы не собирались заканчивать наш приятный вечер. Я спросил Слуцкого, что случилось, зная наперед, что ничего хорошего от него не услышу. Он посмотрел на меня и дрожащим голосом, с жалким выражением лица стал объяснять, что побоялся остаться у незнакомых людей на ночь. Ему показалось, что они, как только он заснет, постараются его прикончить и украдут часы и обручальное кольцо. Он, конечно, хорошо понимал, что его объяснение неубедительно, но умолял меня проявить к нему милосердие и

попросить у хозяев разрешения остаться у них на ночь. Он сказал, что будет рад, даже если они разрешат ему сидеть в уголочке на кухне.

Я не знал, плакать мне или смеяться, но выгнать его на улицу мы, конечно, не могли. Я все объяснил Тане и ее хозяйкам, и они согласились оставить Слуцкого. Настроение у нас было хорошее, и в очередном тосте мы уже говорили: «дорогой друг». Слуцкому постелили в углу, на полу, и он пошел спать.

Через некоторое время в дверь снова постучали. На сей раз это была Танина подруга, которая предложила нам пойти посмотреть кино в местном клубе. Мы приняли ее приглашение, и я был рад избавиться от Слуцкого хотя бы на два часа.

Когда мы вернулись, Таня достала бутылку хорошего грузинского вина, которое, как она объяснила, держала для особого случая. Мы снова сели за стол и, откупорив бутылку, выпили и стали слушать последние новости из Москвы по радиоприемнику, который стоял на тумбочке, в углу гостиной.

Чуть за полночь мы услышали гудок парохода. Слуцкий вскочил, сказав, что это, возможно, наш пароход. Этого, конечно, не могло быть. Не мог же наш пароход вернуться так быстро, но убедить его в том, что это не наш пароход, было невозможно. Он запаниковал, собрал вещи и быстро попрощался с Таней и ее хозяйками. Мне не хотелось покидать этот гостеприимный дом и выходить в ночь. Но если это действительно наш пароход, что мама подумает обо мне? Я неохотно собрался, поблагодарил Таню и ее хозяев за гостеприимство и извинился за беспокойство. Они сказали мне, что не будут запираить дверь, и я могу вернуться, если окажется, что это не наш пароход.

В кромешной темноте по тропинке и крутому склону спускаться было очень трудно. Конечно же, в ночи гудел не наш пароход. Я был очень раздражен поведением Слуцкого,

но уже устал и не стал возвращаться. Ночь мы провели в сторожке на берегу реки.

Пароход наш пришел утром, около десяти часов. Я рассказал маме обо всех своих приключениях и о гостеприимстве Тани и ее хозяев. Пароход отправлялся не скоро, и у нас появилась возможность снова подняться в поселок и еще раз поблагодарить Таню. Мама подарила ей два красивых носовых платочка, которые она вышила на пароходе, пока мы плыли.

При каждой встрече, пусть короткой, ты запоминаешь людей, с которыми общался. Когда я вспоминаю те часы, которые я провел в Сангар-Хая, я думаю о Тане... и о Слуцком.

Через четыре дня мы приплыли в Якутск. Это было 12 октября. Наш пароход оказался последним, пришедшим в Якутский порт в навигацию 1943 года.

Несмотря на все наши ожидания увидеть в порту Рахиль с детьми, нас никто не встретил. Мое разочарование вскоре сменилось тревогой, что с ними могло что-то случиться. Мы расстались пять недель назад. Я не имел представления, как Рахиль и дети перенесли поездку, чем они питались на барже и где они сейчас. О том, что телеграмма могла просто не дойти в срок, я не подумал. И напрасно. Оказалось, что она пришла, но лишь спустя два дня после нашего приезда.

У меня был адрес наших друзей, куда я решил сразу отправиться. Мама осталась в порту с багажом. До города было примерно три километра.

Рахиль

Никогда не забуду, как я с детьми стояла у поручней баржи, когда караван вдруг начал движение, а Израэль и бабушка остались стоять на берегу. Когда я поняла, что произошло, меня охватила паника. Но, собрав все силы, я совладала с собой, чтобы не напугать детей. Я машинально махала Изра-

элю и бабушке и отчаянно пыталась представить себе, как доберусь до Якутска. Израэль что-то кричал о самолете...

Совершенно неожиданно я оказалась на борту баржи с двумя детьми в окружении незнакомых людей. За два года, проведенных в Сибири, мне никогда не приходилось оставаться одной или в таком положении, когда ни Израэль, ни бабушка были не в состоянии помочь мне. Я еще плохо говорила по-русски, правда, многое понимала и могла кое-что сказать, но если я затруднялась, мне всегда помогали Израэль или бабушка. Но самым страшным оказалось то, что хлебные карточки остались у Израэля. Никто не мог предвидеть такую ситуацию. Я вспомнила, что в нашем багаже есть немного муки, которой может хватить на какую-то часть нашей поездки.

Баржа, на которой мы оказались, — самая последняя в караване, протянувшемся почти на полкилометра. Караван вел пароход «Пятилетка», что означает, как мне объяснили, пятилетний план. На этом самом большом пароходе на реке Лене основная часть груза — товары из Америки. Их доставили в Тикси и сейчас везут в Якутск, а потом дальше на юг.

На барже была большая каюта с простыми скамейками, на которых мы сидели днем, а ночью спали. Это мне напомнило комнаты ожидания, которые мы видели, когда ехали на поезде по Сибири. Еду готовили на корме баржи во временно сооруженной кухне. У плиты всегда скапливалось много народу, а потому обстановка там была напряженной и недружелюбной.

Из муки я пекла лепешки, которые детишки уплетали с большим аппетитом. Лепешки делались очень просто, на воде. Перед самой выпечкой кусочки теста скатывались в небольшие шарики, которые потом клались на плиту, посыпались солью и придавливались. Я часто видела, как русские и якуты пекли хлеб, и научилась этому. И за три недели пути в Якутск я стала большим специалистом по выпечке лепешек.

Санитарные условия на барже, мягко говоря, примитивные. Так что мытье детей или стирка превращались каждый раз в испытание. Однако, несмотря на все бытовые трудности, я чувствовала, что мы плывем на юг, где более приемлемый климат и, хотелось надеяться, лучшая жизнь. Днем мы сидели на палубе, греясь на солнце и любуясь пейзажами. Детям на барже было хорошо, они много времени проводили на свежем воздухе. С нами плыли еще две литовские семьи. Так же, как и мы, они перебирались из Кюсюра в Якутск. С ними я могла разговаривать по-немецки и пользовалась этой возможностью, когда у меня возникали трудности с русским языком.

Понятно, что все мысли мои были связаны с Израэлем и бабушкой. Я не знала, как долго еще мы будем в разлуке. Вспоминала нашу жизнь в Кюсюре и думала о том, что человек может адаптироваться к любым условиям. После испытаний в Быковом Мысу переезд в Кюсюр казался своеобразным освобождением. Хотя мы и оставались в забытом Богом месте, вдалеке от цивилизации и за тысячи верст от родных в Литве и Дании, наши условия определенно улучшились, и счастье, что нам удалось сбежать из Быкова Мыса.

Целый год мы не видели ни одного цветочка, а в Кюсюре много весенних цветов, которые мне напомнили анемоны с хрупкими пушистыми стеблями и большими желтыми лепестками. Они издали кивали нам головками, как бы приглашали нас в более теплые края, и дети кидались собирать их в большие букеты — мне и бабушке.

За два месяца, проведенных в Кюсюре, нам удалось поправить здоровье. Израэль полностью излечился от цинги, которой заболел в Быковом Мысу.

После трех недель плавания, 23 сентября мы приплыли в Якутск. Я была уверена, что на берегу нас встретят Израэль и бабушка. Ведь когда мы отплывали из Кюсюра, я слышала слова Израэля, что они прилетят в Якутск на самолете и встретят нас в порту.

Но в порту никого не оказалось. Я знала адрес Бернштейнов, наших хороших друзей из Литвы. У меня не оставалось иного выбора, как поехать к ним. Нас подвезли до города, и я, немного поблуждав, нашла дом Бернштейнов. Они нас тепло приняли, но ничего не знали ни об Израэле, ни о бабушке. Это очень обеспокоило меня. Я не понимала, что случилось, и не имела никакого представления, как и где мне искать их и как связаться с ними. Бернштейны стали подыскивать место, где бы я могла остановиться с детьми. К обеду они нашли Ольгу Николаевну, которая жила на улице Горького, недалеко от Бернштейнов. У нее была комната, которую она могла сдать нам. Мы сразу же туда переехали.

Среди депортированных, живших в Якутске, быстро разнеслось известие о нашем приезде. Вскоре наши друзья пришли нас навестить и узнать, в чем мы нуждаемся и чем нам помочь. Один из наших самых близких друзей из Литвы, Иосиф Лавит, тоже зашел и, когда узнал, что у нас нет ни хлеба, ни хлебных карточек, потащил нас в контору. Он переходил от одного окошка к другому, крича и суматошно жестикулируя, и, как оказалось, не напрасно. После долгих уговоров и переговоров Иосифу все-таки удалось добиться своего, и нам выдали пачку хлебных карточек. Мы пошли в магазин и получили наш рацион хлеба. Вкус у него был божеественный. Детям настолько понравился хлеб, что они его ели так, будто это шоколад.

Теперь Шнеур уже мог помогать мне. Каждый день он ходил в магазин и отоваривал наши хлебные карточки. Я могла не опасаться, отпуская его одного, поскольку по улице в основном ездили повозки и редко когда проезжали грузовики. Сама я также занималась поисками продуктов, что было очень трудным делом в сентябре 1943 года. По нашим карточкам мы могли получить хлеб, масло, сахар и овсяную крупу, но пайки были очень маленькими, и приходилось искать какие-то еще продукты. Что-то покупали на рынке, но цены там запредельные, и продавцы часто обманывали. Толь-

ко спустя какое-то время я научилась делать покупки на рынке так, чтобы не обманывали.

Проходили дни, а от Израэля и бабушки никаких известий. Я не могла понять, почему по пути в Якутск он не мог отправить нашим друзьям телеграмму из Кюсюра или из другого поселка. В тот день, 12 октября, я, как всегда, отправила Шнеура в магазин за хлебом. Он пошел туда с Колей, одним из сыновей нашей хозяйки Ольги Николаевны.

Израэль

По дороге из речного порта я остановил грузовик и за пятьдесят рублей попросил водителя подвезти меня до центра города. Выйдя из машины, я спросил у прохожих, как найти улицу, на которой живут Бернштейны. По дороге к их дому, на противоположной стороне улицы я заметил двух мальчиков. Один из них внезапно остановился и внимательно стал смотреть на меня; потом с возгласом «Папа!» кинулся сломя голову в мои объятия.

Шнеур и его приятель привели меня к дому Ольги Николаевны, где в дверях, потеряв дар речи при виде меня живым и здоровым, стояла Рахиль.

После первых быстрых объяснений и заверений, что все хорошо, я нашел лошадь с повозкой и поехал в речной порт за мамой и багажом. Поздно вечером мама и я вернулись. Бесконечно уставшие, но счастливые от того, что мы снова вместе.

АННА И МАРТА КУПАЮТСЯ

Рахиль — Израэль

В Якутии часто повторяют поговорку: здесь двенадцать месяцев зима — остальное лето. Конечно же, это преувеличение, но у нас была возможность испытать этот суровый климат на себе. Только около ста дней в году были теплыми, и даже в заполярном Быковом Мысу не было так холодно, как в Якутске, где резко континентальный климат с разницей температур от -60 зимой до $+40$ в сухое и жаркое лето.

Якутск — столица громадной автономной республики, занимающей более 3 миллионов квадратных километров северо-восточной части Сибири. Республику образовали в 1922 году, спустя пять лет после Октябрьской революции. Местное население не хотело признавать власть Советов и вело долгую и ожесточенную войну против нового режима. В 1922 году сопротивление было окончательно сломлено, и Якутия стала одной из автономных республик Советского Союза.

Город Якутск основан в 1642 году русскими колонизаторами, стремительно продвигавшимися по Сибири. Город построен как маленькая крепость на берегу реки Лены. Основатели, русские колонизаторы, выбрали это место специально, чтобы защитить себя от набегов врагов. Местные племена воевали с колонизаторами, атакуя их везде, где только возможно.

За столетия маленькая крепость разрослась, и Якутск стал довольно большим городом. В 1943 году статистические данные считались секретными, и точные цифры о количестве жителей знали лишь специальные службы. Но приблизительно население Якутска составляло пятьдесят — семьдесят тысяч человек. Он был административным, экономическим и культурным центром республики, где несколько школ, два научно-исследовательских института, два музея и один театр. По стандартам того времени — довольно цивилизованный город.

Большая часть домов в Якутске — деревянные одноэтажные, и лишь немного двухэтажных. Деревянные дома лучше всего подходили для такого сурового климата: зимой в них легче сохранять тепло. Из-за вечной мерзлоты и подвижек грунта под зданиями в результате перепада сезонных температур кирпичные фундаменты растрескивались, и дома перекачивались. Только в шестидесятые годы XX века разработали специальные методы строительства в районах мерзлоты, когда с помощью свайных фундаментов стали строить многоэтажные кирпичные дома. А в 1943 году почти все дома — бревенчатые или оштукатуренные и покрашенные в различные цвета.

В городе, расположенном в долине реки, почти никакой растительности: ни деревьев, ни кустарников. Поэтому он выглядел однообразным и неприветливым.

Напротив, население Якутска — довольно разнообразное. Здесь жили якуты и некоторые другие малые народности. Они занимались охотой и рыболовством. Русских можно было разделить на две группы: местные жители и приезжие. Они съезжались сюда из разных частей Советского Союза по распоряжению, которое только совсем недавно утратило силу. Согласно ему, все выпускники техникумов и институтов по так называемому распределению должны были отработать три года по своей специальности там, где в них больше всего нуждалось государство. Официальная уста-

новка такова: каждый получивший бесплатно образование и специальность обязан «расплатиться» с государством. Этого принципа придерживались очень строго, и выпускникам учебных заведений трудно было не подчиниться.

Особенно не везло тем, кого направляли на работу в Якутию. Многие считали такое распределение ссылкой, несмотря на то, что через три года им разрешали вернуться домой. К тому же в качестве компенсации за тяжелые условия жизни в Якутии, они получали надбавку к зарплате, продолжительный отпуск и некоторые другие привилегии.

Жили в городе и ссыльные: немцы, карелы, большая группа поляков, прибалты, большую часть которых составляли литовцы и литовские евреи. Кроме того, местный разноликий колорит дополняла небольшая группа китайцев и корейцев, которые каким-то образом оказались в Якутии и там остались. И китайцы, и корейцы являлись прямыми поставщиками витаминов жителям Крайнего Севера, поскольку именно они выращивали и продавали на рынках овощи.

Еще в начале девятнадцатого века политические оппозиционеры и другие нежелательные элементы ссылались в Якутию. С годами традиция эта крепла, но с особым энтузиазмом ее совершенствовал Сталин. При нем в Якутию сослали миллионы людей. До сегодняшнего дня точно не определено, сколько их по личному указанию товарища Сталина оказалось здесь. Многие были сосланы так же, как мы, на спецпоселение, но в десятки раз больше людей попали в исправительные лагеря, откуда им не суждено было вернуться.

Пожив здесь, мы поняли, почему русские правители в течение веков выбирали Якутию для ссылок. Потому что жизнь в таких трудных, опасных для здоровья климатических условиях — уже сама по себе наказание.

Когда температура опускалась до -50 , выходить на улицу становилось опасно. Такой сильный мороз часто сопровождался настолько густым туманом, что в двух метрах ничего не видно. Воздух становился разряженным, и было труд-

но дышать. Пожилым и людям со слабым здоровьем особенно приходилось туго, и если все-таки кто-то выходил, то, чтобы не замерзнуть, нужно было облачаться в тяжелую и неудобную одежду. На голову надевали шапку с ушами, под подбородком шапка завязывалась, шарфом закрывали рот и нос, так что незакрытыми оставались только глаза. Хорошо было тем, кто имел длинные меховые шубы, пальто или куртки с теплой ватной подкладкой. Ватные брюки — тоже обязательная часть зимней одежды, как и валенки — единственно приемлемый вид обуви зимой. В таком наряде человек выглядел как грабитель или космонавт.

Еще одна причина, по которой в Якутске было опасно выходить на улицу, — это высокая преступность. Город — своеобразный пункт, через который проходили все освобожденные из мест заключения по дороге домой. Особенно много их скапливалось в Якутске зимой, когда они были вынуждены ждать открытия навигации на реке Лене. И с ноября по май Якутск заполняли бывшие заключенные, которые приезжали из исправительных лагерей, расположенных на востоке и севере Якутии, с Колымы и из Верхоянска. Большинство освобожденных — профессиональные преступники с богатым уголовным прошлым, настоящим и будущим. Для них единственным способом добычи средств на продолжение поездки — преступление, то есть занятие, за которое они и попали за решетку. Грабежи и нападения часто совершались и днем, и вечером. Бандиты не просто отнимали деньги у своих жертв, подкараулив их на темных улицах. Часто они заставляли свою жертву, несмотря на мороз, снять одежду. И если человеку не удавалось быстро добраться до дома, то без пальто и шапки он мог замерзнуть прямо на улице. Вот почему немногие выходили на улицу по вечерам. А если же кому-то требовалось выйти, то обязательно старался найти попутчика.

Днем люди тоже жили начеку, потому что в магазинах и на рынках «трудились» десятки карманников.

Каждую зиму город обрстал холодящими душу слухами о ночных нападениях, о раздетых на улицах, об убийствах. Местные газеты никогда не писали ни о чем подобном, поскольку, согласно официальной точке зрения, такие серьезные преступления не могли совершаться в социалистическом государстве. Но от этого выходить на улицу зимней ночью или даже днем не становилось безопасней.

В доме Ольги Николаевны мы снимали маленькую комнату, где спали почти друг на друге. Весь дом — около 40 квадратных метров. На этих 40 метрах жили: Ольга Николаевна с тремя детьми, еще одна семья с двумя детьми и мы пятером.

Но, какими бы примитивными ни были условия нашей жизни, все-таки здесь мы чувствовали себя лучше, чем в Быковом Мысе. Мы постепенно привыкли к новым условиям, принимая помощь и советы друзей и знакомых, которым год назад повезло остаться в Якутске, когда нас всех везли из Алтайского края в Быков Мыс. Они успешно адаптировались, нашли хорошую работу в организациях и учебных институтах, где всегда ощущался острый недостаток квалифицированных кадров. Депортированные из Литвы образовали что-то вроде небольшой колонии, и мы пытались держаться друг к другу поближе. Единение и взаимопомощь поддерживали нас в эти трудные времена, дружеские отношения стали более глубокими и теплыми, и мы сохранили их на долгие годы. Увы, единение и дружба не всегда спасали от трагедий.

Многие болели туберкулезом. В то время это была, пожалуй, самая распространенная болезнь. Особенно много больных было среди якутов. Возможно, потому, что большинство из них жили в самых примитивных, антисанитарных условиях. Но и среди депортированных заболевшие туберкулезом редкостью не являлись.

Однажды при медицинском осмотре у Бориса, одного из двух сыновей наших хороших друзей Бройде, обнаружили палочку Коха, перешедшую из пассивного состояния в ак-

тивное. Возможности врачей резко ограничивались тем, что в то время никаких эффективных лекарств для борьбы с этой болезнью не существовало, и для многих она оказывалась смертельной.

Госпожа Бройде не знала, что делать и как помочь сыну.

Мы слышали о том, что якуты для лечения туберкулеза используют собачий жир, и, по разговорам, это — самое эффективное средство. После недолгого размышления госпожа Бройде достала щенка. Оба ее ни о чем не подозревающих сына играли с ним и очень хорошо выдрессировали его. Ухаживала за ним и госпожа Бройде. Она не разрешала ему бегать по улице, и благодаря специальной диете он вскоре стал достаточно жирным. Потом бесследно исчез.

Алик и Борис искали его, поскольку мать им сказала, что щенок убежал, но их старания оказались напрасными. А в действительности произошло вот что. Когда мальчики ушли в школу, госпожа Бройде отнесла щенка якуту, чтобы тот, зарезав его, отдал ей собачий жир.

Жир вытапливался на сковороде, смешивался со специями и луком, потом его подмешивали в горячее молоко, которое Борис должен был пить. Нам, слава Богу, неизвестен вкус этой смеси, но Борис ее пил с молоком несколько раз в день довольно продолжительный период времени. До тех пор пока полностью не поправился.

Сказали ли ему о секрете, связанном с его чудесным излечением? Этого мы не знаем, но знаем, что несколько других ссыльных тоже использовали тот же самый рецепт якутской народной медицины.

Бабушка и Рахиль занимались хозяйством вместе: это — нелегкое дело из-за нехватки продуктов и длинных очередей. Например, для того, чтобы отоварить хлебные карточки, им приходилось по несколько часов стоять в очереди. В государственных магазинах — ни молока, ни мяса, ни картофеля, ни яиц. Купить их можно лишь на частных рынках,

где цены непомерно высокие. Бабушка и Рахиль ходили за продуктами по очереди, и дети всегда с нетерпением ждали их возвращения.

Часто они домой приносили то, что не планировали покупать. Глубокий практический смысл этого «хода» мы поняли очень быстро. Мы уяснили, что если на рынке увидели то, что когда-нибудь пригодится, то сразу нужно купить. На следующий день это может исчезнуть с прилавков.

Мы подсчитали, что наше жильё, которое мы снимали у Ольги Николаевны на улице Горького в Якутске, — седьмое с начала депортации. Мы там прожили шесть месяцев.

Израэль

В Советском Союзе безработицы не существует. Это — прекрасное, но лживое утверждение, запущенное советской пропагандистской машиной. Тем не менее оно являлось для населения неопровержимым доказательством главного преимущества социалистического общества по сравнению с капиталистическим, где люди живут под постоянной угрозой увольнения и неизбежной безработицы.

Я это могу утверждать, ибо после нашего приезда в Якутск некоторое время являлся безработным.

Первые несколько дней я приходил в себя после длинной и утомительной поездки. А потом начал искать работу. Через несколько дней по рекомендации друзей получил место бухгалтера в организации, которая занималась поставкой оборудования и запасных частей для сельского хозяйства. Когда меня принимали на работу, мне пообещали не только дать квартиру, но и обеспечить водой и дровами. Однако, проработав немного, я понял, что вряд ли смогу привести там все счета в порядок. Длительное время этим никто не занимался, и одному человеку просто невозможно было хоть как-то систематизировать накопившиеся документы. Мне

дали испытательный срок, но уже через две недели без каких-либо сожалений я оттуда ушел.

К тому времени я уже знал, что в Якутске много организаций, которым нужны экономисты, и что мне, возможно, удастся найти работу плановика.

В 1943 году в Советском Союзе слово «дискриминация» не употребляли. Слово по происхождению иностранное, а по сути имеет специфический запах капитализма. Больше того, по советским законам даже я вроде бы имел все гражданские права. Именно вроде бы. Поскольку официально нас ограничивали только в одном: в свободе передвижения. Мы не могли уезжать в другие места без особого разрешения. Но вскоре мне пришлось убедиться в том, что для спецпоселенцев это далеко не единственный вид не капиталистической, а советской дискриминации.

В первой же финансовой организации, куда я пришел наниматься на работу, директор сказал мне, что им как раз нужен специалист моей квалификации и что я немедленно буду принят. Мне только нужно выполнить некоторые формальности в отделе кадров.

Заведующий отделом кадров оказался очень приятным и любезным человеком примерно моих лет, и после короткой беседы попросил у меня паспорт. Я ответил ему, что паспорта у меня нет и что я спецпоселенец. Выражение его лица сразу изменилось. Он посмотрел на меня так, будто я специально пришел, чтобы обмануть его. Потом он отрицательно покачал головой. Что означало только одно: для таких, как я, вакансий в этой организации не существует.

Я несколько раз пытался устроиться в другие организации — результат тот же. В один из дней, получив еще один отказ, я шел по улице в подавленном настроении, не представляя себе, что мы будем делать, если я не найду постоянную работу. Случайно на одном из зданий увидел вывеску «Министерство образования». Терять было нечего, и я решил зайти в министерство: а вдруг повезет?

Наученный горьким опытом, я сразу пошел в отдел кадров, где сказал заведующему, что я спецпоселенец и что у меня нет ни аттестата, ни паспорта, и что, несмотря на это, я надеюсь получить работу. Он спросил о моей квалификации. Я ответил, что имею степень бакалавра по специальности «немецкий язык» и что пять лет изучал экономику в Лейпцигском университете. Заметив, что его по-прежнему что-то смущает, я предложил ему протестировать меня, если в министерстве есть специалист по немецкому языку. Подумав, он согласился и сказал, что у них есть такой специалист: товарищ Рунд. Данный товарищ и определит степень моего знания немецкого языка, а также подтвердит (или не подтвердит) мою квалификацию.

Товарищем Рунд оказалась немецкая леди из Берлина. Она имела докторскую степень и читала лекции в Московском государственном университете. Она была членом коммунистической партии и приехала в Москву. Как и многие другие идеалисты, она хотела участвовать в строительстве социалистического общества. И ей была уготована та же судьба, как и многим ее товарищам. Ее арестовали, когда она читала лекцию в университете. Она поплатилась за свою неосмотрительность, делая критические замечания по поводу недостатков и ошибок, которые видела в существующей советской системе. Ее заставили переехать в Якутию. Однако ей повезло: тысячи иностранных коммунистов бесследно исчезли в тюрьмах и лагерях.

С самого первого дня нашего знакомства мы говорили только по-немецки и прониклись симпатией друг к другу. Фрейлин Рунд (так я называл ее) была интеллигентным и культурным человеком. Она ужасно страдала оттого, что ее сослали сюда, от сурового климата, от одиночества. Она часто выглядела подавленной и не скрывала от меня своего отчаяния. В силу официальных обязанностей мы встречались по несколько раз в день, и она всегда была рада поговорить со мной. Мы часто говорили о Берлине, наших студен-

ческих днях, поездках по Европе. При нашей первой встрече фрейлин Рунд сказала, что она сделает все, чтобы меня приняли на работу в качестве преподавателя немецкого языка. Через некоторое время я получил письменное подтверждение, и дорога к моей учительской карьере была открыта.

Через несколько лет одинокая и несчастная фрейлин Рунд умерла. Так в Сибири закончилась еще одна человеческая жизнь.

Русская пословица гласит: чтобы узнать человека, с ним нужно пуд соли съесть. Эта русская мера равна сорока фунтам. Я не знаю, сколько фунтов соли я съел за годы, проведенные в Сибири, но, кажется, достаточно, чтобы сказать, что узнал русских очень хорошо.

Конечно, помню я и неприятные встречи, и даже унижительные. Были и конфронтации с официальными представителями системы, которые намеренно хотели сделать нашу жизнь еще труднее. Однако большинство людей мы сегодня вспоминаем с благодарностью за их доброту и теплое человеческое отношение к нам. Это были представители разных слоев общества – рабочие и ремесленники, директора и ученые, учителя и инженеры, и многие, многие другие. И что особенно запомнилось – это их чуткость, гостеприимство и готовность помочь людям, оказавшимся в бедственном положении. Если вы сближались с ними, и они принимали вас, то готовы были поделиться с вами последним куском хлеба, отдать последнюю рубашку. Русские очень сентиментальны, и это одна из черт их характера. В отличие от скандинавов, они не сдерживают себя, открыто выражая свои чувства.

Конечно, это касается не всех. Директор школы №16 относился к тем русским, нравственные качества которых нас совершенно не восхищали.

Вскоре после сдачи «экзамена» меня назначили учителем немецкого языка именно в эту школу. Советским школам

вместо названий присваивают номера: 16-я, 32-я и т. п. Кроме того, их в то время делили по половому признаку: одни для мальчиков, другие для девочек.

В 16-й учились только мальчики. А большинство учителей – женщины. В Советском Союзе в учительской профессии традиционно доминировали женщины, а когда многих мужчин призвали в армию, «педагогический матриархат» стал еще заметнее.

Директор Севастьянов поначалу очень обрадовался, что у него появился учитель-мужчина. Он сказал, что учитель-мужчина быстро научит учеников уважать себя и будет поддерживать строгую дисциплину. Директора и его жену, учительницу русского языка в этой же школе, эвакуировали в Якутию из Ленинграда.

Вскоре у меня наладились хорошие отношения с коллегами, многие из них оказались дружелюбными и любезными, готовыми всегда дать совет и оказать помощь.

И Севастьянов по-дружески улыбался, говорил мягким, спокойным голосом, но за этим скрывался расчетливый и злой нрав.

Впрочем, прямых стычек у меня с ним не было. Просто я стал замечать, что он не испытывает ко мне симпатии. Он использовал любую возможность придрататься ко мне, прекрасно понимая, что, будучи спецпоселенцем, я ничем не могу ответить.

Как и в большинстве советских организаций, в школах трудились завхозы. Они занимались всеми хозяйственными делами: следили за зданием, проверяли отопительную систему, водоснабжение и другие коммуникации. Кроме того, завхоз школы № 16 ходил за продовольственными карточками и раздавал их учителям.

Наш завхоз Иванов, инвалид войны и алкоголик, терпеть не мог распределять продовольственные карточки. Многие жаловались на него директору, но тот не осмеливался уволить инвалида войны...

Однажды Севастьянов вызвал меня к себе в кабинет и, как всегда, с льстивой улыбкой сказал, что школа находится в трудном положении. И с той же улыбкой попросил меня взять на себя почетную обязанность по получению и распределению производственных карточек, добавив, что учителя будут мне очень признательны за это, а он постарается найти нового завхоза. Но, как выяснилось позже, он и не собирался этого делать.

На несколько месяцев его поручение стало тяжелой ношей для меня. Надо было забирать карточки в конторе, которая находилась очень далеко от школы. Каждый раз я проходил это расстояние пешком. Что само по себе тяжело, а тем более зимой, когда температура опускалась до -40 . К тому же распределение карточек и ведение отчетов — довольно трудоемкая работа, на которую я тратил много часов, но за которую мне не платили ни копейки.

Как и всем советским гражданам, при назначении на работу мне выдали трудовую книжку, которая находилась при мне на протяжении всей жизни в Сибири. В этой книжке содержалась вся информация об образовании и трудовой деятельности. В нее заносились данные о повышении в должности, информация о переходе с одной работы на другую, а также разного рода порицания. Когда работник увольнялся, все это фиксировалось в его трудовой книжке. Вписывали в нее и поощрения, и благодарности за активное участие в общественной жизни. На это обращали особое внимание при устройстве на новую работу.

Крепостное право отменили в России в девятнадцатом веке, но трудовые книжки, как своего рода реликт, остались. Несмотря на то, что сам факт их наличия не соответствовал заявлениям советской власти о привилегиях рабочих в рабочем государстве.

В Советском Союзе обучение иностранным языкам начинается с пятого класса. Моим пятиклассникам по двенадцать лет, самый трудный возраст. Но, может, особенно труден он для учителя немецкого языка.

В 1943 году Германия, немцы и все, что связано с этим, вполне естественно, вызывало неприязненную реакцию у большинства русских. У многих родственники на фронте, многие потеряли близких в результате бомбежек городов в европейской части Союза. Некоторые ученики просто отказывались учить немецкий. «Мы не хотим учить язык фашистов!» — говорили они. Мне стоило больших трудов и терпения убедить их в важности изучения этого «фашистского языка» как в военное, так и в мирное время.

Я говорил им, что Красная Армия с фашизмом обязательно покончит, и после войны потребуются специалисты, хорошо владеющие немецким языком для работы в оккупированных районах Германии. Я тогда не осознавал, насколько я был прав, но к моим аргументам прислушивались не все. Несмотря на все мои доводы, многие упрямо отказывались учить немецкий язык.

Но я упорно стоял на своем, и в конце концов мы пришли к джентльменскому соглашению. Мы договорились, что если ученики внимательны на уроках, хорошо работают в классе и выполняют домашнее задание, то им будет разрешено задавать мне вопросы о жизни в Европе. Большинство учеников, кроме Якутска, нигде не были и ничего не знали о жизни в больших городах, а тем более за границей. Им не терпелось об этом узнать.

Многие не видели домов выше двух этажей, трамваев, легковых машин. Они не представляли, как это в доме может быть водопровод и туалет. После моих рассказов меня однажды спросили: «Где же люди, живущие на пятом этаже, будут брать яйца, ведь кур там нельзя держать?»

Мои ученики знали, что я ссыльный, но за все время работы школьным учителем в Советском Союзе, я никогда не ощущал недоверия или настороженности. Кроме некоторых невинных проделок, проблем с учениками у меня никогда не было. Наоборот, они часто показывали мне, что я им и как человек, и как преподаватель очень нравлюсь, тем самым отвлекая меня от унылых мыслей о трудностях жизни.

Я сравнительно легко приспособился к советской системе образования, хотя она очень сильно отличалась от принципов, принятых на Западе. Самое главное требование, предъявляемое к советскому учителю, состояло в том, что он должен воспитывать учеников в духе коммунистических идей, уважения и почитания руководителей страны, послушания и патриотизма. По всей стране использовались одни и те же учебники, изучаемые предметы также были одни и те же. В течение всего года большое внимание уделялось поведению, и все ученики с первого по десятый класс получали оценки за поведение: от единицы до пятерки.

«Anna und Marta baden» — самое первое предложение в учебнике немецкого языка, по которому учились в советских школах. Предложение может показаться странным, но, в действительности, оно было кстати. Дело в том, в русском языке нет коротких и длинных гласных, и, чтобы продемонстрировать разницу с немецким языком, в учебник включили это предложение. В слове «Anna» гласная «а» произносится кратко, а в слове «und» гласная «и» — долго, и так далее. «Baden» — первое немецкое слово, которое заучивали ученики. Как люди изобретательные, они, не долго думая, дали мне прозвище «Баден», которое приклеилось ко мне на все годы моей учительской деятельности. Когда после перемены я шел в класс, я слышал, как ученики кричали: «Баден идет!».

Много позже, когда Шнеур учился уже в пятом классе и стал моим учеником, прозвище дали и ему. Ученики звали его «Баденуол» — единственное в своем роде слово на немецко-якутском языке. «Уол» — по-якутски мальчик.

Провокационный визит

Рахиль

В середине декабря, в самое темное время года вдруг заболела Гарриетта. Вызвали врача, и после осмотра он сказал, что ее нужно срочно положить в больницу, и вызвал неотложку. Она заболела дифтерией. Ни ей, ни Шнеуру прививки от этой страшной болезни не делали. Гарриетте было три года. Поскольку между собой мы говорили по-немецки, она могла разговаривать только на этом языке. Вот почему я поехала вместе с ней в больницу, где мы пробыли шесть долгих недель. Помню эти недели, чрезвычайно трудные для нас всех, и особенно для бабушки. Теперь ей одной приходилось заниматься хозяйством, и каждый день она еще ездила к нам в больницу и привозила еду. Нам повезло: главный врач детской инфекционной больницы доктор Йоффе оказалась первоклассным специалистом. Три года назад ее тоже депортировали из Литвы.

Русским языком я еще плохо владела, а с ней могла разговаривать по-немецки. Должна признать, что лечение в больнице было хорошее. Гарриетте вводили большие дозы сыворотки, но все равно поправлялась она медленно. Только через шесть недель ей перестали делать уколы, убедившись, что она выздоровела. Нас выписали из больницы. Мы все почувствовали облегчение, но, к сожалению, это была лишь маленькая передышка.

Через несколько недель после нашего возвращения заболел Шнеур. Его тоже положили в больницу, и врачи не могли понять, как он мог заразиться, поскольку перед выпиской Гарриетте сделали все анализы.

Болезнь у Шнеура протекала тяжелее, чем у Гарриетты, и ему вводили еще большие дозы сыворотки, чем ей. Его состояние было настолько тяжелым, что врачи решили сделать переливание крови. Я поехала в больницу, сдала кровь, и ему сделали переливание. После этого ему стало немного лучше.

Врачи не могли понять, как мог заразиться Шнеур. Доктор Йоффе расспрашивала меня о наших жилищных условиях, и я сказала ей, что с нами рядом живут еще две семьи с детьми, и две девочки ходят в детский сад. Врач определила, что разносчиками болезни могут быть девочки, и что сначала от них заразилась Гарриетта, а потом Шнеур.

Девочек положили в больницу на обследование, и выяснилось, что доктор Йоффе права. Старшая девочка была переносчиком этой болезни, хотя сама она не болела. Ее оставили в больнице на лечение.

К сожалению, мы поняли, насколько правдива старая поговорка, что беда одна не ходит. Пока Шнеур поправлялся после болезни, приключилось несчастье с бабушкой.

Валенки, то есть русские фетровые сапоги, — единственный вид обуви, который носили в зимнее время. Только в валенках ноги не мерзли, и в них труднее поскользнуться. Надо только следить, чтобы подошвы были сухими. Вот почему, придя с улицы, мы сразу снимали валенки и клали их поближе к печке. Если же подошвы оказывались влажными, то на улице на них образовывался слой льда, и тогда ходить в них было опасно.

Возможно, бабушка плохо просушила валенки, и когда пошла в магазин, она поскользнулась на тротуаре и упала, сломав руку. Она сразу же отправилась в амбулаторию, где долго просидела в очереди, ожидая приема. Врач осмотрел ее и выписал направление в больницу, которая находилась

на другом конце города. Она зашла домой, и я проводила ее до больницы. По дороге она жаловалась на сильную боль в руке.

Сегодня, вспоминая те дни, нам трудно постичь, как бабушка смогла пройти через все те испытания, и как она смогла найти силы, чтобы пройти пешком несколько километров при — 40, страдая от страшной боли. Такси мы вызвать не могли, а если бы вызвали неотложку, то прождали бы ее несколько часов.

В больнице бабушка пробыла несколько дней. Когда вернулась домой, рука была в гипсе, который сняли только через шесть недель. После этого мы надеялись, что все наши несчастья закончатся. Мы решили во что бы то ни стало сменить жилье. И после долгих поисков, наконец-то, сделали это.

Нам удалось найти маленький домик. В нем раньше держали корову, потом поставили печку с трубой и переделали под жилье. Домик стоял во дворе, рядом с бревенчатым домом некоего товарища Краснова. Это добротное строение казалось нам красивым и просторным, почти дворцом.

Площадь домика — примерно около восемнадцати метров, и для пяти человек это немного, но мы опять счастливы: живем отдельно и, стало быть, жилищные условия почти приблизились к шикарным.

Шнеура из больницы еще не выписали, а поскольку за ним требовался уход, то врач разрешила мне остаться с ним. Иногда я приходила домой помочь бабушке по хозяйству, поскольку она со сломанной рукой не все могла сделать. Израэль до позднего вечера работал и после долгой дороги из школы приходил совершенно измученным.

Приближалась пасха. Мы надеялись, что вся семья будет в сборе, и вместе отпразднуем этот большой праздник. Но этого не случилось. Шнеура из больницы не выписали, он пробыл там дольше, чем мы ожидали.

Вместе с нашими друзьями мы испекли мацу — традиционный пасхальный хлеб, приготовили фаршированную рыбу,

мясо и суп. Это был настоящий пасхальный обед. Так мы ели нечасто.

Вечером я снова пошла в больницу, чтобы ночью дежурить у Шнеура.

Через несколько дней, утром в больницу неожиданно пришел Израэль и попросил, чтобы я вернулась домой, так как бабушка тяжело заболела. Мы быстро пошли домой, и как только я увидела бабушку, поняла, что ей очень плохо. Она жаловалась на сильные боли в животе, у нее посинели ноги. Я побежала за неотложкой. Когда, наконец, машина приехала, бабушка самостоятельно оделась и без посторонней помощи села в нее. Израэль поехал вместе с ней в больницу, где врачи после осмотра, поставили диагноз — заворот кишок. Операцию делать поздно.

Израэль хотел остаться с бабушкой, но она сказала ему, что не хочет, чтобы из-за нее он не пошел на занятия. В конце концов сейчас он ей ничем не сможет помочь. Таким было ее последнее желание.

Через несколько часов я пришла навестить ее. Ко мне вышла медсестра. Она сказала мне, что бабушка умерла.

По еврейскому обычаю, ее похоронили на следующий день на еврейском кладбище в Якутске. В последний путь ее провожала маленькая группа наших друзей и знакомых. Гроб с телом поставили на сани, запряженные лошадей, и процессия двинулась в путь через город, за стадион, где за деревянным забором находилось еврейское кладбище. После короткой церемонии прощания, когда читались еврейские молитвы, гроб, сколоченный из неотесанных досок, опустили в мерзлую землю.

Еврейское кладбище было довольно старое. Первые захоронения появились еще при царском режиме, когда евреев ссылали в Якутск по политическим мотивам, за то, что они выступали против системы. Многие из них мечтали построить социалистическое государство, что стало реальностью после 1917 года. Вряд ли они могли тогда подумать, что в

Советском государстве людей будут преследовать за политические убеждения. Бабушкина могила на еврейском кладбище — одна из многих, ставших памятниками невинным людям, которые заплатили своими жизнями за сталинские преследования воображаемых врагов.

Через неделю после бабушкиных похорон Шнеура наконец выписали из больницы. И первое, о чем он спросил, когда вернулся, почему бабушка еще не пришла домой. Он знал, что ее увезли в больницу, но мы не осмелились сказать ему правду, поскольку он еще был очень слаб после долгой и тяжелой болезни. Сначала мы отвлекали его внимание, и он занимался исследованием нашего нового дома и окрестностей. Но через несколько дней он почувствовал, что что-то не так, и опять стал спрашивать, почему мы не идем к бабушке в больницу. Наконец, мы сели и, стараясь говорить как можно более спокойно, рассказали ему, что случилось, пока он лежал в больнице.

Смерть бабушки стала большим горем для нас, и в семье сразу многое изменилось. Мы любили ее и были очень привязаны к ней. Во всех переворотах нашей жизни она проявила себя мудрым и благородным человеком и своей скромностью и самоотречением сделала все, что могла, чтобы помочь нам в наших страданиях. И хотя она привыкла к совершенно другой жизни, приняла страшный поворот в своей судьбе с большим достоинством и показала нам пример, как можно приспособиться к самым, казалось, невозможным условиям жизни. Мы всегда были очень привязаны друг к другу, но жизнь в Сибири еще больше сблизила нас. Мои отношения с бабушкой совершенно не походили на отношения свекрови и невестки. Судьба и страдания наши были общими, и мы обе старались, чтобы наша семья, и особенно дети, видели как можно меньше лишений. Было трудно смириться с мыслью, что бабушки больше нет, и я с трудом представляла, как мы будем жить без ее поддержки и советов. Ей было шестьдесят два года.

Где-то в середине мая появились первые признаки весны, и сообщения с фронтов стали ободряющими. Советская Армия наступала. У нас появилась надежда, что с окончанием войны наша депортация закончится, нам разрешат уехать из Якутска в какое-нибудь другое место в Советском Союзе, где климат лучше и условия жизни более цивилизованные.

Наше финансовое положение оставляло желать лучшего. Несмотря на то, что работу учителя хорошо оплачивали, денег не хватало. Хотя мы жили очень скромно, приходилось считать каждый рубль. Деньги уходили на продукты и дрова, которые стоили очень дорого, но покупать их меньше при таком суровом климате мы не могли.

На зарплату Израэля мы жили десять-двенадцать дней, а потом снова продавали вещи.

В Якутске среди депортированных было около тысячи польских евреев. В 1944 году, по мере освобождения территории Польши, им разрешали вернуться домой из Сибири, где они достаточно быстро адаптировались и за несколько лет смогли «сэкономить» значительные суммы денег. Я не знаю, как им это удавалось, но подозреваю, что делалось это не всегда легальным путем. Теперь, перед возвращением на родину многие из них стремились потратить деньги на различные ценности, поскольку рубли в Польше не стоили ничего.

Мы поняли, что пришло время расстаться с ценным кольцом, которое нам удалось сохранить, несмотря на многочисленные обыски, которым мы подвергались. Это было бриллиантовое кольцо, с большим — 2,75 карата — камнем очень высокого качества. У кольца была своя история.

Эту семейную реликвию мне подарили в день рождения Шнеура. После советской оккупации Литвы я решила спрятать это кольцо, хотя в то время у меня и мысли не было о том, через что нам предстоит пройти. Но уже тогда ходили слухи, что в домах состоятельных людей делают обыски и

конфискуют ценности. Нас тоже посещали представители так называемых комитетов, которые приходили «позаимствовать» мебель, в которой мы «не нуждались». Так что следовало ожидать, что в любое время эти представители снова придут и уже проявят интерес к нашим драгоценностям и другим ценным вещам, в которых, по их мнению, мы тоже не нуждаемся.

Я не знала, как лучше спрятать кольцо, но однажды, когда вязала свитер, мне вдруг пришла в голову мысль спрятать его в клубок шерсти, который лежал у меня на коленях. Как оказалось, это была хорошая мысль.

Все наши вещи тщательно обыскивались десятки раз, и часто офицеры НКВД держали мое вязание в руках, ничего не подозревая. Конечно, размотать целый клубок шерсти — дело не легкое. Но только так мне удалось спасти кольцо во время обысков. Наконец, пришло время вынуть кольцо из потаенного места и продать, чтобы выжить. Оказалось, что многие готовы купить его, но мы не знали, сколько за него просить. Оценить его было негде. И после некоторых размышлений, сравнений и расчетов мы остановились на цене в сорок пять тысяч рублей.

Для нас это — огромные деньги. Чтобы накопить такую сумму, Израэлю пришлось бы работать в школе три с половиной года, не тратя не копейки. За такие деньги мы могли бы купить корову. Возникал вопрос: или учитель получает мало, или корова слишком дорогая. Я не смогу сделать необходимые расчеты, чтобы ответить на этот вопрос, но кольцо мы продали одному человеку из Польши за сорок две тысячи рублей. Корову мы не купили, но в течение почти года нам удавалось сводить концы с концами.

Как и везде до этого в круг наших друзей в Якутске входили в основном депортированные из Литвы. Мы не могли часто приглашать гостей, но регулярно собирались у кого-нибудь дома за чашкой чая. Обсуждали наши общие проблемы, которых у нас было хоть отбавляй, вспоминали прошлое

и старались представить, что нас ждет в будущем. Часы, проведенные вместе с нашими друзьями, — одни из самых светлых в той нашей жизни.

Я часто вспоминала о Дании и моих родственниках, которых так давно не видела. Что они думают обо мне и моей семье, ничего не зная о нас? Было так странно возвращаться мысленно в Данию. Моя жизнь в Копенгагене казалась теперь такой далекой и почти нереальной. Меня охватывала тоска при мысли о моей семье, потому что отсюда, из этой огромной неизвестной страны, раскинувшейся на тысячи километров, возможность оказаться дома и увидеть мою семью была такой же невероятной, как полет на другую планету.

С приходом весны жить стало немного легче. Нам уже не нужно было закупать дрова, мы наконец-то освободились от тяжелой зимней одежды и таких неудобных валенок. На рынках стали появляться овощи. Китайцы и корейцы на своем ломаном русском предлагали купить лук и редис — долгожданную добавку к нашей лишенной витаминов еде. После всех зимних несчастий и болезней мы не могли нарадоваться долгим теплым солнечным дням. Летом дети могли до самого позднего вечера играть на улице: наступали белые ночи. Но наша относительно спокойная жизнь длилась не долго.

Израэль

Страх и неопределенность — наши постоянные спутники жизни в Сибири. Угроза новых проблем — переездов или каких-то других действий властей — всегда висела над нами. Мы не могли с уверенностью сказать, что в один прекрасный день нас не арестуют и, обвинив в каком-нибудь преступлении, не отправят в тюрьму или исправительно-трудовой лагерь. Таких случаев среди наших знакомых и друзей было

очень много. Проходили месяцы, годы, и неопределенность планов властей относительно нас становилась невыносимой.

Собственно, поэтому я и решил пойти на прием к самому высокому начальнику НКВД, который занимался делами всех депортированных в Якутии. Но это оказалось не таким легким делом. Полковник Карелин был не из тех, к кому депортированные могли спокойно придти.

Моя первая попытка попасть к нему закончилась категорическим отказом, мотивированным тем, что полковник Карелин не занимается индивидуальным приемом и что все заявления нужно подавать в письменной форме. Я не отказался от своего намерения и через несколько недель после ряда письменных обращений наконец-то получил возможность поговорить с самым главным в Якутии лицом НКВД.

Карелин — высокий и красивый мужчина сорока лет. Русые, зачесанные назад волосы, голубые глаза, внушающие уверенность и спокойствие духа. У него, как у всех высокопоставленных официальных лиц НКВД, была такая вежливая и церемонная манера поведения, что вы могли поверить в его дружеское расположение к вам. Что никак не сочеталось с огромной властью этого человека над судьбами всех депортированных. Одно его слово или росчерк пера могли иметь далеко идущие последствия и полностью изменить вашу жизнь.

Сначала было трудно сопоставить эти взаимоисключающие вещи, но большая фотография Сталина на стене, за письменным столом Карелина сразу же давала понять посетителю, где он находится и с кем имеет дело. Могущественный руководитель, изображенный на фото в полный рост в форме генералиссимуса, смотрел на посетителя маленькими, хитрыми глазками и с загадочной улыбкой, скрытой в черных усах. Выражение лица и взгляд вождя не обещали ничего хорошего.

Карелин предложил мне сесть, соединил ладони обеих рук под подбородком, как это делают индусы, здороваясь, и сказал, что он готов выслушать меня.

Я поблагодарил его за предоставленную мне возможность встретиться с ним и попросил разъяснить ситуацию, в которой моя семья и я находимся. Более того, я сказал ему, что наша ссылка длится уже третий год, и еще никто не сказал нам, ни по какой причине мы депортированы, ни сколько нам еще оставаться здесь и что нам ждать в будущем. В заключение я добавил, что наказание без определения срока — самое жестокое наказание.

Карелин внимательно выслушал меня, и, когда я закончил, посмотрел на меня с обезоруживающей улыбкой и спокойным дружелюбным голосом сказал, чтобы я ни в коем случае не рассматривал депортацию как наказание. Сказав это, он продолжал: «Вы работаете учителем в советской школе, и уже это является подтверждением, что власть доверяет вам. Быть учителем в советской школе и участвовать в обучении юных граждан первого в мире государства рабочих и крестьян — большая честь».

После такого объяснения Карелин позвонил адъютанту и попросил его принести мое дело. Я был очень удивлен, увидев, какую толстую папку тот принес. Карелин начал перелистывать дело и торжествующим голосом зачитывать такие сведения обо мне и моей семье, которые я давно уже забыл. Там была информация о моих поездках из Литвы за границу, сведения о моих дядях и других родственниках, о покупке и продаже недвижимости, о финансовых операциях, связанных с торговлей лошадьми и текстилем, и о многом другом — вплоть до того далекого теперь вечера, когда я познакомился с Рахиль.

Я не мог понять, зачем он выдал мне всю эту информацию. Может быть, хотел показать, насколько эффективна и всеобъемлюща система НКВД по сбору подробнейших сведений о людях, с которыми эта система имеет дело? А может быть, он надеялся, что информация, которую он зачитал, откроет мне глаза на то, какой я негодяй, и что наша депортация является заслуженной? Я так этого и не смог понять.

Когда же он закончил, я спросил его еще раз, не сможет ли он разъяснить, как долго продлится наша депортация. Карелин не ответил. Но, закрывая папку и таким образом давая мне понять, что аудиенция закончена, сказал, что пока идет война, говорить о чем-либо конкретном преждевременно и что я должен это понимать.

По дороге домой в памяти всплыли строчки из Гете:

*Я здесь стою, я бедный глупец,
Но я умен, как прежде.*

Не знаю, мой ли визит к Карелину спровоцировал дальнейшие действия властей или еще чей-то, но в один из дней, как раз перед окончанием учебного года, к нам в дверь постучали.

Мы привыкли к мысли, что неожиданные визиты не приносят ничего хорошего. Каждый раз, когда такое случилось, мы ожидали неприятностей. Вот и на этот раз наши страхи полностью подтвердились.

Мы открыли дверь. За дверью — офицер НКВД. Он стремительно вошел и без обиняков заявил, чтобы мы приготовились к отъезду в Покровск, который находится в девяноста километрах от Якутска. Офицер добавил, что уехать нужно через два дня.

Я долго гадал, стал ли наш переезд результатом моего визита и разговора с Карелиным и не захотел ли главный якутский чин НКВД преподать мне урок за мою попытку добиться ответа на важнейший для нашей семьи вопрос. Однако вскоре понял, что мне лучше всего избавиться от всех моих предположений.

В тот же день, почти в тот же час тот же самый приказ получили еще несколько семей сосланных из Литвы. По неофициальной версии, в НКВД вдруг выяснили, что депортированные не могут находиться в столице республики.

Я понимал, что бесполезно искать какое-то рациональное объяснение в действиях и решениях советских властей, но не мог смириться с мыслью, что нас опять снимают с мес-

та и переселяют неизвестно куда. Почти год я проработал в школе, где учил около ста двадцати учеников, и все хорошо получалось. Сложились отличные отношения и с учениками, и с моими коллегами, и, очевидно, на мое место будет трудно найти учителя с такой же квалификацией. А вместо этого меня посылают на кирпичный завод, где нужен клерк для выполнения различных поручений, на что не требуется ни квалификации, ни опыта. Стало быть, вывод только один. Несмотря на заверения Карелина о том, что нас не наказывают и что советская власть относится к нам с почтением, мы остаемся рабами, у которых нет никаких прав, и государство может поступать с нами так, как ему заблагорассудится. И никто не может выступить в нашу защиту.

Правда, некоторым семьям, которым тоже приказали переезжать в Покровск, удалось остаться в столице республики. Мужчины, работавшие в Якутске, отправились к своим начальникам и рассказали, что происходит. Начальники незамедлительно связались с НКВД и объяснили, что они, конечно, все понимают, но в то же время не могут работать без депортированных: некем заменить.

Я тоже сделал попытку объяснить директору Севастьянову, что, если он обратится с просьбой оставить меня в школе, то, возможно, НКВД отменит свое решение. Но Севастьянов и слышать об этом не хотел. По-видимому, он боялся, что такая просьба навредит ему, поскольку он выступит в защиту человека, доставленного в Сибирь под охраной и в вагоне для перевозки скота. Он поднял руки в жесте отчаяния, говоря: «Я не могу вмешиваться в решения НКВД». В своей обычной подхалимской манере он выразил сожаление по поводу того, что я должен уволиться из школы и что он очень хотел бы, но ничем не может помочь мне.

Делать было нечего. Я попрощался со своими учениками и коллегами, которые прекрасно понимали, что мой отъезд не является добровольным, хотя я никому не говорил о причине. Моя карьера в школе №16 завершилась.

СИБИРСКИЙ ТЕЛЕВИЗОР

Рахиль — Израэль

Через два дня после визита офицера НКВД, рано утром перед нашим домом остановился грузовик. За несколько минут наши вещи были погружены в кузов, и, усевшись на них, мы поехали в Покровск.

Девять месяцев мы в нужде, лишениях и болезнях прожили в Якутске. Умерла наша любимая бабушка, и сейчас в первый раз мы отправлялись в путь без нее. За день до отъезда сходили на кладбище попрощаться. Ведь могло и так оказаться, что мы в последний раз видим ее могилу.

До Покровска ехали около двух часов. Ухабистая и пыльная дорога пролегла то через лес, то по заболоченным низинам, то по полям с редкой растительностью. Несколько раз мы видели коршунов, кружащих в небе или сидящих на земле у туши животного.

Покровск оказался маленьким городком с двумя рядами домов, один из которых располагался по берегу реки Лены, а другой — со стороны тайги, перевозданного сибирского леса.

Нас привезли на кирпичный завод, расположенный в южной части Покровска. Нам дали комнату в бревенчатом доме и сказали, чтобы утром на следующий день мы явились в контору: получать назначение на работу.

Однако, как всегда, ничего не было организовано, и выяснилось, что на заводе работы для нас нет. Как бы оправды-

ваясь, нам сказали, что труд на кирпичном заводе не является легким, и посоветовали поскорее найти что-нибудь другое. Но возможности найти «что-нибудь» в Покровске и так были крайне ограничены, а тот факт, что мы депортированные, сводил шансы Израиля трудоустроиться почти к нулю.

ИЗРАЭЛЬ

На следующий день после нашего приезда я зашел к директору местной школы. Александр Павлов (так звали директора) понимающе и дружелюбно выслушал меня, когда я ему сообщил о цели своего визита и спросил о вакансии учителя немецкого языка в его школе. С сожалением он объяснил мне, что учебный план уже утвержден, и в нем нет немецкого языка как предмета. Однако Павлов сказал, что, вероятнее всего, через несколько лет немецкий язык будет включен в программу обучения, и попросил меня поддерживать с ним связь.

Жители Покровска в подавляющем большинстве работали на кирпичном заводе — единственном промышленном предприятии в городке. Некоторые занимались рыболовством, охотой, сельским хозяйством, а некоторые трудились в административном и торговом секторах. В городе — небольшая больница, аптека и несколько магазинов. Покровск, возможно, и возник на базе кирпичного завода и медленно вырос, став небольшим городом с населением шесть-семь тысяч жителей.

Я продолжал искать работу, и мне сказали, что к северу от Покровска есть научно-исследовательская селекционная станция, и что я быстрее найду место там, чем где-либо еще в Покровске. Терять было нечего, и я отправился туда на встречу с директором Яковом Ивановичем Климовым.

Как только он узнал, что я хочу и кто я такой, он сказал, что я, как раз тот человек, которого он искал на должность

заместителя бухгалтера. Климов также сказал, что нам дадут жилье и что молоко и овощи мы будем покупать по ценам в несколько раз ниже рыночных. На селекционной — своя столовая, где сотрудники могли питаться и приобретать продукты по сниженным ценам. Бухгалтерская работа не относилась к моим любимым занятиям, но я, не колеблясь, принял предложение.

Климову было около сорока. Высокий, статный, казалось, что энергия так и брызжет из него. Он говорил со мной в добродушной и дружеской манере. Я в тайне надеялся, что мое впечатление верное и что я смогу установить хорошие отношения с моим новым начальником.

Рахиль — Израэль

Нам выделили комнату в бревенчатом доме, в котором уже жили две семьи. В доме — общая прихожая, в прихожей — простенок. Он отделял примерно 12 квадратных метров, которые и стали нашей комнатой. Вся остальная часть так и осталась прихожей. Печки в нашей комнате не было, но Климов пообещал, что будет, тогда мы сможем переехать. Примерно через три недели мы въехали в комнату, отгороженную тонким простенком от прихожей, зато с новой печкой. Свободного пространства для проживания осталось метров десять. Но мы и этому были рады. Очень хотелось уехать из мрачного и пыльного жилища на кирпичном заводе.

Селекционная станция, окруженная со всех сторон густым лесом, располагалась на склоне, спускающемся к Лене. Похожих селекционных станций много в Советском Союзе. Одни — побольше, другие — поменьше. А Покровская, площадь более 120 гектаров, занималась выведением сортов зерновых и овощных культур для северных районов с их особо трудными климатическими условиями. В Якутии, где теплыми бывают примерно сто дней в году, вегетационный пери-

од у растений очень короткий. В этих условиях предъявляются особые требования как к растениям, так и к способам их культивации там, где за год выпадает всего лишь около 250 миллиметров осадков. На станции выращивались различные сорта зерновых и овощных культур. Под каждый сорт отводился свой участок, и осенью урожай с каждого из них собирался отдельно, тщательно взвешивался и анализировался. Весной в почву высевали только те сорта зерновых и овощных культур, которые имели самые лучшие показатели. Таким образом, выводились сорта зерновых и овощных культур, приспособленных к жизни в условиях Крайнего Севера.

По сравнению с Якутском селекционная станция — это, в сущности маленькая деревня, и у нас быстро сложилось впечатление, что мы теперь живем в сельской местности. Свежий воздух, обилие растительности, близость реки — от всего этого мы чувствовали себя намного лучше, чем в окруженным болотами Якутске.

На станции — школа, детский сад, ясли и маленький продуктовый магазин. Магазин — рядом с нашим домом, и столовая, которой мы пользовались, также недалеко. Каждый день работникам селекционной станции разрешалось покупать в этой столовой по литру молока. А так как на станции собственное стадо коров, то молоко очень дешевое — 2 рубля за литр, на рынке в двенадцать раз дороже — 24 рубля.

Водовоз Савин обеспечивал жителей водой. Он возил ее из реки в большой деревянной бочке, установленной на запряженной лошастью повозке, и ведрами разносил по домам.

На станции имелся клуб как своего рода общественный центр. По выходным дням там демонстрировали кинофильмы. В основном советские, но иногда показывали очень старые, затертые, с царапинами, копии иностранных фильмов, включая немецкие, английские и американские. Мы ходили на эти киносеансы, скорее всего, потому, что в примитивном кинотеатре в диком уголке Сибири смотреть иностранные фильмы — ощущение особое. Эти фильмы мы уже виде-

ли раньше, но они стали для нас как дуновение свежего ветра оттуда, из прошлого, из мира, который когда-то был нашим, но теперь оказался таким далеким и почти нереальным.

При станции работала баня, которая содержалась в хорошем состоянии. Как и все жители поселка, мы тоже ходили туда. Работала она по выходным дням. По субботам — для мужчин, по воскресеньям — для женщин. У русских посещение бани — особый ритуал. Не просто мытье или хлестанье душистыми вениками, а событие почти торжественное и общественно значимое. Люди берут в баню напитки, еду и хорошо проводят время в разговорах, обмениваясь последними новостями, обсуждая положение в мире и рассказывая свежие анекдоты. Баня — это даже не элемент, а значительная часть культуры, имеющая большое значение для эмоционального русского человека.

Дирекция селекционной станции проявляла большую заботу о своих сотрудниках. Единственное, что требовалось от них самих, — это заготовка дров. Они должны были сами валить деревья в тайге, пилить и рубить их. За небольшие деньги нанимали подводу, чтобы съездить в лес на заготовку дров.

В один из осенних дней мы тоже взяли подводу, достали необходимые инструменты, и все вместе отправились в тайгу. Поскольку валить деревья разрешалось только за три-четыре километра от берега Лены, мы забрались довольно далеко в лес.

До этого нам никогда не приходилось валить деревья, но, тем не менее, между нами говоря, у нас неплохо получалось. Мы выбирали только лиственницы: их было много, и нам сказали, что при сжигании они дают больше всего тепла. Поваленные деревья очищали от веток и сучков и нарезали их такой длины, чтобы потом по первому снегу их вывезти. Нужно было ждать, когда выпадет снег, чтобы перевезти бревна на санях, ведь в тайге нет дорог, и на подводе такой груз перевезти невозможно. Естественно, что деревья, которые мы валили, были небольшими. С большими мы бы

просто не справились, да и вывезти их мы бы тоже не смогли. Так что мы выбирали только те, которые нам было под силу свалить. Дети помогали собирать обрубленные ветки.

Поездка в лес всем очень понравилась. Ярко светило солнце, и было еще достаточно тепло. Мы взяли с собой еду и питье. Одним словом, ехали как на пикник. Дети играли, собирали последние ягоды — бруснику и дикую землянику.

К концу дня все напиленные бревна мы собрали в одну большую грудку и, оглядев ее, испытали чувство гордости. Перед отъездом в тайгу мы были настроены скептически, боясь не справиться, но сейчас, посмотрев на результаты, увидели, что сделали работу не хуже, чем коренные сибиряки. Перед отъездом на станцию мы поместили бревна особым знаком, чтобы зимой, когда вернемся за ними, сразу найти их. Так обычно делали все, кто заготавливал дрова на зиму.

Уже темнело, когда уставшие и счастливые, мы вернулись на станцию.

Потом выпал снег, но мы не смогли поехать за дровами в первый же выходной день: свободных саней не оказалось. Мы решили, что поедем в следующее воскресенье.

В понедельник, недалеко от нашего дома, мы увидели большую грудку бревен. Все бревна помечены нашим знаком. В воскресенье мы поехали в лес, чтобы проверить, не ошибаемся ли мы. Проверка показала, что наших бревен в лесу нет.

Вернувшись, мы узнали, что заготовленные нами дрова вывез молодой парень — Николай Оглоблин, отец которого был на фронте. Николай же утверждал, что еще осенью ездил в лес и сам заготовил дрова. Назревал конфликт, который мог закончиться для нас большими неприятностями, и мы решили замять это дело.

Теперь, когда выпал снег, было уже очень трудно пилить деревья. В конце концов, объединившись с другими ссыльными, мы поехали в лес и напилили достаточно много деревьев, чтобы хватило на долгую зиму.

Живо и ясно запомнилось нам еще одно событие – возможно, потому, что было и забавным, и очень характерным для Советского Союза.

То ли в конце июля, то ли в начале августа, вскоре после того, как мы переехали на селекционную станцию, с молниеносной быстротой по всей ее территории распространился слух, что со дня на день ожидается прибытие на станцию высокопоставленного иностранного политического деятеля. Оказалось, что этот деятель – сам американский вице-президент Генри Э. Уоллес, который прибыл в Советский Союз с официальным визитом. Совершая поездку по стране, он прилетит в Якутск, а оттуда в Покровск, чтобы осмотреть селекционную станцию. Говорилось, что Генри Э. Уоллес очень интересуется сельским хозяйством, и что одной из целей его визита в Сибирь является как раз ознакомление с научно-исследовательской работой по выведению особых сортов зерновых и овощных культур для суровых климатических условиях севера. Так что принимать этого важного гостя будет селекционная станция.

Информация о визите с инструкциями, как принимать гостя, то есть что ему следует показывать, а что нет, поступила из Москвы, из самых высоких инстанций. Якутские власти должны принять американского вице-президента и взять на себя все затраты, включая и те, что связаны с его поездкой в передовое научно-исследовательское хозяйство.

Как только согласовали все детали, на станции закипела работа. Пропалывали сорняки, подметали и вычищали все вокруг. Здание, где должен был проходить прием Уоллеса, обновили. Побелили потолки, наклеили новые обои, а все деревянные изделия покрасили. Вдруг и в большом количестве появились откуда-то такие материалы, которые в обычное время невозможно было достать.

Из Якутска приехал первый секретарь горкома партии, чтобы лично проинспектировать, как идет подготовка. Ему не понравились комнаты, где намечался прием высокопос-

тавленного американца, и их снова побелили и наклеили новые и более красивые обои. Местной покровской торговой организации (сельпо) поручили организовать поставку продуктов и напитков для приема, и на это им выделили восемь тысяч рублей. Скатерти на столы и столовые приборы привезли из единственного и похожего на столовую ресторана в Покровске.

В процессе этой спешной подготовки вдруг кому-то пришла мысль: а что если вице-президент захочет вымыть руки перед едой? Умывальника с раковиной не обнаружили. Вишел примитивный бачок с водой, и когда рукой поднимался торчащий из днища этого бачка стержень, вода лилась на ладонь. Конечно же, такое устройство, хотя и хорошее, но не для американского вице-президента. Поэтому стали искать замену, и после долгих обсуждений и поисков нашли все-таки умывальник с раковиной — очень редкий предмет быта в этой части страны. Его владелец, по его же словам, «поднялся на седьмое небо» от счастья, что помог спасти честь Покровска.

В день приезда Уоллеса у школьников отменили занятия, но не потому, что они горели желанием принять участие в торжественной встрече, а затем, чтобы они повсюду не бегали и не путались у серьезных людей под ногами. Для этого в клубе им бесплатно показывали кинофильм. Еще один фильм припасли на тот случай, если вдруг визит Уоллеса затянется. Казалось, были предусмотрены все возможные случайности, чтобы ничто не омрачило короткий визит американского вице-президента. Взору его собирались представить крошечный городок и окрестности, где нет, не было и не может быть никаких недостатков.

Наконец, день, который все так долго ждали, настал. Из Якутска прибыл кортеж автомобилей. Никогда еще до этого, и, возможно, после Покровск не видел столько автомобилей! Уоллеса и его свиту приняли с такой пышностью и торжественностью, на которые город только был способен: совет-

ские и американские флаги, маленький оркестр, который срочно организовали, ленты со словами приветствия, цветы, сверкающие чистотой здания и теплицы. Уоллесу, сопровождаемому директором Климовым и несколькими взволнованными агрономами, показывали селекционную станцию, потом рассказывали о работе и научных исследованиях. Маршрут тщательно продумали, и ничего лишнего — ничего, кроме того, что было включено в скрупулезно разработанный план, вице-президенту не показали.

После осмотра станции и дискуссии с Уоллесом всем хотелось сесть за стол и начать банкет. Две женщины из бухгалтерии, назначенные обслуживать гостей, проводили американцев к столу. По русской традиции, всю еду выставили заранее, и длинный стол ломился от нарезанного мяса и всевозможных деликатесов, которые и в самом деле были едой высшей пробы: икра, сельдь, разнообразная копченая рыба, мясные блюда, несколько видов пирожков и, конечно, широкий выбор напитков — вино, водка, коньяк, шампанское. Такое обилие впечатляло, особенно, если учесть, что еще шла война, и в стране действовала строгая карточная система.

После того, как Уоллес сел, он оглядел заставленный яствами стол, явно не находя того, что хотел увидеть. Все затаили дыхание: чего же еще не хватает? Вице-президент обратился к своему переводчику, который ко всеобщему облегчению объяснил, что второй человек в США хотел бы стакан молока. К счастью, на селекционной станции молока хватало: стадо большое. Одна беда: на кухне не знали, в чем подавать. Наконец решили, что подадут в графине для вина. Это хотя и не молочная тара, но очень чистая, красивая и замечательно подойдет.

Прием длился не больше часа. Уоллес выразил свое восхищение работой агрономов, и сказал, что не ожидал увидеть такие богатые, ухоженные поля и такую хорошо развитую земледельческую систему на Крайнем Севере.

Прощаясь с хозяевами станции, вице-президент США попросил книгу отзывов для гостей. И снова его просьба застала хозяев врасплох, поскольку эту деталь они не учли. Чтобы не потерять лицо в последний момент, срочно послали человека в бухгалтерию. Запыхавшись, человек вернулся с бухгалтерской книгой, которая и стала книгой отзывов. И в этой новой книге для гостей Уоллес в письменном виде выразил благодарность за теплый прием, который ему оказали. Всему коллективу станции он пожелал успехов в их «впечатлившей его работе, с которой он с удовольствием ознакомился».

Ну, а потом пришло время махать вслед кортежу автомобилей. И махали до тех пор, пока тот не скрылся за поворотом. Все вздохнули с облегчением. Все прошло отлично. С заданием справились. Но это был только первый акт.

Почти сразу же после отъезда американского вице-президента пришли с большими сумками представители сельпо, отвечавшие за поставку продуктов для торжественного стола, и, быстро собрав все, что осталось из еды и напитков, так же быстро исчезли. А вечером мы узнали, что все работники сельпо на лодках переправились на маленький остров посреди Лены, где устроили неслыханное пиршество с песнями, плясками и закончившееся лишь под утро.

На следующий день участники пикника приехали на селекционную станцию со счетом на восемь тысяч рублей за продукты и напитки, поставленные к официальному столу. Директор Климов категорически отказался оплачивать этот счет, заявив, что это не входит в обязанности бухгалтерии руководимого им хозяйства. При этом он подчеркнул, что станции поручали отвечать за организацию приема, а все расходы должны оплачивать якутские власти.

Некоторое время все было спокойно, как вдруг директору пришла повестка в суд, согласно которой сельпо теперь уже через судебные органы хотело вернуть восемь тысяч

рублей. Климов распорядился заняться этим делом главному бухгалтеру Ивану Михайловичу Чуркину. Чуркин был сахаря (так называли русских, родившихся и живущих в Якутии). Ему было за пятьдесят, и он любил выпить. Из-за этого у него случались неприятные столкновения с властями, и он очень боялся милиции и суда.

Узнав, что Климов поручает заняться судебным иском ему, он прибежал к директору и стал умолять освободить его от этого. И Климов Чуркина освободил, и тогда я стал представлять селекционную станцию в суде.

Хотя перепугавшийся главный бухгалтер снабдил меня всеми имеющимися данными и расписками, относившимися к поставкам продуктов из сельпо, я без энтузиазма занялся этим делом. Самым главным препятствием в суде мог оказаться тот факт, что я — депортированный, «второсортный», а, следовательно, не могу выступать на равных с моими оппонентами. Это — с одной стороны. А с другой, я не мог отказаться от этой новой работы и чувствовал, что обязан что-то сделать в ответ на дружелюбное отношение и ту большую помощь, которую нам оказали.

Я не слишком хорошо разбирался в судебных делах. В этом присутственном месте мне пришлось бывать только один раз. Случилось это в Литве в 1939 году, когда я потерял свидетельство о рождении и обратился в суд за получением нового, которое требовалось для оформления брака с Рахиль в Копенгагене. Поэтому я очень беспокоился о том, как пройдет судебное разбирательство, но для себя решил, что сделаю все, что от меня зависит, чтобы защитить интересы покровских селекционеров.

После короткой вступительной процедуры слово дали представителю сельпо. В своем выступлении этот рослый и солидный представитель длинно и подробно отчитался обо всем, кроме ночного пикника и представил огромное количество счетов. Моя же речь в защиту интересов станции была очень краткой. Я напомнил, что Покровская селекционная

станция не должна оплачивать банкет, поскольку это не мы заказывали продукты и напитки. Я попросил суд отклонить все претензии сельпо в наш адрес и предложил, чтобы торговая организация обратилась к властям города Якутска, которые, согласно генеральной установке, должны оплатить все расходы на прием.

Суд согласился с моими аргументами и претензию сельпо отклонил. Селекционная станция одержала победу. Руководство было очень довольное моим успехом, и в качестве награды мне разрешили купить в столовой два литра сливок. И, как напоминание о визите вице-президента Уоллеса, у нас на столе появилось множество вкусных блюд, приготовленных Рахиль из этих сливок.

Позже я стал постоянным представителем селекционной станции во всех судебных разбирательствах.

Часто случалось, что коровы, принадлежащие частным лицам, ломали заборы, проникали на поля и поедали посевы, что сводило научные исследования на этих полях практически к нулю. Ущерб исчислялся не одним десятком рублей, и владельцы коров должны были выплачивать компенсацию и довольно крупный штраф. Когда они отказывались платить, что случалось довольно часто, дело передавалось в суд.

Надо сказать, что в то время молоко на рынке стоило очень дорого: от двадцати до двадцати пяти рублей за один литр. Так что владельцы коров могли через рынок компенсировать финансовые потери. Добавлю к этому, что двадцать рублей — большие деньги. (Для сравнения: моя месячная зарплата составляла приблизительно сто двадцать рублей.)

Каждый год на станции готовили отчет о научно-исследовательской работе. Его надо было предоставлять в пяти экземплярах, которые Климов отвозил в Москву, в Министерство сельского хозяйства. Последний срок — 15 января. В конце декабря секретарша Климова отпечатала только четвертую часть отчета и к своему ужасу обнаружила, что кончи-

лась копировальная бумага. А без нее — никуда. Ведь если оставшуюся часть доклада перепечатывать пять раз, то никак невозможно уложиться в оставшееся до отъезда время.

Климов, который ни при каких обстоятельствах не мог опоздать в Москву, вызвал меня. Я пришел нему в кабинет, и обеспокоенный директор рассказал о ситуации, объяснив, что я должен поехать в Якутск и за любые деньги достать необходимое количество копирки. Мне вручили письмо в Министерство торговли Якутии и выдали огромный тулуп, поскольку моя внезапная, но очень ответственная командировка пришлась на самое холодное время года, когда температура понижалась до минус пятидесяти. Кроме того, для выполнения этой специальной миссии мне выделили большой грузовик с молодым шофером по фамилии Егоров. И мы отправились в Якутск.

Приехав туда, мы зашли к моему близкому другу Элику Рахмилевичу: дом его был как раз по дороге, ведущей в центр города. Когда Элик узнал о моей миссии, он весьма скептически отозвался о ней, сказав, что не верит, что мне удастся достать копирку. Между прочим, со мной там приключился небольшой казус, который позже мне показался довольно забавным. Когда мы уже прощались, я сказал Элику, что хочу в уборную, и спросил, как туда пройти. Элик рассмеялся и сказал, что это, к сожалению, невозможно, поскольку его уборную... украли. Вероятно, доски, из которых это сооружение было сделано, пошли на растопку. Но при этом добавил, что будет рад проводить меня в соседскую уборную, которую, чтобы не украли, охраняет огромный злой пес. Этот маленький абсурдный случай добавил еще один штрих к тем нелепейшим ситуациям, в которых мы порой оказывались. Как мы смеялись потом над собой!

После встречи с Эликом я вплотную занялся поиском копирки. Сначала я пришел к начальнику отдела в Министерстве торговли, но он не смог помочь мне. Походы по магазинам и складам также не дали никаких результатов. Уже после

обеда я пошел в Министерство сельского хозяйства, куда должен был передать образцы семян с селекционной станции. Меня проводили к агроному, которого я знал, так как он часто приезжал на станцию. Он обратил внимание на мой изможденный вид и уныние и спросил, что случилось. Я рассказал ему всю историю, после чего он предложил: «А напишутка я записку своему брату, может быть, он чем поможет».

И вскоре в огромном тулупе и на большом грузовике я уже мчался на другой конец города — с запиской к брату агронома.

Незадолго до этого, демобилизовавшись, этот приветливый человек вернулся из Германии. Не могу сказать, почему и каким образом, но у него оказалась копирка. Может быть, он ее в качестве трофея привез домой с войны, зная, что она всегда в дефиците. Во всяком случае, он спросил, сколько листов мне нужно. Я попросил сто. Он дал мне их, получил за них двести рублей, и мы оба остались довольны сделкой.

Нас уговорили взять попутчика до Покровска — женщину с маленьким ребенком на руках, директора яслей. Я уступил ей место в кабине рядом с шофером, а сам забрался в кузов и, закутавшись в тулуп, устроился в углу со стороны кабины водителя.

Примерно на полпути на обочине стоял небольшой дом, который дорожниками использовался в качестве стоянки. На подъезде к этому дому мотор грузовика вдруг начал чихать. Однако до стоянки мы все-таки дотянули. Егоров объяснил, что в бензин попала вода, которая превратилась в мельчайшие плавающие льдинки.

Он вылил бензин из бака, и, чтобы избавиться от льдинок, профильтровал его через кусок войлока. И хотя Егоров выполнял такую процедуру не первый раз, он случайно намочил руки бензином, а при сильном морозе это очень опасно. Пока Егоров вел машину, он не обращал на это внимание. Только потом заметил, что отморозил пальцы. Мы кое-как доехали до Покровска, где его руку осмотрел врач. Обморо-

жение оказалось настолько серьезным, что Егорову дали больничный лист. Несколько недель он ходил с забинтованными руками, а после, когда бинты сняли, снова сел за руль.

Так завершилась миссия «Копировальная бумага». Она прошла не без сложностей, но успешно финишировала, и я снова стал героем дня на селекционной станции.

Рахиль — Израэль

В Советском Союзе дети начинают ходить в школу с семи лет. В Быковом Мысе Шнеур и еще трое детей обучались частным образом. Все они получили знания в объеме первого класса начальной школы. В Якутске Шнеур пошел во второй класс, но из-за болезни и продолжительного лечения в больнице большую часть учебного года пропустил, и на селекционной станции снова пошел во второй класс.

Гарриетту мы отдали в детский сад — небольшой и хороший. Воспитатели были люди очень опытные. Они относились к детям с большим вниманием и интересом, и мы не беспокоились за Гарриетту. В детском саду детей кормили три раза в день.

Рахиль

Теперь, когда дети стали старше, я начала думать, где и как найти работу. Проблема состояла в том, что по-русски я говорила все еще не очень хорошо. Дома мы продолжали разговаривать по-немецки, даже с детьми. Думаю, мы говорили по-немецки потому, что не хотели терять ощущение другого мира, который все еще где-то существовал. Да, так уж люди устроены, что не теряют надежду даже в самых безнадежных и отчаянных ситуациях. Надеялись и мы, что наша депортация когда-нибудь закончится, и нам разрешат уехать из Совет-

ского Союза. Тогда, может быть, мы попадем в Данию или в какую-нибудь другую страну, где детям пригодится знание немецкого. А о том, чтобы научить детей говорить по-датски, я даже не думала. По-датски говорила только я одна и, без сомнения, детям было бы трудно выучить три разных языка сразу. Израэль тоже не говорил на языке той страны, куда я попала в раннем детстве: он знал только несколько слов.

Однажды я решила пойти к Климову и попытаться объяснить ему, что я хотела бы тоже работать. Климов просиял, когда я вошла к нему в кабинет, и внимательно слушал меня, пока на ломаном русском языке я излагала ему свой план. Он посмеялся над моими ошибками, но главное, что он понял меня, и я вышла из его кабинета с письмом, адресованным директору детского сада с просьбой принять меня на работу в качестве сменного воспитателя. Я была счастлива. Это было именно то дело, о котором я думала и которым хотела бы заниматься.

Моя работа с детьми и общение с другими воспитателями привели к тому, что мой русский язык стал заметно лучше. И после трех лет жизни в Сибири, я, наконец, стала более тесно общаться с русскими. Я стала понимать, о чем они говорят, их мир, мысли и чувства. Мы встречались и проводили время с разными людьми, которые были гостеприимны и доброжелательны. Они даже соперничали друг с другом, приглашая нас в гости, поскольку для них тоже было интересно пообщаться с такими «странными птицами», как мы. Люди с Запада не часто посещали эти суровые края.

Глубокое впечатление на меня произвело то, каким образом русские женщины создают уют в таких примитивных жилищных условиях, насколько они при таких ограниченных средствах изобретательны в приготовлении потрясающе вкусных блюд. Особенно хорошо у них получались пирожки с разными начинками: с мясом, рыбой, ягодами или капустой. Одна из наших соседок — пожилая, мудрая женщина Анна Семеновна Макрыгина была мастерским кулинаром.

Она дала мне много хороших советов и рецептов, некоторыми из них я до сих пор пользуюсь. И Израэлю, и детям очень нравилось, когда я что-нибудь изобретала на основе рецептов Анны Семеновны.

Война шла к завершению, и, возможно, поэтому в предвкушении победы и грядущего мира день революции 7 ноября 1944 года праздновался с таким размахом. До этого ничего подобного мы не видели. В празднике принимали участие исключительно все, и у всех было много выпивки и много еды — разные пирожки, мясные и рыбные блюда, салаты, и, естественно, соленые огурцы и квашеная капуста. Самый популярный напиток — бражка, нечто вроде домашнего пива, но в отличие от пива, с очень высоким содержанием алкоголя, невкусного и неаппетитного, тускло-коричневого цвета. От бражки быстро пьянели, а похмелье наступало очень тяжелое. Так что люди пили бражку не потому, что этот напиток нравился им, а для того, чтобы опьянеть.

Нашим детям нравилось на селекционной станции. У Шнеура появились друзья, с которыми он играл. Он пристрастился к чтению книг. Ему было уже восемь лет, Гарриетте — четыре года. Трудно было достать игрушки для Гарриетты: в магазинах Покровска их не продавали. У нее была старая тряпичная кукла-морячок, которую мы привезли из Литвы, и с ней она любила играть. Из старых тряпок я нашла ей маленьких куколок, и этих игрушек ей вполне хватало, чтобы создавать свой сказочный мир, в котором она пребывала долгие часы.

По воскресеньям мы ходили в лес или спускались к реке, где дети всегда находили что-нибудь интересное. Я старалась говорить с ними о природе, учила их любить цветы и животных. И Шнеур, и Гарриетта теперь свободно говорили по-русски, и особенно хорошо это получалось у Гарриетты.

Однажды осенью я стояла за нашим домом, слушая издалека, как Гарриетта играет с другими ребятами. Она говорила по-русски так же, как другие дети, и даже быстрее. Наполненная материнской гордостью, я стояла, задумавшись, ког-

да ко мне подошла соседка и спросила, понимаю ли я, что говорит моя маленькая дочь. Я сказала, что понимаю, но не все. Тогда соседка объяснила мне, что Гарриетта ругается самыми страшными нецензурными словами, какие только существуют в русском языке. Я была шокирована, но соседка успокоила меня, сказав, чтобы я не расстраивалась и объяснила Гарриетте, что такие безобразные слова нельзя говорить маленькой девочке. Женщина знала, где моя дочь могла набраться таких слов. В соседнем доме жила семья, о которой ходила дурная слава по всей селекционной станции. Взрослые члены этой семьи часто сквернословили, и дети быстро запомнили бранные слова.

В начале зимы дети много времени проводили на улице, катаясь на лыжах, на коньках и на санках с горок. Но как только начинались морозы, большую часть времени они проводили дома. Время зимой тянулось долго, и эти месяцы были самыми трудными для нас.

Наша двенадцатиметровая комната служила нам и кухней, и спальней, и гостиной. Маленькое единственное окно покрывалось слоем льда, и от этого в комнату проникало мало света. Мы делали все, чтобы наши дети были счастливы и чувствовали себя в безопасности. Долгими зимними вечерами мы много читали, играли в разные игры и смотрели «сибирский телевизор» — на горящие дрова в печке, которая постоянно топилась. Дверца печки была все время открыта, и мы смотрели на тлеющие угли и горящие поленья.

На тлеющих углях и в язычках пламени возникали разные картинки: звери, дома, леса, города и многое другое — в зависимости от нашего воображения. Когда мы заканчивали обсуждать то, что каждый из нас увидел, я рассказывала детям разные сказки — и уже известные, и те, которые я тут же придумывала, — а они сидели, глядя на огонь, и увлеченно слушали. Яркие отсветы отражались на их маленьких лицах. Эти минуты они очень любили и часто вспоминали о них потом, когда стали взрослыми.

РАДИУС ОБИТАНИЯ

Рахиль — Израэль

У нас был громкоговоритель. Похожий на большую тарелку и обтянутый прочной черной бумагой, он висел в углу комнаты. Он был подключен к местной радиостанции, и по нему передавали только одну программу. Каждый день мы слушали новости из Москвы, чтобы быть в курсе мировых событий. Даже если в новостях не давали полный обзор ситуации в мире, у нас складывалась ясная картина о происходящем и о разрушительных последствиях, вызванных войной в Европе. Мы часто вспоминали наших родственников в Литве и Дании. И та скудная информация, которая была доступна нам, вызывала у нас озабоченность их судьбами. Мы понимали, что несмотря на все несчастья, которые выпали на нашу долю, нам, в действительности, повезло: мы ведь были так далеко от войны и ее ужасов. Несмотря на страдания и лишения, которые мы испытывали, мы оказались счастливыми людьми, которые не видели войны.

Хотя мы вполне сносно устроились на селекционной станции, неопределенность и незащищенность нашего положения беспокоили нас. В первый вторник каждого месяца мы должны были приходиться к местному офицеру НКВД для регистрации. И каждый раз мы ожидали, что нам снова прикажут переехать куда-нибудь еще. Несколько раз во время этих ежемесячных регистраций нас просили заполнить длинные

анкеты, касающиеся наших родственников за границей, ответить, какими иностранными языками мы владеем, а также на множество других бессмысленных вопросов. И каждый раз офицер НКВД предупреждал нас, что без специального разрешения мы не имеем права отъезжать от Покровска на расстояние более пяти километров.

В Покровске мы впервые узнали о так называемых закрытых магазинах. Эти магазины не были закрыты в прямом смысле. Они были открыты, но только для очень ограниченного круга лиц, в который входили привилегированные члены партии и руководящие работники. Короче говоря, советская элита. В таких закрытых торговых учреждениях допущенные туда могли покупать товары, которые в обычных магазинах отпускались либо только по карточкам, либо не продавались вообще.

В апреле 1945 года нам разрешили переехать в значительно лучшую, чем у нас была, комнату в соседнем доме. Комната оказалась не только в два раза больше прежней, но гораздо светлее, с большим окном. Тонкая перегородка отделяла маленькую печку, так что получилось что-то вроде кухни. Теперь мы жили в большом, по местным понятиям, бревенчатом доме с длинным коридором и комнатами по обеим сторонам. Кроме нас, здесь жили работники селекционной станции. В таких же условиях, как и мы.

Весна сорок пятого года освободила нас не только от суровой зимы, она принесла нам другое освобождение — заканчивалась война. С фронтов приходили только хорошие известия, и по радио сообщалось то об одной, то о другой победе. Советская Армия приближалась к Берлину, и дни нацистского режима были сочтены. С каждым днем настроение у людей поднималось.

По случаю празднования Первого мая состоялся большой вечер. Было много еды и питья, произносили тосты в честь победоносной Советской Армии, смелых советских людей и, наконец, за «руководителя и учителя Иосифа Висса-

Израэль. Курорт
Кранц. 1910 г.

Израэль с родителями

Родители Израэля.
Мариен Бад. 1920 г.

Дед Израэля.
Иехуда Рахлин.
1913 г.

Студент университета.
Лейпциг. 1926 г.

Студент университета.
Кибартай. 1926 г.

Израэль с друзьями у
автобуса из Дании.
Кибартай. 1927 г.

В университетской
библиотеке. Лейпциг. 1930 г.

Израэль в Лейпциге.
1931 г.

Кибартай. 1930 г.

Передача партии лошадей бельгийским покупателям. Кибартай. 1930 г.

Мариенбад. 1934 г.

Мать и отчим Рахиль с братьями
Айзиком и Артуром. 1911 г.

Рахиль и Айзик на отдыхе под Копенгагеном. 1920 г.

Рахиль с подругой в центре
Копенгагена.
Воскресенье, 15 июня 1930 г.

Рахиль 20-е гг.

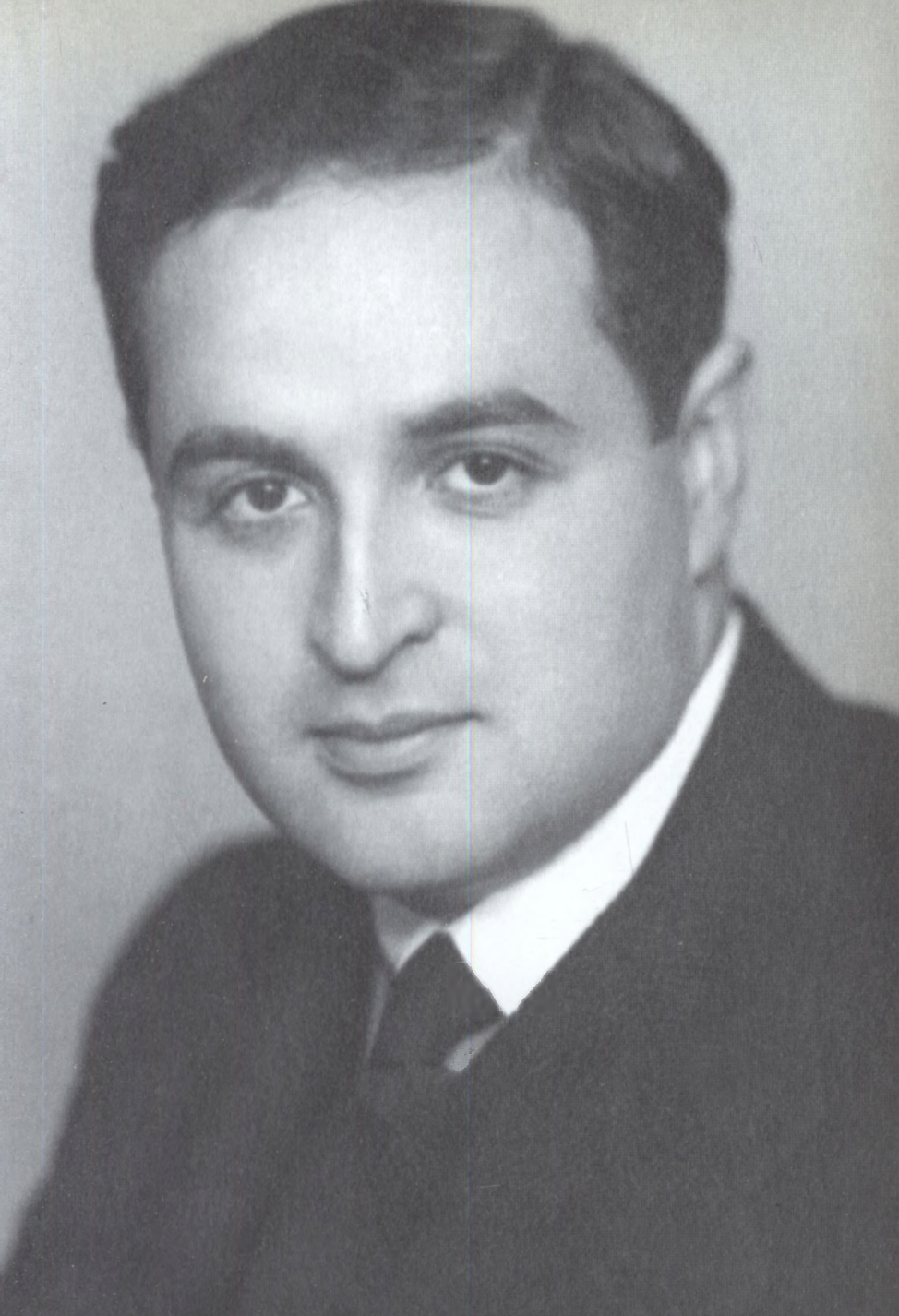

Рахиль

Рахиль

Израэль перед свадьбой

Свадебный портрет.
Копенгаген. 22 мая 1935 г.

Свадьба

Празднование Пасхи. Кибартай. 1938 г.

Рахиль со Шнеуром. Прибалтика. 1940 г.

Теплушка, в таких вагонах отправляли ссыльных в Сибирь.

рионовича Сталина». За нашего «отца» Сталина произнесли в тот вечер больше всего тостов, и всякий раз стаканы осушались до дна. Никто, конечно, не отказывался.

Через неделю, девятого мая, в десять часов утра самый известный советский диктор Юрий Левитан сообщил о полной и безоговорочной капитуляции германских войск на всех фронтах. Война закончилась!

Как только эта радостная весть разнеслась по Покровску, у школьников отменили занятия, а всех сотрудников отпустили домой. Два грузовика послали в поле — забрать работавших там людей. И вскоре всю станцию заполнила разноцветная счастливая толпа. Люди смеялись и плакали, пели песни, обнимались и поздравляли друг друга. Бутылки вина, долгое время хранившиеся именно для этого случая, были открыты. Казалось, не будет конца радости и восторгу. Вечером победу праздновали в административном помещении станции. Праздник продолжался до утра.

В Советском Союзе почти не было семей, которых не коснулась бы война. Теперь люди ждали возвращения своих близких с войны. Они надеялись, что после четырех лет бесконечных лишений наступят лучшие времена. Надеялись и мы. На то, что установим связь с нашими родственниками, и наша ссылка закончится. Но еще долгих одиннадцать лет радость ожидания так и оставалась единственной нашей радостью.

Многие ждали возвращения мужей, сыновей, отцов, но не дождались. Они получали письма, извещавшие о том, что их близкие погибли в борьбе с германским фашизмом. Многие вернулись домой инвалидами и должны были заново учиться жить.

Война окончилась, но наша жизнь не изменилась. Мы по-прежнему оставались ссыльными. И по-прежнему не могли избавиться от мысли, что можем остаться ссыльными навсегда.

В конце мая пришло время сажать картофель. Нам выделили пять соток, и во второй раз за нашу жизнь в Сибири

мы посадили картофель. Мы надеялись получить хороший урожай, чтобы улучшить наше финансовое положение. Зимой мы могли бы есть нашу собственную картошку, а не покупать. Однако здесь условия не такие, как в Алтайском крае. Хотя мы ухаживали и оберегали наши посадки, урожай оказался довольно скромным. Нам сказали, что это из-за того, что было мало дождей.

Зато на селекционной станции собрали отличный урожай капусты, и так же, как и другим, нам разрешили купить сто килограммов белых, крепких кочанов.

Мы заквасили много капусты, и нам хватило ее на всю зиму. В зимнее время свежих овощей не было, и недостаток витамина С мы восполняли, употребляя в пищу как можно больше квашенной капусты и брусники. Бруснику мы каждую осень собирали сами и хранили в большой бочке в сарае, где она с наступлением морозов замерзала. Всю зиму у нас были мороженые ягоды.

Рахиль

Наша соседка Анна Семеновна научила меня, как надо правильно солить и заквашивать капусту. Никогда раньше я не делала этого, но она дала мне очень простой рецепт, и результат получился отличный. С тех пор я часто удивлялась, почему датские способы закваски такие сложные? А тут все просто: капуста мелко рубится, смешивается с морковью, порезанной на тонкие кусочки, в эту смесь кладут семена тмина и укропа и соль. После недели заквашивания под прессом в большой деревянной бочке капуста готова, и бочку ставят в холодное место.

Всю зиму мы ходили в сарай, где держали бочку, набирали в миску мороженую капусту, дома она оттаивала и была очень вкусной.

ИЗРАЭЛЬ

В бухгалтерии — семь сотрудников. Наш начальник Иван Михайлович Чуркин — человек веселый, правда, иногда непредсказуемый. Небольшого роста, худощавый, он при ходьбе сильно хромал. По этой причине его не призвали в армию. Он превосходно играл на аккордеоне, хорошо пил водку, а также все, что мог достать. Эти два его таланта прекрасно уживались вместе. Поскольку на селекционной станции он был единственным, кто умел играть на аккордеоне, то его приглашали на все юбилеи, торжества, свадьбы и вечеринки. Это его вполне устраивало. Когда он приходил на работу в понедельник, то с похмелья у него очень болела голова, и ему страшно хотелось чего-нибудь выпить. Часто Чуркин оставался дома, и я, его заместитель, должен был следить за тем, чтобы в бухгалтерии все шло по графику.

Селекционная станция напрямую подчинялась Министерству сельского хозяйства в Москве, и все ее затраты заранее были заложены в бюджет министерства. Это облегчало работу. Надо только следить, чтобы суммы, выделенные из бюджета, не превышали статьи расходов. Так что работа в бухгалтерии относилась к разряду спокойных и не очень сложных, и все работники хорошо относились друг к другу.

Я постепенно освоился и научился еще быстрее, чем на Алтае, считать на счетах. Кроме того, я научился делать самкрутки из газеты и курить очень крепкую махорку — крупно нарубленный табак. Теперь я мало чем отличался от других и по многим признакам считался одним из них. Так же, как и Рахиль и дети, которые, хотя и не курили крепкую махорку, но тоже теперь мало чем отличались от других. Одним словом, если это наше «превращение» и было основной целью Сталина и его помощников, ответственных за нашу депортацию, то следует признать: они преуспели в этом.

Работали на селекционной станции и такие умные и любознательные агрономы, которые хотели улучшить свои

скромные знания иностранных языков. Они попросили меня помочь им с английским. Я согласился и стал заниматься с ними по два часа в неделю. Мне нравилось, что я снова учитель.

Студенты мои оказались людьми очень трудолюбивыми и занимались увлеченно. При этом они были в полном неведении о жизни на Западе и очень хотели узнать об этом. Никто из них никогда не выезжал за границу, и у них сложилось искаженное представление о том, как на Западе живут люди. Часто они отказывались верить тому, что я рассказывал им, и уроки наши нередко затягивались. Иногда мы не расходились до позднего вечера.

Однажды, где-то в середине осени 1945 года меня вызвал Климов и сказал, что, к сожалению, освобождает меня от работы в бухгалтерии, потому что тот человек, на чье место я был принят, вернулся из армии и должен занять свое прежнее место работы. Я очень расстроился, услышав это, но Климов меня успокоил, пообещав найти другую работу.

Вскоре он снова вызвал меня и с улыбкой сообщил, что я могу начать работать у Виктора Васильевича Тарасова в качестве его... правой руки в отделе по выведению новых сортов томатов. В буквальном смысле «в качестве правой руки».

Дело в том, что за несколько дней до окончания войны Тарасов потерял руку в одном из боев на подступах к Берлину. До войны он работал агрономом в этом отделе и, вернувшись, занял свое прежнее место. За растениями нужно было вести тщательные наблюдения, делать многочисленные записи и составлять отчеты. Пока Тарасов учился писать левой рукой, я выполнял все письменные работы за него и помогал всем, чем мог. Моя должность называлась «старший технический сотрудник отдела по культивированию томатов». Третьим сотрудником в нашем отделе был Сун Сян Тин, или «Миша-Китаец», как все звали его на селекционной станции. Он был одним из тех многих китайцев, которые приехали в Россию еще до революции и осели здесь. Миша начал рабо-

тать на станции еще в начале 30-х годов. Как только в Покровске открыли научно-исследовательскую станцию, он получил должность технического работника и выполнял всю практическую работу по уходу за теплицами и парниками.

Сун Сян Тин был первым китайцем, с которым я так близко общался. Со временем мы подружились. Мне нравились его мудрые, добрые глаза, энергичные движения. Он был среднего роста, худощав. Отличный растениевод и, возможно, один из самых старательных и добросовестных людей в Покровске. Миша стал моим учителем по выращиванию помидоров в экстремальных условиях Крайнего Севера. И вскоре мне стала нравиться моя новая профессия. Никогда не забуду моего учителя и многих часов, которые мы провели друг с другом.

Климат в Якутии плохо подходит для культивирования томатов, и в задачу отдела входило разрабатывать такие сорта, которые могли давать хорошие урожаи в таком суровом климате. За основу взяли американский сорт помидоров под названием «Бизон», и мы продолжали работать с ним, применяя метод селекции. Когда растения достигали определенного размера, их пересаживали в парники. Однако ночи были очень холодными, и, чтобы защитить хрупкие растения, каждую ночь парники накрывали соломенными матами. Утром мы снимали маты и открывали парники. Примерно в середине июня растения пересаживали в открытый грунт.

Уже в начале августа начинались заморозки, и тогда мы разжигали костры, чтобы защитить растения от холода. Мы с Мишей были ответственными за выполнение этой работы. Когда костры разгорались в полную силу, мы садились с ним в маленькую примитивную палатку и курили самокрутки. Рассказывали друг другу о нашей прежней жизни, о том, где бывали и что видели. Нам очень нравилось вместе бывать на этих ночных дежурствах. Миша любил рассказывать о Китае, китайских обычаях и традициях. Я помню, напри-

мер, как он говорил о том, что был шокирован отсутствием культуры приготовления и подачи пищи и у европейцев, и у русских. Миша рассказывал, что по китайскому обычаю за стол могут садиться только четыре человека, поскольку при большем количестве людей за столом приличного разговора не получится. Кроме того, китайцы больше одного вида пищи на стол сразу никогда не ставят. Варварским и некультурным считается смешивать разную еду на одной тарелке. Всего же гостям принято подавать восемь блюд минимум и сорок восемь максимум.

Мой новый друг курил не только крепкую махорку, но и опиум. Он не пытался скрывать это от меня и признавался, что ему нравится опиум. Время от времени он курил его и на работе.

Однажды мы ехали с ним в повозке на участок, что за несколько километров от селекционной станции. Туда мы ездили уже несколько раз, и обычно Миша был за возничего. Вот и тогда я сидел рядом с ним. Вдруг, взглянув на Мишу, я увидел странное застывшее отсутствующее выражение глаз и понял, что он спит с открытыми глазами. Он ни на что не обращал внимания и, казалось, был в каком-то другом мире. Однако с нами ничего не случилось. Лошадь знала дорогу, и навстречу нам никто не попался. Когда мы приехали на место, я пошел осматривать растения и делать записи. Закончив дела и вернувшись к повозке, я увидел, что Мишино опьянение прошло, и он снова весел и в хорошей форме. Несколько раз я замечал, что когда он приходил в себя после опиумного опьянения, энергия из него буквально выплескивалась, и он все делал с потрясающей скоростью. Это выглядело так, будто он выполнял какие-то волшебные трюки.

Миша выращивал свою собственную махорку, и его кiset был полным круглый год. Наш начальник Тарасов курил много, но редко носил табак с собой. Каждый раз при виде Миши он спрашивал: «А не найдется ли у тебя табачка на самокрутку?» И каждый раз с дружеской улыбкой Миша про-

тягивал ему свой кисет. Тарасов брал кисет и закручивал очень толстую самокрутку, которую он научился делать левой рукой раньше, чем ею писать. Миша убирал кисет к себе в карман без комментариев. Лишь однажды он не сдержался и сказал мне: «Я не против того, что он курит мой табак, но не могу понять, почему он закручивает такую толстую самокрутку».

Рахиль

Мне очень нравилась моя работа в детском саду, но неожиданно из яслей, которые находились рядом с садом, уволилась нянечка, а заменить ее было некому. Мне предложили пойти на ее место, поскольку «у меня отлично получится». Я была польщена и на следующий день приступила к новой работе.

Каждое утро я принимала у родителей детей, мыла их, если нужно, переодевала. Обращалась с ними так же, как и со своими собственными детьми, когда они были маленькими. И мой труд вознаграждался, когда я видела, как запущенные дети превращались в хорошеньких ухоженных ребятешек.

Весной 1946 года нам предложили переехать в большую комнату в дом, где жил научный руководитель селекционной станции Нургали Хабибулович Сагитов, башкир по национальности. Он жил там с женой и сыном Володей. Мы, естественно, сразу же приняли предложение и переехали в новую комнату.

В крепком бревенчатом доме — три комнаты, прихожая и кухня. Комната, которую нам выделили, — большая и светлая, с двумя окнами. Без сомнения это была самая лучшая комната из всех, в которых мы жили за время нашей депортации.

Вскоре к моей радости по поводу улучшения жилищных условий прибавилась еще одна: я поняла, что забеременела.

Когда мы жили в Литве, я хотела, чтобы у меня было много детей и, конечно же, чтобы жизнь их была спокойной и обеспеченной, и там это было возможно. А теперь все стало по-иному. Мы — постоянно преследуемые ссыльные, без прав и какой-либо определенности на будущее. И в таких условиях произвести ребенка на свет... Что я могу ему дать? Как я могу быть уверена, что у него будет нормальное и спокойное детство? Да и вообще, имею ли я право рожать еще одного ребенка, когда у нас уже есть двое, и мы едва сводим концы с концами?

Нелегко было решить, что правильно, а что неверно в нашем положении. Но, размышляя о жизни, о способности человека выживать, преодолевая все испытания и невзгоды, я поняла, что должна показать, что и моя воля к жизни не сломлена. И приняла решение: мой ребенок будет жить! Да, он будет жить, а мне пока остается только надеяться и верить, что он будет жить в более добром и гуманном мире, чем тот, который сейчас окружает нас.

Оказалось, что жена Сагитова — Александра Сергеевна тоже беременна и должна разрешиться примерно в те же сроки, что и я. Будучи женой научного руководителя, она привыкла к другому уровню быта и с трудом приспособилась к примитивным условиям жизни на селекционной станции. Она принадлежала к элитарному советскому классу, и я впервые в жизни познакомилась с женщиной из такого общества.

Так же, как и происхождение, у нас и положение было разное. Сагитов, являясь представителем одного из национальных меньшинств — башкиров, был членом партии и уважаемым ученым, пользовавшимся всеми сопутствующими преимуществами и привилегиями. Он приехал на селекционную станцию ненадолго, только для того, чтобы закончить научный проект. И потом должен вернуться в свой институт, находящийся недалеко от Москвы. Он получал высокую зарплату и, кроме того, надбавку за работу в тяжелых северных условиях. Семья Сагитовых отоваривалась в «закрытом»

магазине. У них не было проблем, с которыми постоянно сталкивались мы, чтобы обеспечить себя даже самыми необходимыми продуктами.

Война закончилась, карточную систему отменили. Но теперь стало еще труднее покупать хлеб и сахар, не говоря уж о масле. Пока были карточки, нам гарантировался, по крайней мере, минимум продуктов. Сейчас же – никаких гарантий. Нас теперь отсылали на частный рынок, где цены зашкаливали. Такие расходы мы позволить себе не могли.

Александра Сергеевна – очень красивая, элегантная и утонченная женщина, и я все время думала, как ей, должно быть, трудно жить в таком холодном захолустном краю. Одно, но очень слабое утешение: не мы одни вынуждены жить в таких тяжелых условиях. Александра Сергеевна занималась приготовлением пищи, все остальное делали ее муж и прислуга, которая работала целый день. У Сагитовых была корова, за которой тоже ухаживала прислуга: чистила, мыла и доила ее.

Вскоре я подружилась с Александрой Сергеевной, мы подолгу с ней беседовали, тем более что были обе беременны. Она рассказывала мне об их жизни до того, как они приехали на селекционную станцию, о доме в городе к юго-западу от Москвы, о своих планах после возвращения отсюда. Она очень интересовалась жизнью на Западе и всегда с восторгом смотрела на те наши западные вещи, которые у нас еще оставались.

У нас никогда не возникало проблем, когда мы готовили на общей кухне. Наоборот, мы часто помогали друг другу практическими советами по ведению хозяйства.

Я уже неплохо говорила по-русски, и проблем с языком у меня практически не было. Я стала много читать: Пушкина, Толстого, Тургенева, Достоевского и многих других известных авторов, произведения которых не читала на датском. На селекционной станции была хорошая библиотека, и я стала ее постоянным посетителем.

Теперь, когда я не только читала, но и свободно говорила по-русски, многие признавались, как им вначале трудно было понять меня. И хотя не понимали ни слова, они кивали головами, притворяясь, будто все поняли.

Однажды, кажется, в начале июля 1946 года, в одной из газет мы прочитали, что несколько западных стран, оккупированных немцами во время войны и теперь освобожденных, вновь открывают свои посольства и представительства в Москве. И Дания — в их числе. Я помню, что прочла это сообщение с учащенно бьющимся сердцем. У меня сразу же появилась мысль связаться с посольством Дании, но я не знала как. Кроме того, Израэль и я понимали, насколько это рискованно. Нельзя было исключать, что власти отреагируют на это неоднозначно, и мы подвергнемся еще более суровым испытаниям за попытку связаться с представителями иностранного государства. Возможно, что нас обвинят в антисоветских намерениях, шпионаже или подрывной деятельности по заданию мирового империализма. Короче, во всем, что советским властным чиновникам придет в голову. Мы хорошо понимали, что изобретательности в таких делах им не занимать.

Примерно в это же время Израэль получил ответ на запрос о судьбе его семьи, оставшейся в Литве. Власти сообщили, что не смогли найти его родственников — все они были уничтожены нацистами.

Мы долго и тщательно продумывали разные варианты, как связаться с посольством Дании. Однако вскоре все разрешилось самым неожиданным образом. Мы узнали, что Яков Иванович Климов собирается в командировку в Москву, и Израэль решил поговорить с ним. Он сказал Климову, что я хочу связаться с посольством Дании в Москве, чтобы сделать запрос о моих родственниках в Дании, но мы не осмеливаемся отправлять такое письмо по почте. Израэль попросил его взять письмо и проследить, чтобы оно попало в датское посольство. Без каких-либо колебаний Климов со-

гласился отвезти письмо, добавив, что ему это не трудно будет сделать.

Да, действительно, сделать это было не трудно. А что если обнаружится, что он действует как курьер каких-то депортированных, которые хотят связаться с западным посольством? Тогда у него могут возникнуть серьезные проблемы, даже несмотря на его высокую должность и многолетнее членство в партии. В то время людей сажали в тюрьмы и лагеря и за более мелкие провинности. Я думаю, что Климов хорошо осознавал огромный риск, связанный с нашей просьбой, но, тем не менее, не колеблясь, взял наше письмо из чисто человеческих побуждений.

Это был один из самых мужественных поступков тех людей, которые помогали нам на протяжении всей нашей ссылки. Помощь Климова стала решающей в нашей судьбе, и в наших сердцах мы навсегда сохраним благодарность этому человеку. Он охотно выполнил, казалось бы, очень простую и безобидную просьбу, которая несла в себе как серьезную опасность для его жизни и карьеры, так и далеко идущие последствия для нас.

Вечером мы решили, что я напишу письмо. С замиранием сердца и множеством мыслей, проносящихся в голове я села писать. За шесть лет это было мое первое письмо, которое я писала на датском языке.

*Покровск, 22 июля 1946 года.
Посольство Дании,
Консульский отдел.*

Уважаемые господа, позвольте обратиться к вам со следующей просьбой.

Прошу вас помочь мне в поисках моих родителей, братьев и сестер, которые проживали в Копенгагене в июне 1941 года.

Мои родители, г-н и г-жа М. Эштейн, жили по адресу Кристалгаде, 12, 5-ый этаж. Мой брат, Айзик Лахманн, жил по адресу Радмандсгаде, 51, 4-ый этаж.

Со дня моего отъезда из Литвы, из Кибартай, в июне 1941 года я не имела о них никаких известий и очень обеспокоена этим.

Я буду очень признательна, если в посольстве Дании рассмотрят мою просьбу.

И еще: не смогли бы вы дать мне адрес г-на Хегсбро Хольм, жившего в Аксельборге, Копенгаген V.

Если будет возможно, пожалуйста, сообщите моим родителям, что я, мой муж и двое наших детей живы и здоровы.

*Искренне ваша, Рахиль Рахлин, урожденная Лахманн.
Мой адрес: Якутия, Покровск, Селекционная станция.*

Основная идея моего письма — восстановление связи с нашими родственниками и с миром, от которого мы были отрезаны шесть долгих лет. Я написала именно такое письмо после мучительных раздумий, полностью сознавая, что ни в коем случае не должна сообщать ничего, что могло бы оказаться губительным и для Климова, и для нас, если письмо будет перехвачено. Например, я не могла прямо написать, что мы были депортированы. Однако, сообщив, что мы уехали из Литвы в июне 1941 года, я предполагала, что получатель поймет, как и каким образом мы оказались в Якутии.

По именам и адресам моих родственников в посольстве узнают обо мне, а если не смогут связаться с моими родственниками, то тогда через Хегсбро Хольма, генерального секретаря Сельскохозяйственного совета Дании, узнают, кто я такая. По делам, связанным с импортом литовских лошадей в Данию, Хегсбро Хольм приезжал в Литву в 1937 году и посетил нас в Кибартае. С ним и датской делегацией мы были

приглашены посетить самый большой конный завод Германии — Тракенхен, в Восточной Пруссии, что было большой честью для таких очевидных неарийцев, как Израэль и я. И позже по разным делам мы встречались с Хегсбро Хольмом в Копенгагене.

Естественно, мне очень хотелось узнать, как в посольстве Дании отреагируют на мое письмо. Я понимала, что для них оно — как послание из космоса. Они не знали человека, который им написал, не знали, в каких условиях живет отправитель, и как поддерживать с ним контакт. Я представляла, какое удивление вызовет мое письмо в посольстве, какие мысли и предположения будут у датских дипломатов. В то же время я почти не сомневалась, что они сделают все возможное, чтобы связаться с нами и попытаться помочь нам при условии, что письмо дойдет до них.

Я до сих пор понятия не имею о том, как оно попало в посольство Дании в Москве. Только много лет спустя узнала, что оно попало туда через полтора месяца.

В середине октября в дверь постучал почтальон. И уже по конверту, который он вытащил из своей сумки, стало ясно: письмо пришло не из советской организации. Его отправителем было посольство Дании в Москве.

Вне себя от возбуждения, трясущимися руками я вскрыла конверт. Короткое сообщение, напечатанное на очень хорошей бумаге и подписанное г-ном Доссингом, поверенным в делах Дании в СССР. Он сообщал, что связался с моими родственниками в Копенгагене. Все они живы, здоровы и передают нам привет.

Меня охватила неописуемая радость. Какое счастье, что я, наконец, узнала, что мои любимые живы и здоровы! И в то же время совершенно была ошеломлена мыслью, что установлен контакт с датскими властями и что отсюда мы можем теперь писать им и со временем сможем обратиться с просьбой о получении въездных виз в Данию. Но это было только начало. Мы слабо понимали, сколько лет еще должно

пройти, и какие трудности нам предстоит преодолеть, пока наша надежда не станет реальностью.

Прошло много времени, прежде чем я получила еще одно письмо из посольства Дании. Еще больше времени прошло, пока, наконец, наладилась регулярная переписка с моими родственниками в Копенгагене. И тем не менее, самое главное, удалось сделать. Связь была установлена. Родные люди «из нашей части мира» узнали, где мы и что с нами случилось.

Моя беременность протекала без осложнений. Я не делала гимнастику и даже не ходила к врачу. Я полностью положила на себя, и у меня неплохо получалось.

Проблема была с детским бельем: в покровских магазинах для новорожденных никакой одежды не продавали. Но, к счастью, у меня кое-что осталось из одежды Гарриетты, и я сумела что-то сшить и связать за девять месяцев беременности. Кроме того, для каждого новорожденного государство выделяло по восемь метров белой фланели. Говорили, что это личный подарок от самого Сталина. Так что к Новому году я приготовила достаточно много детской одежды, чтобы по советским стандартам мой ребенок был хорошо одет.

Я продолжала работать в яслях: хотелось прибавить больше дней к послеродовому отпуску. По трудовому законодательству Союза ССР, дородовый и послеродовой отпуск — семьдесят два дня.

Незадолго до того, как должны были появиться на свет наши детки, мы с Александрой Сергеевной попросили врача осмотреть нас. Наш врач, Нина Ивановна, полная, средних лет женщина, была очень добрая и внимательная. Между прочим, она у нас покупала кое-какие вещички. Как и сегодня, так и тогда русские приходили в полный восторг от какой-нибудь западной вещи, и Нина Ивановна купила у меня несколько юбок и платьев.

Осмотрев нас, она сказала, что мы разрешимся через неделю: у Александры Сергеевны будет девочка, а у меня — мальчик.

Меньше чем через неделю, в субботу вечером 11 января у Александры Сергеевны начались схватки, и муж сразу увез ее в больницу на санях, запряженных лошадей.

Зима в тот год была, пожалуй, одной из самых суровых, и температура почти все время держалась около -50 , а в некоторые дни понижалась и до -55 . Было почти десять часов вечера, когда Сагитов вернулся на санях из больницы. Он вошел к нам в комнату и сказал, что оставит их у дома, поскольку они, возможно, нам скоро понадобятся.

Так и случилось. Через несколько часов у меня начались первые схватки, и Израэль сказал, что мы немедленно должны ехать в больницу, пока есть сани и лошадь. Мы надели огромные тулупы и поехали. Когда добрались до роддома, нам сказали, что Александра Сергеевна уже родила девочку. Я пришла к ней в палату навестить увидела счастливую молодую маму: она очень хотела, чтобы у нее была девочка.

К сожалению, Израэлю не разрешили войти в роддом, — мужчинам это категорически запрещалось. Мы распрощались у двери; Израэль сказал, что придет завтра утром.

Схватки возобновились только на следующий день к вечеру. Я поняла, что время пришло. Около десяти часов вечера я родила. Нина Ивановна оказалась права: родился мальчик, которого акушерка, улыбаясь, держала передо мной. Я хотела взять его на руки, но мне не разрешили. Детей вымыли и отнесли в палату, где лежали только новорожденные. Их нам оттуда приносили лишь для кормления.

Я не боялась, что моего ребенка с кем-то перепутают. Его нельзя было спутать ни с русским, ни с якутом. А вот с якуткой, чья кровать стояла рядом с моей, произошло то, что она, наверное, никогда не забудет.

Это была учительница из покровской школы, родившая на сутки раньше меня. Каждый день нянечки приносили нам наших детей на кормление. Для меня все якутские дети были на одно лицо. Но когда соседка кормила грудью свою дочку, я вдруг заметила, что волос на голове у девочки меньше, чем

было вчера, и сказала об этом ее матери. Та вызвала нянечку; стали выяснять, и действительно оказалось, что ленточку с именем, которую привязывают на запястье, привязали другому ребенку, и моей соседке принесли на кормление этого чужого ребенка, а не родную дочь. В палате было много шума из-за этого, хотя вскоре все поправили, и матерям вернули детишек. Учительница, чье имя я забыла, благодарила меня, говоря, что она никогда меня не забудет. Она призналась, что вряд ли бы сама обнаружила путаницу. Позже, когда мы встречались на улице, она всегда благодарила меня, и рассказывала, как растет ее маленькая дочка.

Несмотря на этот случай и довольно примитивные условия, должна признать, что в роддоме ухаживали за нами очень хорошо. Никогда не забуду мою акушерку Марию Ивановну, которая была очень добра и внимательна ко мне. Она не отходила от меня во время родов. Она знала, как подбодрить, и подсказывала, что надо делать. Под ее руководством роды прошли без осложнений.

Через неделю меня выписали, но температура на улице по-прежнему была — 55, и я не знала, как везти ребенка домой в такой жуткий мороз. Я сказала об этом Марии Ивановне, и она закутала малыша в одеяло таким образом, что получился огромный сверток. На улице в повозке нас ждал Израэль. Мария Ивановна завернула этот сверток в огромный тулуп и села в повозку, положив теперь уже громадный сверток к себе на колени. Просунув руку через все слои, Мария Ивановна держала ее над лицом малыша, чтобы чувствовать, как он дышит. Я страшно боялась, что ребенок может задохнуться или замерзнуть. Никогда еще путь не казался мне таким длинным, как эта дорога из больницы на селекционную станцию. Мария Ивановна все время успокаивала меня, заверяя, что она уже много раз так перевозила детей, и ни один не замерз.

Настоящее облегчение я почувствовала только тогда, когда мы, наконец добрались до дома и раскутали нашего сына.

Шнеур и Гарриетта радостно встретили нас, подпрыгивая от нетерпения поскорее увидеть своего брата. Они уже придумали ему несколько имен и теперь соревновались, кто назовет его смешнее. Гарриетта предложила назвать его «чулок». Мы попросили Марию Ивановну остаться и поужинать с нами. Ужин готовил Израэль, и у него получился очень вкусный суп из говядины. Приготовлением еды он занимался редко, но ему удалось сварить очень вкусный суп, и после нашей поездки мы ели с большим аппетитом.

Когда Мария Ивановна собралась уходить, мы хотели вручить ей небольшой подарок в благодарность за ее помощь и участие, но она категорически отказалась, сказав, что все, что она сделала, входит в обязанности акушерки и что за это она получает зарплату.

Ну, а для нас с рождением сына началось беспокойное и трудное время. В нашей маленькой комнате нас теперь было пятеро, и вот уже поистине настало время испытаний нашему терпению и выносливости. Здесь мы стирали пеленки, здесь дети играли и делали уроки, здесь же мы ели, и эта же комната служила для нас спальней. Особенно тяжелыми были четыре месяца до наступления тепла. Когда теперь мысленно возвращаюсь в то время, я удивляюсь, как мы смогли все это спокойно пережить, откуда мы брали силу и упорство, чтобы справиться со всеми трудностями. Наверное, мы о них не думали. Мы просто жили с ними, не задавая вопросов.

Спустя некоторое время, посоветовавшись, новому члену нашей семьи мы дали имя Самуэль. Он был очень милым ребенком, за ним легко было ухаживать, а поскольку молоко у меня не пропало, то и с кормлением не возникало проблем. Зимой 1947 года некоторые продукты питания из продажи исчезли. После отмены карточек, положение с едой стало хуже.

Когда закончился мой послеродовой отпуск, я решила уволиться. У нас была возможность отдать Самуэля в ясли, но

мы не захотели, и я решила, что лучше сама займусь и хозяйством, и детьми.

Как и в самые тяжелые месяцы, которые мы пережили в Якутске, мы и здесь боролись с голодом. У меня еще остались две красивые ночные сорочки. Я берегла их, надеясь когда-нибудь поносить, но пришел и их черед.

В воскресенье утром, когда Израэль был дома и мог присмотреть за детьми, я поехала в Покровск. Я решила продать сорочки Нине Ивановне — нашему врачу, которая питала слабость к заграничным вещам и могла позволить себе покупать такие вещи. Словом, за сорочки и другие маленькие вещички, которые я ей тоже продала, выручила неплохие деньги. Теперь можно было купить хлеб и масло. Редко, но все же мы покупали на частном рынке мясо: конину или оленину. Поездка в Покровск заняла у меня несколько часов, и я очень торопилась, чтобы покормить Самуэля. Когда я, почти бездыханная, открыла дверь в комнату, то увидела совершенно неожиданную картину. Посреди комнаты сидела Александра Сергеевна и кормила грудью моего сына. Мне рассказали, что после моего отъезда он раскапризничался и начал кричать. Ни Израэль, ни дети не смогли его успокоить. Потом пришла Александра Сергеевна, но и ее попытки также оказались тщетными. Тогда она решила покормить его грудью. Очевидно, это и было то, что он хотел, и сразу успокоился.

Шнеуру исполнилось одиннадцать лет, Гарриетте — шесть, и они уже могли помогать мне по хозяйству, присматривать за своим младшим братом. Мы все с нетерпением ждали весны и лета, чтобы выбраться, наконец, из стесненного пространства нашего маленького жилища на волю, на свежий воздух, под теплые лучи солнца. С наступлением лета пришло наше освобождение. Радиусом не более пяти километров от центра Покровска.

ПТИЦЕВОДЫ

ИЗРАЭЛЬ

Моя карьера эксперта по томатам продолжалась всего восемь месяцев, после чего я снова стал школьным учителем. Жена Климова, Анастасия Алексеевна, преподавала русский язык в Покровской школе. Осенью 1947 года, когда закончились каникулы, она спросила меня, не хотел бы я преподавать в школе немецкий язык. Она помнила, что когда мы приехали из Якутска, я приходил в школу устраиваться. Я с радостью принял ее предложение.

Заинтересованность Анастасии Алексеевны во мне, как в учителе немецкого языка, была не бескорыстной. Дочь Климовых, Нина, пошла в пятый класс. Как раз с пятого класса начинали учить иностранный язык, в частности, немецкий. Родители не хотели, чтобы, по их словам, «наша дочь знала его хуже, чем ученики в более цивилизованных районах страны». Поэтому они обратились ко мне.

Но мою кандидатуру сначала должны были утвердить в районном комитете партии. Проблем не возникло, поскольку свидетельство, подписанное фрейлен Рунд и Министерством образования Якутии, удостоверяло мою квалификацию, да и Климов, как один самых влиятельных людей в Покровске, мог замолвить за меня словечко.

Однако после моего назначения возникла другая трудность: школа не может предоставить нам жилье. И снова Кли-

мов пришел на выручку. Нам разрешили остаться в доме Сагиновых до тех пор, пока школа не найдет, где нам жить. Итак, я опять стал учительствовать.

Мы занимались по тому же учебнику, где первое немецкое предложение было «Anna und Marta baden», а поскольку некоторые ученики были знакомы с моими учениками из Якутска, то вскоре восстановилось мое прежнее прозвище «Баден», а Шнеура стали звать «Баденуол». В этой школе училось много якутов, и большинство учителей — тоже якуты.

В интернате при школе жили ученики, приехавшие из самых отдаленных уголков района, на территории которого могла бы разместиться половина Дании. Однако жителей в районе насчитывалось не слишком много: примерно около шестнадцати тысяч, в сотни раз меньше, чем в Дании. Многие ученики — единственные, кто в семьях умел читать и писать. Борьба с безграмотностью в этом отдаленном уголке Сибири пока еще не принесла впечатляющих результатов.

Менталитет якутов отличается от менталитета русских. И потому не сразу можно понять их образ мышления и характер. Основные занятия — оленеводство, охота и рыбная ловля. Много веков у них не было письменности, и все их легенды и традиции передавались из уст в уста, от одного поколения к другому. Шаманизм имел глубокие корни в их культуре, и советской власти пришлось долго бороться с ним. Надо сказать, что никто окончательно не победил. Некоторые традиционные якутские праздники приходились на летние месяцы, и это было ярким примером того, насколько якуты привязаны к своим старым культурным традициям и обрядам, отправляемым по ночам. В такие ночи Покровск оглашался однообразным ритмическим пением, сопровождаемым горловыми вибрирующими звуками, различными завываниями и простыми ударами по бубну рукой или специальной деревянной колотушкой. Это действие, монотонное и самозабвенное, без энтузиазма воспринималось нами.

После образования Якутской Автономной Советской Социалистической Республики в 1922 году у якутов появилась письменность. Вначале — на базе латинского алфавита, а в 1940 году — на основе кириллицы. Звукам, для отображения которых не нашлось русских букв, оставили латинское написание. Стали выходить газеты, журналы и книги на якутском языке. Переводили произведения как русских, так и зарубежных классиков. Открыли театр, где и пьесы, и оперы исполнялись на родном языке оленеводов, охотников и шаманов. Тем не менее переход к современному образу жизни был трудным, и на это требовалось время. Как и другие угнетенные национальные меньшинства, якутский народ страдал от культурного давления, которому его подвергали русские. С незапамятных времен отношения между русскими и якутами были натянутыми, и ничего не изменилось ни во время революции, ни спустя многие годы после. Взаимная враждебность открыто проявлялась в конфликтах с жестокими драками, которые возникали после пьянок.

Иногда зимой раздавался стук в дверь, и, открыв ее, мы видели якута, который привез кое-что на продажу. Он что-то непонятно бормотал по-якутски, и мы выпускали его в дом. Он заходил внутрь, но оставался стоять у дверей, замерев в молчании. Было такое ощущение, что он оттаивал. Мы встречали таких людей зимой на улице. Их брови, ресницы и волосы были покрыты инеем, и когда они входили в помещение, им нужно было какое-то время, чтобы привыкнуть к теплу. Считалось невежливым сразу начинать с ними разговор. Если же, как только они входили, к ним обращались с вопросом, то ответа не получали. Но и ждать долго тоже не следовало: вошедший никогда бы не начал разговор первым. Таков был ритуал, который всякий раз повторялся, и мы изучили его правила.

Обычно якуты продавали молоко и оленину. Молоко замораживали в форме глубокой тарелки или чаши. Сливки

замораживались на поверхности этого круга, и дети очень любили соскребать их ложками и есть как мороженое.

Если мы что-нибудь у якута покупали, то лед молчания ломался, и продавец долго рассказывал, как он ехал до Покровска из деревни, или же о том, как лучше всего готовить мясо, и как хорошо, что мы едим оленину. Закончив рассказ, он снова выходил на мороз, чтобы отправиться на оленьей упряжке к следующему покупателю. Иногда якуты привозили на продажу зайцев или дичь: куропадок и глухарей, которых в здешних лесах водилось очень много.

То, что произошло с якутским народом после революции, оставило свой отпечаток на нем. Угнетение и дискриминация, которые эти люди испытывали годами, сделали их чувствительными и ранимыми. И для учителей-неякутов это создавало трудности. Необдуманное замечание могло вызвать совершенно неожиданную реакцию. Если кто-то из учителей делал выговор или строго разговаривал с каким-нибудь учеником-якутом, то тот мог замкнуться и потом постоянно молчал, и почти невозможно было снова войти с ним в контакт. В другой раз на подобные замечания ученик мог отреагировать агрессивно, обвинив учителя, что строг он только потому, что не любит якутов. Так что мне несколько месяцев пришлось вырабатывать тактику общения с этими своенравными учениками: никогда не повышать голос, быть более осторожным, когда шутишь, никогда не иронизировать, чтобы они не подумали, что над ними насмеются, и быть справедливым, чтобы они не чувствовали какой-либо дискриминации по сравнению со своими русскими одноклассниками.

Многие учащиеся были очень умными, живыми и схватывали все на лету. Они могли спорить, если что-то не соответствовало их понятиям. На одном из уроков немецкого языка мы переводили текст, в котором несколько раз повторялось выражение «крыша красная». Один из учеников на это отреагировал: «Как так? Крыша не бывает красной!»

«Странность» его заявления объяснялась тем, что в Якутии не строили домов с черепичными крышами. Ученики оценивали новую информацию на основе своего собственного опыта и мироощущения.

Поначалу мне было трудно различать моих учеников и запоминать их фамилии. Большинство из них заканчивалось на «ов» или «ев»: Петров, Николаев, Сидоров, Иванов. И похожие фамилии — почти во всех классах.

Для европейцев якуты внешне похожи друг на друга. У них типично монголоидные черты — раскосые черные глаза, плоские носы, черные волосы. И потребовалось много времени, чтобы разобраться, кто из них Сидоров, кто Иванов, а кто Петров или Сергеев.

У учеников — свои трудности. Они, например, долго не могли привыкнуть правильно обращаться к учителям. В якутском языке нет официальной формы обращения, есть только фамильярная. И по-русски они ей тоже пользовались. Впрочем, со временем обращаясь к учителю они стали говорить более уважительно.

Несмотря на все эти трудности, у меня сложились хорошие отношения с моими учениками. Большое впечатление на них произвело то, что я владею пятью языками. Благодаря этому я пользовался уважением у них. Как и в Якутске, мне очень часто приходилось отвечать на такие вопросы, которые не относились к изучению немецкого языка.

В то время в Советском Союзе Поль Робсон был одним из самых популярных зарубежных певцов. Советские газеты часто писали, что он подвергается гонениям потому, что, во-первых, негр, а во-вторых, из-за того, что он прогрессивный борец за гражданские права негров. Однажды один из моих учеников задал мне вопрос, почему Поль Робсон не уедет из Соединенных Штатов и не переедет в Советский Союз, где ему будет гораздо лучше. При ответе на такие вопросы очень важно иметь в виду политику партии, которой должен следовать учитель и ни в коем случае не отклоняться

от ее официального курса. Немного подумав, я ответил, что, конечно, Полю Робсону было бы гораздо лучше в Советском Союзе, но его гражданский долг остаться в Соединенных Штатах, чтобы помочь черным бороться против дискриминации, которой их подвергают белые. И если Поль Робсон будет жить в другой стране, то черные так и останутся людьми без прав и все погибнут из-за неравенства, дискриминации и отсутствия хороших песен.

Отвечая на такие вопросы, учитель всегда должен быть готов дать ответ, который бы соответствовал линии партии. Атлетам необходимо постоянно тренироваться, чтобы быть в форме. Точно так же люди, занимающие ответственные посты в Советском Союзе, обязаны постоянно поддерживать хорошую политическую форму.

Все учителя обязаны были заниматься в политических кружках. В дополнение к нашей работе по подготовке к урокам мы два часа в неделю изучали диалектический материализм, историю партии, а также мысли и высказывания Маркса, Ленина и, особенно Сталина, о классовой борьбе, экономическом развитии при социализме и роли пролетариата как авангарда партии. На каждое занятие политкружка мы приходили с докладами по теме, которую изучали на предыдущем занятии. Важно было быть в курсе всего происходящего и принимать активное участие во всех занятиях. В конце учебного года какой-нибудь партийный секретарь из местного комитета партии приезжал в школу, чтобы проэкзаменовать членов политкружка. Если его не удовлетворяла политическая подготовка учителей, он требовал, чтобы они вернулись к изучению того же материала на следующий год. Поэтому мы все старались сдать экзамен и не получать выговоры от какого-нибудь строгого функционера из районного комитета партии. Как правило, политкружок вел секретарь парторганизации школы. Среди членов политкружка я оказался единственным, кто знал иностранные язы-

ки, поэтому мои коллеги часто обращались ко мне с просьбой объяснить им значение незнакомых иностранных слов.

Однажды я шел домой с такого собрания вместе с коллегой, который спросил меня кто такой «космополит». Я объяснил ему значение и происхождение этого греческого слова. Я сказал, что космополит — это житель мира, который чувствует себя как дома везде, независимо от страны проживания и от национального происхождения. Это — нормальный человек, который всюду хорошо приспосабливается, разносторонний и опытный. Я не придал большого значения нашему короткому разговору. Для меня вопрос коллеги был одним из многих, которые мне задавали. Я просто в очередной раз объяснил значение еще одного иностранного слова.

Однако вскоре у меня появилось другое представление о ситуации, возникшей на вечерней дороге домой.

Как раз в это время Сталин начал кампанию против космополитов. Это была «охота на ведьм» с определенным антисемитскими оттенком. Она была направлена против всех инакомыслящих, против каждого, кто хотел иметь или уже имел связи с Западом, а также против любого, кто по неосторожности высказывался с симпатией о западной культуре и западном образе жизни. Радио, газеты и журналы ополчились на «безродных космополитов», и сталинская интерпретация этого слова в корне отличалась от той, которую я дал моему коллеге.

Оказывается, наивные были греки. Они и не подозревали, что много веков спустя хитрые космополиты примутся угрозами и шантажом подрывать советское государство изнутри. Эти мелкие, но очень злобные и коварные человекоподобные существа проникли во всю систему, и все советские люди должны теперь быть начеку, остерегаться интриг и ловушек космополитов. Советским людям рисовали пугающие портреты чудовищных монстров, которые ни перед чем

не останутся, чтобы воспрепятствовать победному шествию социализма в направлении высшей его стадии — коммунизма.

Теперь я разобрался в том, что происходило. А что мой коллега? Как член партии он был хорошо информирован о кампании против космополитов, вот почему и спросил меня про это слово.

Я стал нервничать. Ведь если бы он захотел поставить меня в трудное положение, то мог бы сделать это очень легко, сообщив в партком о том, как я объяснил ему значение слова, звучавшего во всех партийных речах и растиражированного советскими печатью и радио. Я боялся, что однажды на меня укажут, как на «безродного космополита» или как на человека, симпатизирующего этим монстрам. Конечно, чтобы представить меня образцом воинствующего космополитизма, не нужно было иметь большого воображения. Но, к счастью, мой коллега не стал разглашать информацию, полученную им на вечерней дороге, и ничего страшного не случилось.

Рахиль — Израэль

Только через год мы смогли переехать с селекционной станции в маленькую квартиру, которую нам выделила школа. Квартира состояла из узкой комнаты, поделенной на две клетушки общей площадью чуть более двадцати квадратных метров. В прихожей была общая кухня, которой пользовалась еще одна семья, жившая в другой половине дома.

Наша новая квартира была намного хуже той, в которой мы жили на селекционной станции. Но ни на что иное мы не могли рассчитывать. Нам суждено было прожить в этой квартире самый длительный период за всю нашу депортацию.

Это — типичный якутский бревенчатый дом. Плоская, без скатов крыша покрыта слоем земли и глины. Крайний в

ряду из трех домов, тесно прижатых друг к другу, он стоял у обрыва к реке Лене. И летом, и зимой у нас был прекрасный вид из окна на реку, ширина которой в этом месте достигала нескольких километров. Окно с другой стороны смотрело прямо в тайгу. Дом находился близко к школе. Это было важно и для Израэля, и для детей. Особенно зимой.

В комнате с окном, выходящим на реку, мы сделали спальню для себя и Самуэля, который спал в высокой детской кроватке. Шнеур и Гарриетта спали в другой комнате, он — на лавке, она — на койке. Днем комната служила и гостиной, и столовой для всей семьи. Наша спартанская жизнь здесь оказалась самым стабильным и спокойным периодом за все время депортации.

Мы постепенно втянулись в повседневный ритм, в котором люди здесь жили, и который предопределялся суровым климатом и сменой времен года. Страхи не оставляли нас, но уже не были такими острыми, как шесть или семь лет назад. Мы стали спокойнее относиться к нашей ситуации, смирились с судьбой, уготованной нам. Но это вовсе не значило, что мы совершенно перестали надеяться на лучшее. Нет, мы никогда не теряли надежду даже в самые безнадежные и отчаянные моменты. Просто здесь нам лучше удалось приспособиться к ситуации. Мы успокоились, и нас уже не так сильно мучила неопределенность будущего.

Безусловно все, через что мы прошли, отразилось на нас обоих, и особенно на наших отношениях друг с другом. Когда мы поженились, мы не могли и представить себе, что лучшие годы жизни проведем в экстремальных условиях советской Сибири. Все наши мечты о путешествиях, о семейном счастье, о совместных творческих идеях в одночасье рухнули. Все драматическое, трагическое, травмирующее душу мы, кажется, уже прошли. А впереди... Что впереди? Все та же неопределенность и неизвестные испытания. Но мы всегда рассчитывали на поддержку друг

друга, и это давало нам силы все перенести и выстоять. Извилистыми дорогами наши судьбы шли навстречу друг другу и соединились в любви, и мы делали все, чтобы защитить нашу семью.

Разумеется, мы не пытаемся идеализировать наши взаимоотношения. Как и в любой другой семье, были и несогласия, и ссоры, возникали разные сложные ситуации, когда от обеих сторон требовались терпение и уступчивость. Не всегда удавалось найти силы, чтобы справиться со всеми трудностями спокойно, иногда нервы от постоянного давления извне оказывались на пределе. Однако все эти годы мы знали: чтобы ни случилось, мы всегда поддержим друг друга, и никто из нас никогда не сомневался, что он был и будет любим.

Это было естественным состоянием для нас. настолько естественным, что никогда не появлялось никаких иных мыслей, и когда мы осели в Покровске, когда у нас появилась возможность поразмышлять, мы еще яснее осознали, как много значим друг для друга.

Наблюдая сегодня за происходящим вокруг, и в частности за проблемами супружества, мы чувствуем, насколько в наших отношениях все было легко и хорошо. Сегодня мужчины и женщины, конфликтуя, выставляют бесконечное множество требований друг к другу, возводят, обороняясь, баррикады, и потому супружеская жизнь, с нашей точки зрения, часто принимает характер борьбы, бессмысленной бомбардировки, когда люди топят друг друга в спорах о равенстве, роли секса, свободе женщины, угнетении и набирают очки в дебатах о супружеской жизни, которые кажутся бесконечными. По нашему мнению, отличительной чертой взаимоотношений между мужчиной и женщиной является сегодня то, что каждый тратит много времени, чтобы определить, кто лучше. Все измеряется и взвешивается на основе готовых стандартов, которые стали общим мериллом и насильно применяются ко всем.

Возможно, мы ошибаемся. Весь этот переворот, свидетелями которого мы стали в семидесятых, принес кому-то пользу, но, насколько мы видим, в спешке забыли об индивидуальности каждого человека, о том, как он хочет прожить жизнь. Возможно, вновь приобретенное понимание отношений между мужчиной и женщиной и свобода, которой так наслаждается молодое поколение, и приведут со временем к счастливой и веселой семейной жизни. Но, нам кажется, если мужчины и женщины будут заняты слежкой друг за другом и выставлением требований, отчаянно добиваясь для себя хорошей жизни, они забудут, что надо просто жить. Ведь в результате получится, что ни женщина, ни мужчина, ни их дети так и не будут счастливы.

В некотором отношении у нас было меньше проблем в супружеской жизни из-за тех внешних обстоятельств, которые заставляли нас действовать, не придавая значения нашим недостаткам и ошибкам. По современным стандартам, и наши взаимоотношения можно рассматривать как определенные роли в сексе, разделении труда и ответственности. Но у нас никогда не возникал вопрос об измерении и взвешивании вклада каждого из нас в нашу супружескую жизнь, поскольку мы принадлежали друг другу, делили все поровну и боролись за одно и то же. Мы оба осознавали, что отдали наши жизни друг другу и хотели и дальше отдавать все самое лучшее, что было в нас. Наши чувства не изменились и после всех жизненных переворотов, через которые мы прошли.

Много времени уходило на борьбу за выживание, на обеспечение семьи едой, зимней и летней одеждой. На все это требовалось много энергии и денег. Чтобы хоть как-то разнообразить наше скудное меню, мы завели кур. А если точнее — несколько кур и одного петуха. Подрастая, куры давали яйца, а каждое лето — и новый выводок цыплят. Держать птицу, конечно, нелегкое дело, но для улучшения питания необходимое. Многие здесь разводили кур. Да и нам летом держать цыплят было не так уж сложно. Курятник выносили

за дом и ставили его под окном. Куры могли свободно гулять с утра до вечера, находя себе пищу вокруг дома и в огороде. Вечером Шнеур и Гарриетта следили, чтобы все куры зашли в курятник.

Со временем мы умудрились стать хорошими птицеводами. Помня об опыте выращивания семян на селекционной станции, мы вели подробные отчеты по каждому снесенному яйцу. Для выведения цыплят отбирали яйца тех кур, которые лучше неслись и приносили самые крупные яйца. По каждой отдельной курице мы составляли таблицы и статистические расчеты. За три-четыре года нам удалось достичь действительно хороших результатов.

Куры, которых мы разводили, были белой итальянской леггорновской породы. У каждой — свое имя, чтобы мы их могли различать. Мы держали двадцать две курицы, и на уход за ними уходило довольно много времени.

Постепенно производство наше выросло настолько, что мы стали продавать яйца, и это значительно пополняло наш семейный бюджет. За сезон наша курица-рекордистка приносила 175 яиц, и если мы продавали месячную норму яиц, то выручали за них примерно половину месячной зарплаты Израэля. Очень скоро среди местных жителей Покровска распространились слухи о том, что ссыльные Рахлины, оказывается, большие эксперты по птицеводству, и люди стали приходиться покупать яйца для разведения «рахлинской»... то есть, конечно, леггорновской породы. Мы очень этим гордились.

Зимой курам не хватало в питании кальция, но мы решили эту проблему по местному рецепту. Сжигались бычьи кости, мелко измельчались до порошка, и такой костной мукой мы кормили наших птиц. Это было отличное средство для восполнения дефицита кальция. И еще мы кормили наших кур старыми газетами, которые крошили мелкими кусочками. В бумаге содержалось какое-то вещество, необходимое птицам.

Первые яйца куры приносили уже в декабре или январе, и мы их с нетерпением ждали. Самое главное, яйцо нужно быстро забрать, чтобы курица не склевала его. Поэтому мы должны были вовремя знать, какая курица собирается снести яичко. Затем на голову этой курицы натягивали колпачок, сшитый из носка, так, чтобы она не могла расколоть снесенное яйцо. Как только открывался сезон, мы проверяли пальцем каждую курицу, чтобы узнать с яйцом ли она. Если курица была с яйцом, мы вынимали ее из курятника и пересаживали в коробку, выстланную сеном, чтобы мирно и спокойно она там снеслась.

Первое яйцо сезона получал Самуэль. Мы всегда отмечали это событие, чтобы и в темное время года создать в доме веселую и радостную атмосферу.

Израэль

В конце лета кур забивали. Только я мог справиться с этим заданием.

Недалеко от дома был огромный пень, оставшийся от спиленной лиственницы. Он был местом казни (так про себя назвал его я, и, вероятно, так же думали все члены семьи). Зрелище было более чем неприятным. Куры, которым отрубали головы, еще какое-то время оставались живыми и прыгали, разбрызгивая хлынувшую из шеи кровь. Один сосед показал мне, как это делается. Ничего подобного раньше видеть не доводилось, но другого способа люди не знали. И когда теперь в супермаркете я достаю из морозильной камеры готовую курицу, часто вспоминаю тот огромный пень, оставшийся от спиленной лиственницы.

Зимой содержать кур было гораздо труднее. Когда становилось холодно, курятник вносили в дом и ставили на кухне рядом с курятником соседей. И тотчас же начиналась су-

матуха, шум и вскоре по кухне, да и по всему дому разносился сильный запах помета. Но мы должны были терпеть, если хотели иметь кур. Мы делали все, чтобы в курятнике было чисто, но, к сожалению, от запаха избавиться не могли.

В самые холодные зимние месяцы вся наша жизнь протекала в стенах дома. Выходили только по острой необходимости. Долгими зимними вечерами сидели в комнате. Каждый занимался своим делом: кто-то готовился к занятиям, кто-то выполнял домашнюю работу, штопал одежду, играл с детьми.

Рахиль

Я часто читала и рассказывала сказки детям и так же, как и на селекционной станции, мы снова стали играть в нашу старую фантазерскую игру, глядя на пламя и тлеющие угли.

Самуэлю, когда он стал постарше, эта игра тоже очень понравилась. Мы подолгу сидели, глядя на огонь в печи. Я пересказывала старые сказки, показывая на различные фигурки, появляющиеся на тлеющих углях и в языках пламени.

Дни шли за днями, время тянулось медленно, без каких-либо крупных событий и испытаний для нас. Мы были счастливы, что выжили. Приходилось нелегко, особенно в конце месяца. Экономили на всем, чтобы дотянуть до зарплаты, но это не всегда удавалось. Особенно мне запомнились два события, когда ситуация оказалась просто критической.

Это было в середине лета 1951 года. Израэль страдал от приступов малярии и не вставал с постели. К концу месяца у нас не осталось ни копейки. Мы в буквальном смысле оказались нищими: в доме ни хлеба, ни масла, ни сахара. Не знали, что делать, поскольку занять денег не у кого. И были уже в

Семейный портрет. Псковск. Апрель 1949 г.

Шнеур и Гарриетта.
Якутск 15 июля 1944 г.

Самуэль. Покровск. 1950 г.

Выпускники и учителя Покровской школы. 1950 г.

Выпускники и коллектив учителей. Покровск. Сентябрь 1950 г.

Рахиль и Гарриетта перед домом.
Покровск. Сентябрь 1953 г.

Рахиль с Гарриеттой на
берегу реки Лены. 1953 г.

Самуэль с Гарриеттой.
Покровск. 1953 г.

Гарриетта. Покровск 1953 г.

Рахиль.
Покровск. 1950 г.

Израэль.
Покровск. 1950 г.

Самуель с родителями.
Якутск. Июль 1950 г.

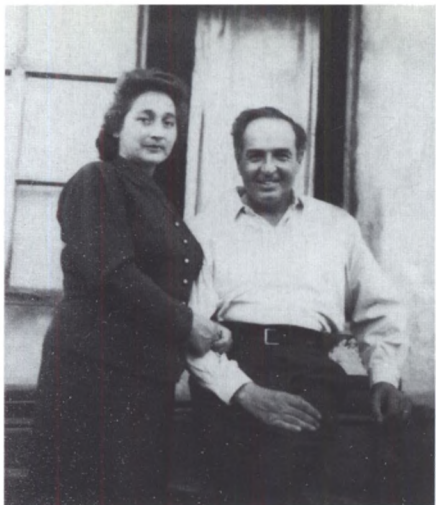
Рахиль. Покровск. 1950 г.

Шнеур выпускник 10 класса.
Покровск. 14 мая 1953 г.

Семейство Павловых. Ваня и Алик – друзья Самуэля.
Покровск. Июнь 1952г.

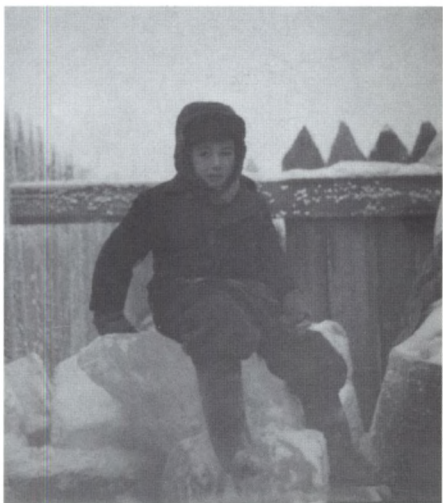
Рахиль и Израэль.
Якутск 1954 г.

Самуэль. Якутск 1954 г.

Самюэль, Израэль, Шнеур
и Саша Векслер.
Якутск 1953 г.

Самуэль.
Якутск. Ноябрь 1953 г.

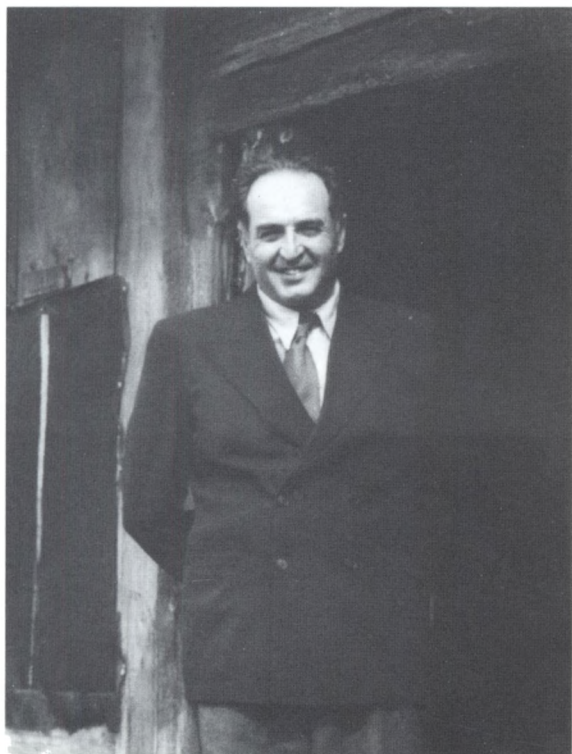
Якутск, 1955 г.

Якутск. Май 1955 г.

Израэль. Якутск.
Май 1955 г.

Самуэль.
Якутск. 1955 г.

Гарриетта. Якутск. 1956 г.

1955 г. Школа №5.
Самюэль — второклассник.

Самуэль с друзьями.
Иркутск 1957 г.

Изя Кутасов, друг
Шнеура и Самуэл
с другом.
Якутск. 1954 г.

Гарриетта с Эльзой
Федаровой. Якутск 1956 г.

Гарриетта и Самуэль
в пионерском лагере.
Якутск. 1954 г.

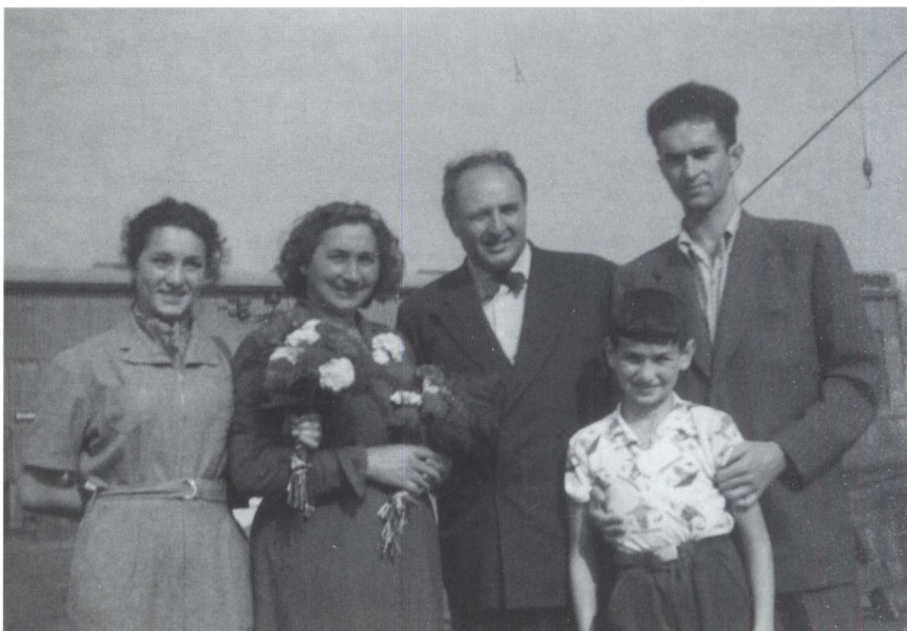
Могила бабушки в Якутске.
Апрель 1944 г.

Иркутск. Прощание с друзьями. 1957 г.

Приезд в Копенгаген. 22 июля 1957 г.

полном отчаянии, когда Израэлю пришла в голову блестящая идея.

Как и все работающие советские люди, мы являлись владельцами государственных облигаций. Каждый год у работников высчитывали примерно месячную зарплату и вместо денег выдавали эти долгосрочные облигации. Операция эта была якобы добровольная, поскольку деньги, которые государство получало таким образом, шли на развитие и укрепление советского общества.

Израэль предложил мне взять все наши облигации и сходить в сберегательный банк, чтобы проверить недавно выпущенный тираж выигрышей и погашения. Ведь могла же хоть одна облигация из того количества, что мы имели, выиграть. Я с недоверием отнеслась к этой идее. Однако никакого другого варианта у нас не было. Я взяла облигации, и мы с Самуэлем пошли в банк. Один из сотрудников банка помог мне проверять облигации. Он был дружески настроен и я чувствовала, что он понимает нас и относится с симпатией. Мы проверили уже почти всю пачку облигаций, и я потеряла надежду, утешаясь мыслью, что изначально шанс выиграть маловероятен. И вдруг мужчина, помогавший проверять облигации, подняв руки, воскликнул: «Вы выиграли! Вы выиграли пятьсот рублей!» Я не поверила своим ушам. Но когда сопоставили номер на облигации с напечатанным в списке, я поняла, что это правда. Радость неопишуемая. Самуэль, которому в то время было четыре года, и тот понял, что произошло что-то чудесное, и радовался вместе со мной. Мы поспешили в ближайший магазин за продуктами.

Кроме хлеба, масла, картофеля, сахара и чая, купили консервы и многие другие продукты. За терпение детей в предыдущие дни, чтобы порадовать их, я купила немного шоколада.

Поскольку я и не надеялась, что хотя бы по одной из наших облигаций мы получим выигрыш, я не взяла сумку, и нам не в чем было нести накопленное. В магазине я одолжила

авоську, но туда вошло не все. Тогда продавщица дала мне металлическое ведро, куда и положили остальные продукты. Так мы и шли с Самуэлем. Он держался за ручку ведра, помогая мне нести его. С блестящим металлическим ведром, наполненным до верха разными продуктами в одной руке, и полной авоськой в другой, я торопилась домой, с трудом скрывая радость. Даже по покровским меркам у меня был очень странный вид в тот день, но я чувствовала, что это — триумфальное шествие. Когда мы вернулись домой, нас встретили, как героев. Мы быстро приготовили поесть, и этот день стал большим праздником в нашем маленьком доме.

Второй эпизод произошел шесть месяцев спустя, как раз перед Новым годом. После революции все религиозные праздники вычеркнули из официального советского календаря. Рождество и рождественскую елку отменили. Вместо этого появилась новогодняя елка, чтобы уж совсем не лишать людей радостей в самое темное время года. Новый год теперь сделали праздником, у которого были все признаки и традиции Рождества, хотя этот праздник никак не был связан с чем-то религиозным. Елки наряжались так же, как и рождественские, — цветными стеклянными шарами, мишурой, гирляндами и бумажными игрушками. Санта Клаус, который по-русски называется Дедом Морозом, тоже приносил детям подарки. Дни перед Новым годом были такими же суматошными, как и перед Рождеством в Дании. Все были заняты подготовкой к празднику, наряжали елки, вырезали украшения, покупали и заворачивали подарки и, естественно, готовили праздничные угощения.

Каждый год большой новогодний праздник устраивали и для детей в школе. Дети одевались в забавные костюмы, все танцевали, играли и, конечно, с нетерпением ждали приезда Деда Мороза. Он заходил с большим мешком за плечом, в котором для каждого находился подарок. Первый раз Самуэль принимал участие в этом празднике. Когда Дед Мороз подошел к нему с маленьким мешочком конфет, Самуэль ужас-

но испугался. Он закричал во весь голос и вцепился в меня, всем своим видом показывая, что не хочет, чтобы Дед Мороз приближался к нему. Он успокоился только тогда, когда разочарованный Дед Мороз с большой белой бородой и густыми белыми бровями ушел беседовать с другими, более разумными детьми.

Позже все ходили вокруг елки и пели разные песни. Детям все это очень нравилось, и они ликовали.

Теперь, когда снова приближались новогодние празднества, возбуждение охватило и наших детей. Подготовка шла везде. В каждом доме что-то вырезали, клеивали, и дети говорили только об этом. Лишь в нашем доме все было спокойно, потому что мы не праздновали Рождество. Правда, празднование Нового года не имеет ничего общего с религиозным праздником, но, тем не менее, мы ассоциировали это с чем-то, что не согласовывалось с нашими еврейскими традициями. Наряженная елка, как бы она ни называлась – рождественская или новогодняя – не могла быть в еврейской семье. Мы объяснили детям, почему у нас не может быть новогодней елки, и они смирились, хотя пока были маленькими, им, возможно, это трудно было понять. Однако они всегда принимали участие во всех праздниках, проводимых в школе, вместе со всеми.

Но в тот год Гарриетта и Самуэль умоляли поставить елку дома. Они хотели украсить ее и танцевать вокруг нее, как это делалось в каждом доме. Они продолжали просить елку, и, в конце концов, мы уступили, пообещав сходить за ней в лес вместе с ними.

За два дня до Нового года мы сходили в лес, нашли елку, спилили ее и торжественно принесли домой. Дети прыгали от радости и сразу же стали готовиться к новому празднику. Они что-то вырезали, клеили, украшали елку каждый на свой лад и были просто счастливы. Мы с Израэлем относились к этому со смешанными чувствами, но не укоряли детей, потому что в нашей тоскливой и серой жизни и так было

мало радостей. К тому же, несмотря на все попытки дотянуть до конца месяца, мы снова оказались без денег, и нам не на что было купить продукты к праздничному столу.

Я умудрилась придумать очень скромную еду: жареную картошку, квашеную капусту, ржаной хлеб и компот из мороженой брусники. Увы! Радость ожидания праздника испарилась, как роса под солнцем. В таких обстоятельствах праздника не получалось и не могло получиться. Когда мы молча сели за стол с нашей скромной едой, то наряженная новогодняя елка в углу оказалась не к месту, она была лишней. Я поняла, что сделала ошибку, согласившись поставить ее. Теперь она — безмолвный свидетель трагикомической ситуации, в которой мы оказались. Сразу же после Сочельника мы выбросили елку, а на следующий день Израэль получил зарплату, и мы облегченно вздохнули. С тех пор у нас дома никогда не было ни новогодней, ни рождественской елки.

С тех пор, как я получила первое письмо из посольства Дании, прошло много времени. В 1947 году я первый раз отправила из Якутии послание моей семье в Копенгаген. И только через несколько месяцев почтальон принес ответ, который я так долго и с таким нетерпением ждала. Письмо было от мамы и моего брата-близнеца Айзика, которые сообщили мне все о нашей семье. Позже я связалась и с моей сестрой Добой, жившей в Швеции, в Гетеборге. Конечно, наша переписка была не регулярной, так как письма шли очень долго, несколько месяцев, а иногда и вовсе терялись в дороге. Я не могла написать обо всем, что хотела, и каждый раз должна была находить какие-то «обходные обороты», но такие, чтобы родственники поняли настоящее положение дел. Письма от моей семьи и наши контакты с посольством Дании стали той спасительной нитью, которая давала нам надежду, что в один прекрасный день мы уедем из этой чужой страны и вернемся в мир, к которому принадлежали.

Но иногда наша надежда на возвращение становилась призрачной. «Холодная война» была в самом разгаре, и ни-

какого намека на то, что советское руководство намерено изменить статус депортированных и разрешить им вернуться домой. И тем не менее после первых писем в посольство мы стали искать возможность, чтобы выбраться из Советского Союза и соединиться с нашей семьей в Дании. После обмена письмами, началась наша борьба за возвращение домой. Мы не догадывались о разочаровании, унижении и моральных пытках, через которые нам придется пройти в предстоящие годы.

Переписка с моей семьей обернулась еще одним благом для нас. Через некоторое время мы получили первую посылку от моей сестры Добы, которая какими-то путями из Гетеборга умудрялась помогать нам. В основном она посылала одежду. Некоторые вещи мы носили сами, а некоторые продавали и тем самым поправляли наше шаткое финансовое положение. В последующие годы ее посылки играли очень большую роль в нашей жизни.

Они, как и письма, тоже приходили не регулярно, но каждый раз, когда мы получали сообщение, что на почте нас ждет посылка, это был праздник. Как мы радовались, открывая посылку! Обычно это были большие мешки, сшитые из очень крепкого материала. Мы все стояли вокруг обеденного стола, на котором лежала посылка, и ножом или ножницами распарывали швы на мешке, а потом выкладывали содержимое на стол. Тут были платья и костюмы для взрослых и для детей. Все восхищенно рассматривалось, и сразу же обсуждали, что оставить себе, а что продать. Иногда в карманах жакетов или пальто мы находили маленькие спрятанные сюрпризы: коробочки с шоколадом, пастилки для детей или витамины. Иногда мы получали и кое-какие продукты, но это случалось очень редко.

В одной из посылок Добы была кукла для Гарриетты и маленький желтый медвежонок для Самуэля. При виде их они потеряли дар речи от радости, потому что никогда не видели таких игрушек. Куклу сразу же назвали Биргиттой, а

медвежонка Мишей. Так по-русски называют маленьких медвежат.

На Биргитту надели платье с нижней юбкой, чулки, туфли, маленький шикарный жакет, а на ее темно-русые волосы элегантную шляпу. История этой куклы печальна. Однажды, когда у нас снова не было денег, к нам пришла пара, купившая у нас кое-что из одежды. Когда они собрались уходить, женщина обратила внимание на куклу и спросила, не продается ли она. Мы ответили отрицательно. Но поскольку женщина предложила за нее почти целое состояние, мы не смогли устоять и продали Биргитту. Гарриетта была уже большой девочкой, и потеря куклы не стала слишком болезненной для нее. Самуэль же никогда не расставался со своим Мишей. Он его до сих пор хранит, как одно из сибирских сокровищ.

Другое его сокровище, оставшееся с тех пор, — маленькая деревянная лошадка, которую подарили, когда ему исполнилось два года. Каждый раз перед днем рождения детей мы были в затруднении, не зная, где найти подарок. Вот и тогда, перед днем рождения Самуэля мы не знали, что подарить. В магазинах купить было нечего. Один из учеников Израэля, узнав о нашем затруднении, пришел на выручку. Как и многие якуты, он был очень талантливым резчиком по дереву. Однажды после урока он подошел к Израэлю и скромно протянул ему что-то завернутое в тетрадный лист. Это была маленькая деревянная статуэтка якутской лошади.

В тот день в январе, когда Самуэль, проснувшись, развернул свои подарки, он был счастлив, увидев лошадку и шоколадки от брата и сестры. Лошадка стала одной из его самых нежно любимых игрушек, и он хранил ее долгие годы как реальную память о своем сибирском детстве.

Между прочим, и Биргитта, и Миша нравились и детям, и взрослым, когда Гарриетта и Самуэль выходили играть с ними на улицу. Таких игрушек здесь никто не видел, и сосед-

ские ребяташки всегда соперничали, кому играть с куклой и медвежонком.

Посылки часто спасали нас в самых безнадежных ситуациях, и мы очень благодарны Добе и моей семье за все, что они нам присылали. Некоторые посылки терялись в пути, но мы никогда не могли получить никакой компенсации. А у некоторых посылок была своя собственная история.

Израэль

В один из воскресных дней зимой 1951 или 1952 года мы навестили наших друзей Машу и Зелига Капульских, которые жили с нами в Покровске в течение нескольких лет. Зелиг женился на русской еще в Якутске. По профессии Маша — фармацевт, в Покровске она занимала большой пост — заведующей районной аптекой. От работы Маша получила хорошую квартиру, и по тем временам они жили довольно зажиточно. Они пригласили нас к себе, когда в Покровск приехал Муля Свирский, мой хороший друг, с которым мы ловили рыбу в Быковом Мысу.

Мы давно не виделись с Мулей, с тех пор как уехали из Быкова Мыса, и о многом хотелось поговорить. Зелиг, Муля и я дружили еще с Литвы, где состояли в одной еврейской общине. Мы были одного возраста, имели много общего и всегда хорошо проводили время вместе. Мы обменивались мнениями о том, что произошло за прошедшие годы, размышляли о будущем. Когда мы увлеченно разговаривали, раздался стук в дверь. Вошла Маша и сказала, что пришел молодой человек с почты и хочет поговорить со мной. Я вышел в прихожую и увидел своего бывшего ученика, который работал теперь почтальоном. Он извинился за беспокойство, объяснив, что уже заходил к нам домой, где ему посоветовали зайти к Капульским. Он сказал что со мной срочно хочет поговорить начальник почты. Я не мог понять, что за срочность, но пошел с ним на почту.

На почте начальник заявил, что мне пришла посылка из-за границы. Я сказал, что это очень хорошо. Тогда начальник уточнил, что, к сожалению, посылка повреждена в дорожной аварии в Якутске. Далее он уточнил, что разбилась банка с клубничным джемом, и на почте теперь не знают, как возместить ущерб. Клубничного джема в магазинах не найти, и не хотим ли мы вместо джема, взять на соответствующую сумму шоколада. Я на это сказал ему, что нет проблем, и подписал протокол, согласно которому я принимаю предложение о замене варенья на шоколад и отказываюсь от всех дальнейших претензий по компенсации. Начальник почты остался доволен. Получатель посылки попался несключный, и потому удалось легко и быстро уладить дело. Я вернулся к Капульским и рассказал им эту историю, которая очень удивила всех нас. Вскоре за разговорами о нашей жизни, о больших и маленьких событиях, мы забыли об этом случае.

Через два дня мы получили посылку и очень удивились, что на одежде не осталось никаких следов клубничного джема из разбившейся банки. Если банка разбилась внутри посылки, то на одежде обязательно остались бы пятна. Но их не было. Почему? Только через несколько лет эта тайна перестала быть тайной.

Когда мы из Покровска вернулись в Якутск, знакомая на главпочтамте рассказала нам, что произошло на самом деле. При виде иностранной посылки девушка, работавшая в посылочном отделе, не смогла удержаться от соблазна посмотреть, что внутри, и унесла посылку домой. Воровство раскрыли. При обыске у нее дома нашли все содержимое посылки за исключением клубничного джема, который она съела. Бедную девушку приговорили к десяти годам с отбыванием срока в исправительно-трудовом лагере. А поскольку в описи к посылке значилась банка с клубничным джемом, начальство вынуждено было дать объяснение. Факт кражи обнародовать не захотели, и дорожная авария — самое лучшее, что смогли придумать.

Через несколько месяцев после нашего визита к Капульским пришло печальное известие: умер Муля Свирский. Он работал бухгалтером в рыбтресте, к которому относился и рыбозавод в Быковом Мысу. По долгу службы он много ездил по Якутии, проверяя бухгалтерские отчеты различных отделений этой большой организации.

Во время одной из таких командировок на север Муля вместе с инженером из Москвы ехал на собачьей упряжке в небольшой поселок. С ними был и каюр, погонщик собак. Внезапно их настигла пурга — печально известная снежная буря, и горизонт исчез из виду. Опытный каюр знал, что делать, чтобы спасти себя и пассажиров. Он собрал собак в кольцо вокруг саней, и все трое, согнувшись, уселись в них и укрывшись оленьими шкурами. Так они могли оставаться на морозе в безопасности.

Спустя некоторое время, пурга также внезапно утихла, как и началась. Муля сказал, что они немедленно должны добраться до поселка, который находился в нескольких километрах. Но каюр наотрез отказался ехать, говоря, что за этой пургой будет другая, слабее, но не менее опасная для тех, кто окажется в пути. Он хотел, чтобы они остались и пережидали вторую пургу, но Муля очень торопился и пренебрег предупреждением каюра. Они пошли с инженером пешком.

Они ушли недалеко, когда началась вторая пурга. Они продолжали пробираться вперед, когда инженер потерял рукавицу. Муля, чувствуя свою ответственность, так как именно он настоял на том, чтобы не пережидать пургу, отдал ему свою перчатку, чтобы тот не отморозил руку.

В результате сам Муля, оставшись без перчатки, получил очень сильное обморожение, и когда через несколько часов они добрались до поселка, ему нужна была срочная медицинская помощь. Врач приехал только через несколько часов. Руку ампутировали, но началась гангрена, и по дороге в Якутск Муля умер.

Когда находишься в Риме

Рахиль — Израэль

Последние полтора года до нашего отъезда в Якутск с нами жила семья Поповых. Они были якуты. Муж, хотя и работал преподавателем в школе, хорошо образованным человеком не являлся. У него была тихая, спокойная жена, но двое его сыновей-подростков росли дикими и неуправляемыми. Их младшая сестра Таня болела трахомой, очень заразной болезнью глаз, от которой страдали многие якуты.

Попов был недружелюбен и, чтобы не сказать больше, неприятен. Из-за этого возникало много конфликтов на нашей общей кухне. Мы жили рядом, и любая мелочь могла послужить началом конфликта, если не проявить понимание и терпимость. Попов этого не делал. Летом мы пили воду, которую водовоз привозил с Лены и наливал в бочку, стоящую на ступеньках за дверью. Зимой мы приносили воду из проруби, которую сами пробивали, или использовали лед, огромные блоки которого нам привозили прямо к крыльцу. Когда нам нужна была вода, мы откалывали небольшие кусочки льда, клали их в кастрюлю или чайник и растапливали на плите.

Однажды летним утром мы, к нашему огромному удивлению, увидели, как маленькая Таня, подставив стул к нашей бочке, умывается водой, которую мы используем для питья и приготовления пищи. Даже если бы она не болела трахомой,

все равно так нельзя было делать. Когда мы сказали Попову о случившемся, он небрежно ответил, что мы могли бы переставить бочку в какое-нибудь другое место, куда Таня не заберется. Мы поняли, что взаимопонимания с этим человеком нам не достичь, и решили, как можно меньше общаться с ним и его семьей.

Очень часто в семье Поповых случались ссоры. Отец ругался со своими сыновьями, и ссоры часто переходили в драки, отчего стены дома сотрясались. Когда начиналась драка, в ход шла и мебель, и посуда. Однажды после особенно яростной драки мы видели из кухни, что одного из сыновей отец привязал к железной кровати, а другой лежит избитый без движения на полу. Мы поняли, что лучше всего подальше держаться от таких людей и не вступать с ними ни в какие конфликты.

В наших условиях нелегко было придерживаться еврейских традиций и обычаев, на которых мы выросли. Мы не были ортодоксами, но отмечали все наши праздники, как могли.

По праздникам мы собирались в кругу друзей и знакомых. Это всегда проходило у нас довольно спокойно, поскольку никто не хотел привлекать ненужного внимания со стороны власти. Ведь мы прекрасно понимали, что она не одобрит соблюдение нами религиозных обычаев. Несмотря на условия и всевозможные ограничения, мы старались воспитывать детей в еврейском духе. Когда родился Самуэль, было совершенно невозможно сделать ему обрезание в больнице. Мы даже не поднимали этот вопрос. Все встало на свои места после возвращения в Данию.

Обычно женщины, помогая друг другу, занимались приготовлением блюд к разным праздникам. Совсем непросто было приготовить мацу к пасхе и фаршированную рыбу к другим праздникам или испечь сладости, такие, например, как маленькие шарики со специями, приготовленными из смеси натертой моркови и сахара, которые очень нравились детям.

Мы не были кошерными, и в этом отношении у нас не было проблем. Но среди знакомых ссыльных было много семей, в которых строго придерживались традиций в приготовлении пищи и ведении хозяйства. И это выполнялось даже в условиях Сибири, где было трудно вообще достать еду. Некоторые из этих религиозных семей питались только рыбой, которая, конечно, являлась кошерной.

В Советском Союзе купить продукты в магазинах — дело крайне затруднительное, и в особом дефиците мясо. А на колхозных рынках мясо всегда продавалось, но по очень высокой цене.

Многие из депортированных евреев-ортодоксов могли есть только кошерное мясо крупного рогатого скота или дичь, которых забивали в соответствии с религиозными еврейскими правилами. По этим же правилам, евреям нельзя заниматься забоем скота, поэтому все годы, проведенные в Сибири, они не имели возможности есть мясо. Быть вегетарианцем не сложно, но если ты живешь там, где температура зимой опускается до -60 и где ежедневно нужно потреблять, по крайней мере, сто граммов жира для восполнения потребности в калориях, то жизнь вегетарианца — это доказательство фанатичного желания придерживаться требований веры. У нас таких проблем не было. Мы ели мясо независимо от способа, каким забивали скот.

Нас часто спрашивали, страдали ли мы от проявления антисемитизма за годы пребывания в Сибири.

Антисемитизм имеет глубокие корни в России. Многие поколения евреев подвергались дискриминации, как в царской России, так и в новом, Советском государстве после революции. Вероятно, не случайно, что русское слово «погром» переводится как «уничтожение». В царской России орды погромщиков нападали на евреев под печально известным лозунгом «Бей жидов, спасай Россию!», что само по себе является отражением ненависти к евреям, имеющей не только глубокие исторические корни, но и психологические у

части населения. Можно сказать, что и самодержавие, и советская власть использовали антисемитизм в своих политических целях.

Конечно, после революции новые правители осудили антисемитизм как антисоциальное явление, которое не может иметь место в Советском государстве. Однако действительность отказалась подчиняться красивым лозунгам. Ненависть к евреям слишком глубоко вошла в сознание людей, чтобы ее можно было отменить декретами или решениями. Антисемитизм выжил, хотя его самые худшие и наиболее отчетливые проявления перестали быть публичными.

Сталинская «охота за ведьмами», за так называемыми «космополитами» в конце сороковых, и кампания против евреев в начале пятидесятых для нас тоже не прошли бесследно. Понятно, что все эти омерзительные сценарии доходили и до тех административных работников, с которыми нам во время ссылки приходилось иметь дело, но проявлялись скрытно, и ни от кого из них мы не слышали откровенных антисемитских замечаний в свой адрес.

Впрочем, антисемитизм становился более явным, когда дело касалось карьеры или образования. Но в нашей каждодневной жизни, если мы и слышали оскорбления, то чаще всего от выходцев с Украины или из Белоруссии, где ненависть к евреям посеяна в традиционно плодородную почву.

В Покровске у нас были соседи Помигаловы: муж, жена, их сын Сережа, который был немного старше Самуэля, и мать жены, женщина около шестидесяти лет. Муж работал в НКВД, его направили на работу в Покровск на несколько лет. Они приехали с Украины.

Пожилая женщина оказалась давней и закоренелой антисемиткой. Вскоре после их приезда, она стала оскорблять Рахиль самыми жуткими антисемитскими ругательствами за то, что курица, самая большая курица Помигаловых, оказалась в нашем курятнике. Она обвиняла нас в воровстве и в желании разбогатеть за их счет. Она заверяла нас в том, что

мы не останемся безнаказанными, ведь не зря ее сын работает в НКВД. Так что было не очень трудно понять, что она за человек. И так же, как и в случае с Поповыми, мы старались избегать ее.

Ее внук Сережа, избалованный и чересчур активный, был очень непослушным ребенком, сущим несчастьем для всех соседей. Однажды, когда Самуэль, облегчаясь, сидел на корточках у забора на некотором расстоянии от дома, Сережа подкрался и бросил кусок кирпича в голову ничего не подозревающего Самуэля. В другой раз он специально бросил камень в окно другим нашим соседям. И постоянно из-за него случались неприятности и скандалы.

У его крикливой вздорной бабушки была одна хорошая вещь: цветочная грядка в нашем общем огороде, где у каждой семьи имелся свой маленький клочок земли. На этой грядке она посадила маки, которые в конце лета настолько красиво цвели, что наводили на мысль о резком контрасте между великолепием природы и темной сущностью некоторых людей. И старая Помигалова гордилась ими и тщательно ухаживала за ними. Однажды, когда на цветочной грядке распустились разноцветные маки, из окна кухни мы увидели Сережу, который подполз к грядке и один за другим стал срывать маки. Он сорвал все эти прекрасные цветы, за которыми его бабушка так долго ухаживала и которые всячески оберегала. Потом он встал с затоптанной грядки и гордо, как павлин, прошествовал из садика.

Мы наблюдали за всем этим издалека и, надо сказать, с предвкушением. Мы даже вышли на крыльцо, чтобы не пропустить последнее действие драмы, разыгрываемой прямо перед нами. А Сережа прошел мимо нас и направился к входу в дом Помигаловых, когда вышла его бабушка и с визгом кинулась на него. Все проклятья и ругательства, которые знала эта ядовитая женщина, она вылила на голову своего грешного внука. Когда она схватила его, маки разлетелись в разные стороны. А она стала шлепать его, продолжая обы-

вать маленького преступника всеми бранными словами. Крики, слезы, ругательства и нежные лепестки цветов наполнили воздух, пока бабушка тащила маленького хулигана в дом. Мы, должны признаться, остались довольны. Хотя и форменное безобразие являлось содержанием этой драмы, но в финале каждый ее участник получил по заслугам.

Другой человек, который по разным поводам выказывал антисемитское отношение к нам, — прокурор города Покровска. И он, надо сказать, тоже не лучшим образом кончил.

Мы несколько раз беседовали с ним, и нам было ясно, что у него совершенно четкое намерение — травить нас из-за того, что мы евреи. Однако и ему потом пришлось убедиться, какой непостоянной бывает жизнь и как права пословица: «Высоко взлетишь, больно падать придется».

Его обвинили в коррупции, довольно быстро уволили, и он был вынужден уехать из Покровска. Ему еще повезло, что легко отделался и его не посадили.

Потом, когда мы жили в Якутске, мы его случайно увидели на улице. Он с опущенным видом вез на телеге воду в бочке. *Sic transit gloria mundi* — так проходит земная слава. Или: от прокурора до водовоза — один шаг.

Наши дети тоже иногда становились предметом антисемитских наскоков, но, слава Богу, это не было чем-то таким, что могло омрачить их детство и юность.

Однажды нас навестил наш знакомый якут из Якутска. Звали его Пуд Ильич. Он работал учителем. Всегда безупречно одетый, Пуд Ильич имел слабость к соломенным шляпам и белым штиблетам, что, признаться, большая редкость не только в те годы, но, возможно, до сих пор.

Мы познакомились с ним в Якутске и знали его, как очень доброго и культурного человека. Он приехал в Покровск на несколько дней и воспользовался этой возможностью навесить нас.

Он пришел к нам, как всегда, в отличной одежде, и блеск его белых туфель был виден издали. Он широко улыбался

и сразу же стал рассказывать нам очень смешную историю, главным героем которым оказался наш Самуэль.

По дороге к нам Пуд Ильич заметил двух яростно дерущихся мальчиков. Когда он подошел к ним, они уже расходились в разные стороны, продолжая осыпать друг друга ругательствами. Один из них был Самуэль, а другой — маленький якутский мальчик. Подходя к ним ближе, Пуд Ильич услышал слова, которые они выкрикивали, и то, как якутенок обозвал Самуэля: «Ты маленький грязный жид». На что Самуэль быстро ответил: «Сам ты жид!».

А вообще-то, конфликты на расовой почве возникали довольно часто. Русские и якуты иногда с трудом сдерживали себя и нередко решали свои споры в драках. Мы стали свидетелями одной из таких страшных драк между Арсением Яковлевым, телефонным монтером, который какое-то время жил в квартире недалеко от нас, и якутом из соседнего дома.

Арсений и его жена были дружелюбные и покладистые люди, с которыми мы всегда хорошо ладили. Но когда Арсений напивался, он становился диким и неуправляемым.

В один из воскресных летних дней к ним пришли друзья, и они отмечали какое-то событие. Судя по голосам и песням у них было много выпивки. Погода стояла хорошая, и вскоре компания решила перенести свое дружеское собрание на открытый воздух. Мы не знаем, что произошло, но вдруг услышали крики и истерический плач женщины. Мы увидели Арсения, рычащего от гнева и рвущего на себе рубашку. Он кидался на якута, который был уже без рубашки и стоял со сжатыми кулаками, готовый парировать удар. Началась жуткая драка, сопровождаемая не менее страшными ругательствами с обеих сторон. Одежда разорвана в клочья, лица в крови. Оба в стельку пьяные, пытаюсь нанести удары, промахивались. Наконец прохожие вмешались и разняли двух окровавленных, в синяках мужчин. Арсений продолжал выкрикивать ругательства в адрес якута и всей его нации,

называя их евражками, которых нужно выкуривать из нор и топить в выгребных ямах.

Эта драка была одним из примеров того, что мирное существование разных народов в многонациональном советском государстве оставляло желать много лучшего. Даже несмотря на усилия пропагандистской машины, которая представляла отношения между разными национальностями как идиллическое братство в большой и дружной семье народов.

Мы — одна из первых семей депортированных из Литвы, приехавшая в Покровск. Но постепенно, с приездом наших друзей и знакомых, нас стало больше, и образовалась небольшая колония. Все новые приезжающие относились к нам, как к ветеранам, и обращались за рекомендациями и советами. Все они начинали работать на кирпичном заводе, но потом находили более приятную и безопасную для здоровья работу. Одним из таких вновь прибывших был Гарри П., высокий тощий пианист, которому было около тридцати. Он не привык к физической работе и через неделю тяжелого труда, выглядел изможденным до крайности. Он был очень слаб, его длинные тонкие пальцы никак не подходили для работы на кирпичном заводе. Мы помогли ему устроиться учителем музыки в школу. Гарри был одаренным музыкантом и вскоре в школе создал хоровой коллектив. Организовывал концерты, проходившие с большим успехом. Другой наш знакомый, Арон Л., инженер, устроился работать на местную электростанцию. Ему негде было жить, и несколько месяцев он жил с нами в нашей маленькой квартире. Арон оказался очень веселым человеком. Он много смеялся, шутил, придумывал разные забавные розыгрыши. А служба у него была такая, что ему часто приходилось возвращаться домой поздно ночью. Чтобы предупредить нас, что идет домой, он давал нам сигнал: два раза мигал светом, отключая при этом весь Покровск. Это был хороший способ связи и забавное развлечение. К тому же каждый раз, когда Арон приходил домой, его уже ждал горячий чай.

Со временем мы стали жить так же, как и все население Покровска. Единственное, что нас отличало от других, — это то, что мы не могли без особого разрешения отъезжать от города на расстояние более пяти километров. Если мы хотели поехать, например, в Якутск, то должны были заранее обратиться в НКВД с подробным объяснением цели нашей поездки. Некоторые депортированные попытались съездить в Якутск без разрешения. Это им дорого обошлось: их посадили на неделю под арест на хлеб и воду. А в остальном мы жили, как и все другие люди в Покровске, и власти к нам относились как к обычным советским гражданам. Мы даже имели право голосовать, то есть ходить к избирательным урнам и выбирать тех кандидатов в депутаты, которые уже фактически были выбраны. Так что выборы, по большей части, являлись чисто символическими. При этом проблемы воздержавшихся от голосования не существовало. Народ голосовал стопроцентно.

Дети наши росли. Шнеура приняли в пионеры, а позже и в комсомол (Коммунистический союз молодежи). То же произошло и с Гарриеттой. Самуэль ходил в детский сад, когда мы оба работали.

Мы, можно сказать, окончательно адаптировались к окружающей нас обстановке, приспособились к политическим, климатическим и экономическим условиям. Мы хорошо знали, как вести себя с представителями власти и что надо быть осторожными в высказываниях о политике в присутствии посторонних. Мы жили по пословице «Когда находишься в Риме, поступай, как поступают римляне». С другой стороны, мы научились радоваться каждой минуте, которую проводили с друзьями и знакомыми из Литвы. С ними мы могли свободно, не боясь, говорить обо всем, о чем думали.

С годами мы научились готовиться к долгой, студеной и темной зиме, как и местные жители, запасаясь ягодами, грибами и квашеной капустой. Мы так же, как и они, покупали в магазинах все, что можно купить. Из-за постоянной нехват-

ки товаров нельзя было предугадать, что в следующий раз станет дефицитом. И в этом отношении можно смело утверждать: властям удалось достичь своей цели в попытке переделать нас из «граждан высшего общества» капиталистической страны в обыкновенных сибиряков или якутов в бесклассовом советском обществе.

Однако эта «переделка» ни в коей мере не повлияла на наши убеждения и веру. Ни души наши, ни разум не могли принять эту систему, и никогда мы не испытали никакой благодарности или, тем более, симпатии к ней и разным ее проявлениям. Мы хорошо понимали, как много делалось, чтобы создать равенство и социальные блага для всех граждан страны, и видели, что медленно, но идет экономический рост в послевоенные годы, однако никогда не чувствовали, что эти успехи как-то касаются нас. Это была не наша страна и не наша культура.

Мы не ненавидели систему, но, с учетом того, что пережили, никогда не любили ее. Мы ей не принадлежали. Нашим постоянным и единственным желанием было получить разрешение на выезд из страны и воссоединиться с семьей и нашим миром.

Поэтому, если целью нашей депортации была попытка сделать из нас лояльных и преданных советских граждан, то она провалилась. Как в случае с нами, так и с другими, бог весть зачем и почему сосланными в Сибирь.

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИЙ АГЕНТ

Израэль

Так же, как и в Якутске, кроме работы учителя, я выполнял разные другие задания и поручения. Летом руководство школы попросило меня поработать в школьном лагере, где я должен был отвечать за финансы и организацию питания. И снова просьба заняться этой работой была высказана в такой форме, что я не мог отказаться. Конечно, ничего тяжелого в этой работе не было, но я бы предпочел провести время с Рахиль и детьми. Правда, мне разрешили взять с собой Гарриетту.

Летний лагерь находился примерно в тринадцати километрах от Покровска в прекрасном месте, окруженном тайгой и озерами. В Советском Союзе каждый ребенок имел возможность поехать в летний лагерь. Везде по стране были так называемые пионерские лагеря, где дети могли провести несколько недель под присмотром учителей и вожатых. Там дети ходили в походы, занимались в разных кружках, спортом и другими видами полезной деятельности, а также слушали лекции с неслучайным политико-идеологическим уклоном.

В лагере примерно пятьдесят учеников и трое учителей. Кроме того, директор, повар и я. Главная моя задача: получать финансирование и обеспечивать лагерь продуктами. Я должен следить за тем, как мы расходует средства, не превышаем ли бюджет, выделенный лагерю, а также за тем,

чтобы не использовали больше продуктов, чем это определено инструкциями. Количество продуктов на каждое приготовление пищи было расписано в мельчайших деталях.

Утром на завтрак детям давали оладьи. С вечера для их приготовления я выдавал необходимое количество муки и масла. Через несколько дней директор спросила меня, сколько масла я выдал повару на приготовление оладий. Я ответил: столько, сколько предписано. Директор очень удивилась и сказала, что она не понимает, почему каждый день оладьи пригорают. Она попросила меня выдавать повару необходимые продукты утром, а не вечером. В результате я должен был вставать в шесть часов утра каждый день. Кроме того, в помощь к повару выделили еще двух старших учеников. После этого оладьи пригорать перестали.

За детьми был хороший уход, и условия жизни в лагере можно назвать неплохими для такого удаленного уголка Сибири.

Я также отвечал за водоснабжение лагеря. Воду из Лены, привозили в огромной бочке на тележке, запряженной быком. Живой самоходный аппарат в одну бычью силу с рогами являлся собственностью лагеря, и без него мы никак не могли обойтись. Однажды бык решил отдохнуть и ушел в тайгу как раз в то самое время, когда нужно было ехать за водой. Вся жизнь в лагере замерла без воды. Ни детям помыться, ни пищу приготовить. Весь лагерь и люди из соседней деревни кинулись в тайгу на поиски быка. Только ближе к вечеру нам удалось найти его, спокойно пасущегося на поляне. С криками радости дети пригнали его в лагерь, и возобновилась нормальная жизнь.

В конце сезона всех детей взвешивали. Главная польза от пребывания в лагере выражалась в килограммах и граммах. Мальчиков и девочек ставили на весы в первый день приезда на отдых. Теперь дирекция хотела узнать, насколько они поправились. Совершенно определенно, что у лагеря был свой план по весу детей, который следовало выполнить. Ре-

зультаты оказались удовлетворительными. Дети поправились. Что усердными взрослыми и было запланировано.

После войны количество учащихся в нашей школе-интернате резко увеличилось. Поэтому стали пристраивать еще одно здание, чтобы всех расселить. В 1950 году строительство закончилось, и ввод в строй нового корпуса решили отметить с особой торжественностью.

На открытие пригласили всех партийных начальников и других важных персон из Покровска и близлежащих поселков. Не знаю, по какой причине, но секретарь парторганизации школы попросил меня произнести главную речь на вечере от лица преподавательского коллектива школы. Я не смог отказаться и, поблагодарив его за доверие, стал готовиться к речи. Нужно было быть очень осторожным, чтобы не сказать такого, что могло быть неправильно истолковано, не забыть поблагодарить партию, государство и, прежде всего, Сталина за проявляемую ими заботу. При составлении таких речей необходимо было придерживаться и других правил, соблюдая которые можно избежать неприятностей. Я начал и закончил свое выступление, воздав дань и поблагодарив несравненного руководителя и правителя страны Иосифа Виссарионовича Сталина. Мое выступление просто не могло быть неудачным, и, действительно, его хорошо, с аплодисментами приняли. Все встали и подняли тост за Сталина и за нашу школу. В то время существовала традиция после тостов петь песни. Люди чокались стаканами, наполненными водкой, и с воодушевлением пели:

*Выьем за Родину,
Выьем за Сталина,
Выьем
И снова нальем!*

Эта песня звучала до поздней ночи.

Пели ее и весной 1951 года, когда у нас в школе состоялся вечер в честь ее первых выпускников. Во время войны

наша школа была восьмилеткой, а после войны в ней стало десять классов. И вот в 1951 году состоялся первый выпуск десятиклассников. Конечно, это большое событие следовало хорошо отметить.

Для организации праздничного вечера создали комитет, в состав которого входил и я. Одна из важных обязанностей комитета: собрать денежные средства для проведения вечера, а также на подарки нашим выпускникам, которые бы напоминали им о том, что они являются первыми выпускниками средней школы Покровска. Закупили большое количество еды, вина и водки. И учителя, и ученики, и помощники несколько дней занимались приготовлениями. Все говорило за то, что торжество состоится грандиозное.

Должен сказать: оно действительно состоялось. Тосты, здравицы, песни, одачи не кончались. Все много пили и ели. Учеников отправили домой в полночь, а учителя и приглашенные гости продолжали празднество до четырех часов утра.

В разгар веселья ко мне подошел директор и отвел меня в сторону. Он попросил меня спрятать две бутылки водки, объяснив, что они окажутся приятным сюрпризом, когда ночью все будет выпито. Я отнес бутылки в учительскую и спрятал их в огромной печке. Я был уверен, что лучше и надежнее места просто не найти. Уже поздно ночью, когда выпили все вино и водку, директор с чувством удовлетворения подал мне знак: давай сюрприз! Я отправился в учительскую и подошел к печке, но... только затем, чтобы обнаружить, что бутылок в ней нет. Для меня это было шоком и больно меня задело. Я не верил, что директор заподозрит меня, поскольку он намеренно доверил именно мне такое ответственное дело, наверняка зная, что я не пью водку. И тем не менее, мне было неприятно объяснять, что случилось нечто нехорошее с двумя непочатыми бутылками.

Спасла положение доктор Нина Ивановна – почетный гость на нашем празднике. Она устроила так, что из аптеки принесли бутылку чистого спирта. Спирт смешали с литром

воды и выпили его с большим удовольствием. Вора найти не удалось.

В конце каждого года организовывались курсы повышения квалификации. Однажды летом и меня послали в Якутск на курсы повышения квалификации преподавателей иностранных языков. Наши преподаватели на курсах не отличались особой компетентностью, но быть членом партии тогда было важнее, чем иметь профессиональную квалификацию. В план занятий включили цикл лекций по западной литературе, которые читал скромный якутский библиотекарь.

Всех западных авторов разделили на две группы. Позитивно относящиеся к Советскому Союзу – прогрессивные мастера слова, а все другие – реакционные и, стало быть, никакие не мастера. Анна Зегерс, Мартин Андерсен Нексе, Говард Фаст и Эптон Синклер были отнесены к прогрессивным писателям. Список реакционных не оглашался. На одном из занятий библиотекарю задали вопрос, к какой категории отнести Синклера Льюиса. Бедный библиотекарь почувствовал себя неловко, но, покусав губы несколько секунд, ответил: «До сих пор мы считали его прогрессивным». Библиотекарь не знал, кто такой Синклер Льюис и к какой категории его отнести, поэтому ответ был настолько уклончив, чтобы исключить любые интерпретации.

Все облегченно вздохнули, когда после двух недель, показавшихся длинными и утомительными, курсы закончились. Июль – самый теплый месяц в году, и было тяжело в изнурительную жару просиживать каждый день по шесть часов на занятиях. Нам всем выдали дипломы. Перед отъездом в Покровск я навестил друзей и сделал покупки. Однако мне предстояло пройти еще одно испытание...

В очень скромной гостинице, где нас разместили, я оказался в номере с тремя партийными работниками, которые тоже приехали в Якутск на курсы. В течение двух недель я почти не общался с ними. И в последний вечер, уставший, я улегся в постель до их возвращения и уснул. Посреди ночи

меня разбудили громкие голоса и звон стаканов. Партийные работники отмечали окончание курсов, как было принято, обильным возлиянием. Они сидели за маленьким столом. На нем стояли три бутылки водки, две из которых были уже опустошены. Когда они увидели, что я проснулся, то сразу же предложили мне присоединиться и выпить. Я тут же пожалел, что проявил неосторожность, показав, что проснулся. Я прекрасно знал: самое плохое, что можно сделать русскому — отказаться выпить с ним стакан водки. Это означало оскорбление и проявление неуважения. Однако мне вовсе не хотелось пить такой крепкий напиток в такое время суток, и я попытался отказаться, говоря, что должен спать и что пусть они продолжают, не обращая на меня внимание. Но не тут-то было. Наконец, они сжалились и пошли на компромисс: я остаюсь в постели, но стакан водки выпиваю. Стакан оказался граненым чайным стаканом вместимостью 200 граммов, который они наполнили водкой почти до краев. Мы чокнулись и под возглас «До дна!» я так же, как и мои компаньоны, залпом выпил и упал в постель. На следующее утро похмелье было ужасным. До сих пор это мой личный рекорд по питью водки ночью и залпом.

В 1950 году я впервые стал классным руководителем. За эту работу мне доплачивали, но в то же время появилось много новых обязанностей и заданий. По крайней мере два раза в год классный руководитель в обязательном порядке посещал своих учеников на дому, чтобы наладить связь с родителями, познакомиться с условиями их жизни и благосостоянием. О каждом таком посещении нужно было писать отчеты, описывая взаимоотношения в семье ученика, а потом отчитываться на учительском собрании. Кроме того, каждую неделю классный руководитель устраивал классное собрание для обсуждения успеваемости учеников, их прилежания или провинностей, о которых докладывалось директору школы.

В моем классе училась дочь местного начальника НКВД Федотова. Он ведал делами всех депортированных, прожи-

вающих в Покровске. И так же, как и всех других, я должен был обследовать и их семью, познакомиться с родителями. Сложилась несколько необычная ситуация, и я шел к Федотовым со смешанными чувствами. Я думал, что главному человеку в этой семье вряд ли понравится, что спецпоселенец занимается обучением и воспитанием его дочери. Однако мои визиты прошли без каких-либо трений, и родители высказали удовлетворение успехами Нины в школе.

Но однажды мне пришлось встретиться с Федотовым и при других обстоятельствах.

Все учителя по очереди в течение недели дежурили по школе. В обязанности дежурного учителя входило решение самых разных практических дел. Во время моего дежурства раздался звонок из местного отделения НКВД. Офицер сказал, что нужно предупредить старшеклассников, чтобы они остались после последнего урока на лекцию, которую проведет один из офицеров НКВД Покровска.

После уроков я собрал всех старшеклассников и очень удивился, когда увидел Федотова. Он, улыбаясь, пожал мне руку, поблагодарив за помощь. Лекция Федотова была о бдительности, которую везде и всегда должны проявлять советские люди.

Он говорил о большом прогрессе, достигнутом Советским Союзом, несмотря на значительные трудности. Он, конечно же, отдал обязательную дань Сталину и рассказал о триумфе советской экономики в строительстве социалистического общества, что дает гарантию всем народам и всем нациям на счастливое будущее. Однако враги затаились везде, пытаются положить конец победоносному шествию социализма. Враги не спят, отметил Федотов, потому что они всегда искали и продолжают искать возможность нанести вред советскому государству. Вот почему каждый советский гражданин всегда обязан быть начеку, чтобы предотвратить подрывную деятельность врагов социализма. Каждый советский гражданин обязан быть патриотом и защищать свою родину как самое святое, что у него есть в жизни. Одно из самых важных досто-

инств, которым должен обладать каждый — это быть всегда настороже, и Федотов посоветовал ученикам всегда обращать внимание на все, что происходит вокруг. Если они заметят что-то подозрительное, то должны сразу доложить об этом в НКВД, где всегда готовы выслушать их. Империалистические агенты есть везде, и, отметил он, для подрывной деятельности они используют разные пути. Даже под самыми безобидными действиями могут скрываться серьезные преступления против советского государства. В качестве примера того, какими коварными могут быть такие агенты, он привел случай, который произошел совсем недавно. В одном отделе, где работали с секретными материалами, в корзину выбросили лист копирки. Его использовали при снятии копии с очень секретного отчета. Выяснилось, что уборщица этого отдела была империалистическим агентом. Она, конечно, нашла эту копірку в корзине, и таким образом секретная информация стала известна империалистам. «Вот почему надо быть бдительными и помогать НКВД уничтожать врагов страны». Такими словами Федотов закончил свою лекцию.

Уходя, он снова по-дружески улыбнулся и пожал мне руку. С трудом и я пытался выжать из себя ответную улыбку. После такой лекции человеку в моем положении было не до улыбок. Ведь косвенно, среди прочего, Федотов просил учеников следить за людьми с моим происхождением. Теперь мне нужно было быть еще осторожнее и в разговорах, и в классе, и в учительской. Когда проходят такие кампании бдительности, то обязательно найдется желающий произвести впечатление на власть, поймав с поличным хотя бы одного из сотен тысяч агентов империализма.

Рахиль — Израэль

Покровск гораздо лучше Якутска. Там нет болот и густых туманов. Климат тоже суровый, но более здоровый.

Во второй половине мая, обычно где-то в двадцатых числах, на Лене начинался ледоход. Это — впечатляющее явление природы, событие, которого ждали все. Оно означало, что идет весна, и наступают теплые и солнечные дни. У Покровска ширина Лены достигала шести-семи километров. Зимой толщина льда на реке доходила до трех метров, и в ледоход освобожденные силы природы ломали эти огромные массы льда. Лед трескался со звуком, похожим на выстрелы из пушек, льдины сдвигались, поднимались кверху, принимая причудливые формы. «Лена тронулась!» «Лена тронулась!», — слышалось по всему поселку, когда лед начинал ломаться и медленно двигаться. И стар и млад — все бежали на берег реки, чтобы поближе посмотреть, как Лена освобождается от ледового панциря. Если ледоход начинался, когда шли уроки, то их отменяли, и школьникам устраивали выходной. В такой день бесполезно было проводить занятия. Школа стояла на берегу, и у нее ничто не могло удержать внимание учеников в классе.

Каждый год, примерно в одно и то же время мы видели огромные стаи перелетных птиц. Высоко в строгом порядке они летели к местам гнездования еще дальше на север. Наступало самое прекрасное время года. Обычно недель за шесть Лена полностью освобождалась ото льда. Весна и лето приблизительно совпадали, и этот переход был всегда неожиданным и захватывающим. Вдруг сразу все становилось зеленым, расцветали цветы, и все в огородах вскапывали землю и принимались что-то сажать.

На противоположном берегу Лены, напротив Покровска находилось несколько колхозов и маленьких деревень. Зимой пересекать реку не опасно, ее можно проехать или пройти по льду. Летом громадную реку переплывали на барже, которую тащил буксирный катер. Но перед ледоходом и во время ледохода любая попытка преодолеть Лену могла закончиться плачевно. До тех пор, пока река не очищалась ото льда, дети, чьи родители жили на противоположном берегу, разлучались с ними почти на два месяца. Но когда все льдины уносило течением вниз по реке,

ученики снова начинали ездить по выходным дням домой на моторных лодках. В конце лета Шнеур с друзьями плавали на острова собирать полевой лук. Они возвращались домой с большими пучками вкуснейшего лука. Мы его тонко нарезали, пересыпали солью и другими специями, заготавливая на зиму.

Река Лена играла огромную роль в нашей жизни. Именно по Лене доставлялись все товары с юга. Как только началась навигация, длинные караваны барж, груженных самыми разными товарами, двигались с юга на север. Лена снабжала нас водой, а летом и рыбой. В Покровске в огромных количествах ловили рыбу, по своему виду напоминающую анчоусы. Ее мариновали, жарили на сливочном или постном масле. Это был настоящий деликатес.

Для нас, депортированных, Лена, кроме всего прочего, — дорога к свободе. В прошлом мы проплыли по ней вниз до Быкова Мыса и однажды, хотелось надеяться, поплывем в другом направлении. Лена — самый безопасный, лучший путь на юг, хотя существовали и другие возможности: можно улететь самолетом или доехать на машине до Иркутска.

Круглый год было авиасообщение и с Якутском, но туда летали только маленькие самолеты, и билеты на эти рейсы, как правило, раскупались гражданскими служащими и партийными работниками. Кроме того, было очень дорого лететь самолетом. Автотранспортом пользовались только зимой. Через Лену и другие реки в Якутии в те годы мостов не было, и поэтому на машине пересечь их можно было только в зимнее время по льду. Кузова грузовиков покрывались тентами, и на таких крытых грузовиках можно было доехать до станции Невер Транссибирской железной дороги. Но это — длительные по времени и опасные поездки. Поэтому, если мы поедем когда-нибудь, то, конечно, на пароходе.

Мы с волнением и завистью провожали глазами пароходы, идущие вверх по Лене, мечтая о том дне, когда сами станем пассажирами.

ТЕНЬ МЕРТВОГО ДИКТАТОРА

Рахиль — Израэль

Пятое марта 1953 года отмечено как конец эры в истории Советского Союза и в жизнях и судьбах миллионов советских граждан, включая нас. В этот день диктор Левитан пугающим голосом сообщил, что руководитель, отец, учитель, величайший мыслитель, носитель и вдохновитель идей марксизма-ленинизма, генералиссимус Иосиф Виссарионович Сталин умер. Это сообщение Левитан зачитывал несколько раз в течение дня. В промежутках звучала громкая похоронная музыка.

Новость потрясла людей. Портреты Сталина, обвитые черной вуалью, и флаги с черными траурными лентами были развешены по всему Покровску. И жители этого городка, и все другие обычные граждане Советского Союза ничего не знали о частной жизни своих руководителей, и, когда те умирали, сообщения об их «безвременной кончине» всегда оказывались неожиданными, потому что никогда не поступало никаких сведений ни о болезни, ни о том, что кто-то из «великих» находится в больнице. Лишь информация о смерти какого-нибудь коммунистического вождя становилась общим и печальным достоянием.

Реакция жителей Покровска на сообщение о смерти Сталина была истерической. Люди открыто рыдали на улицах, в магазинах, в школе. Преобладало чувство обреченности, и можно было часто слышать, как люди спрашивали в отчая-

нии: «Что теперь делать? Как мы сможем жить без Сталина?». Церемонии прощания проходили в школе, в других организациях по всему Покровску. Скорбь людей была искренней, но то, что происходило в Покровске, конечно, не шло ни в какое сравнение с тем, что творилось в Москве и других крупных городах. Только позже мы узнали об ужасных событиях во время похорон Сталина в Москве, когда в огромных толпах народа началась паника, и многих затоптали насмерть.

Сталин в образе всемогущего отца все решал, давал и забирал. И эта его роль полностью соответствовала ожиданиям и потребностям народа. Желание подчиняться и поклоняться руководящей личности глубоко сидит в сознании русского человека, и, конечно, эта характерная черта образовалась не в Советском Союзе, а уходит корнями в далекое историческое прошлое, к самоуправству царей и их жестоким режимам. Культ личности Сталина превзошел все и привел к тому, что люди относились к своему «вождю и учителю», как они его называли, с восхищением, исключая любую критику. В умах людей личность «руководителя и отца» создала чувство защищенности и уверенности в том, что пока он есть, он будет заботиться о них, никто не будет им угрожать, и он никогда не оставит их в беде. И теперь, когда он умер, людей охватило чувство тревоги и беспокойства. Они поняли, что основа их существования исчезла.

Даже несмотря на то, что Сталин был причиной физических страданий и смертей миллионов человек и трагедий еще большего количества людей, только узкий круг знал ужасную правду о его роли во всех событиях, которые наводили страх на всю страну на протяжении многих лет. Даже если бы кто-то в то время попытался открыть правду о преступлениях Сталина, народ бы просто не поверил. И есть еще люди, которые не верят в это до сих пор.

В нашем доме, в нашей семье печали и отчаяния по поводу смерти Сталина не было. Уже давно его личность отождествлялась у нас со всеми бедствиями, которые обрушились на

нас. Для нас его внешность — хитрый взгляд, поддельная улыбка, скрытая в больших усах, — стала лицом дьявола. И если его смерть и не стала для нас по-настоящему счастливым событием, то, по крайней мере, событием, предвещающим изменения в нашем статусе спецпоселенцев. Мы понимали, что смерть «вождя и учителя» при всей ее внезапности и трагичности для десятков миллионов советских людей должна принести нам освобождение. Но даже если наши предчувствия и не обманут нас, то изменения будут идти очень медленно. Даже несмотря на то, что Сталин умер, дух его жив и будет жить еще долгие годы. И доказательство этому мы получили спустя всего пять недель после траурного сообщения Левитана.

Министерство просвещения Якутской АССР

П Р И К А З № 7–109

Якутск 10 апреля 1953 года

Об укомплектовании школ Орджоникидзеvского района учительскими кадрами на 1953–1954 учебный год

По окончании текущего учебного года и истечении сроков очередных отпусков произвести следующие назначения, перемещения и увольнения учителей:

Пункт 27

Освободить от учительской работы, как несоответствующих:

1. Рахлина Израэля Семеновича, учителя иностранного языка Покровской школы.

Министр Просвещения Якутской АССР

З. Саввин

Заверяю:

Заведующий Орджоникидзеvским РайОНО

П. Скрябин

ИЗРАЭЛЬ

Получив этот приказ, я несколько раз перечитал его, пока сообразил, о чем идет речь. Однако самого главного я так и не смог понять: почему меня увольняют, и что означает формулировка «как несоответствующий»?

Я проработал в Покровской школе шесть лет, ни разу не получив упрёка или выговора ни от директора, ни от секретаря партийной организации. У меня не было никаких сомнений, что все довольны мной и моей работой. Более того, атмосфера вокруг нас успокоилась настолько, что после двенадцати лет депортации я начал верить в то, что нас, наконец-то, оставят в покое, и мы будем жить на равных правах с другими советскими гражданами. Но, очевидно, такого не должно было быть.

Я мучительно размышлял, что все это могло означать. И пришел к выводу, что, скорее всего, мое увольнение — последний привет нам от Сталина. Никаких других причин уволить меня, кроме новой волны политического преследования ненадежных элементов, невозможно было придумать. Эта кампания началась еще тогда, когда Отец и Учитель был жив, и, в первую очередь, была направлена против людей еврейского происхождения. Но поскольку мы жили далеко от Москвы, то кампания в пути задержалась, и приказ о моем увольнении пришел с опозданием.

Рахиль — Израэль

И снова мы оказались в критическом положении. У нас опять возникли финансовые трудности. Ведь если снова устроиться работать бухгалтером, то зарплата будет в половину меньше той, которую получал учитель. Но другого выхода не было. Шнеур заканчивал десятый класс в мае. Он собирался поступать в институт в Якутске, и только на стипендию, без нашей

поддержки, он не сможет учиться. Мы обсудили сложившуюся ситуацию и пришли к выводу, что должны попытаться вернуться в Якутск, поскольку там найти работу значительно легче, да и Шнеур сможет жить дома. Но легко сказать — трудно сделать. Начиналась длинная и трудная процедура получения разрешения переехать в Якутск.

Мы связались с НКВД. После чего долго и кропотливо заполняли бесчисленное количество бланков и анкет. Нам разрешили остаться в доме до первого сентября, когда закончатся школьные каникулы. Через полтора месяца, после многочисленных заявлений НКВД и личных бесед с офицерами всемогущего ведомства нам разрешили переехать в Якутск.

Последние две недели в Покровске были особенно неприятными. Дело в том, что семья, которая въезжала в наш дом, настаивала на нашем скорейшем выезде, но мы не могли сразу уехать в Якутск, а переехать нам было некуда. (Слава Богу, что хоть Шнеур уехал раньше, чтобы подготовиться к вступительным экзаменам в институт. Он остановился у наших друзей.)

Оказалось, что не так-то легко найти машину для переезда. После долгих поисков мы, наконец, договорились с водителем, работавшем на кирпичном заводе. Он запросил непомерно высокую цену — почти половину месячной зарплаты. Торговаться мы не стали и согласились на его условия.

Среди наших вещей был довольно необычный подарок, врученный нам несколько лет назад Климовым, директором селекционной станции. Он уехал из Покровска в 1948 году и перед отъездом подарил нам барельеф Иосифа Сталина. Это «художественное произведение» размером с мелкую тарелку было очень тяжелым. И собиравшийся в дорогу Климов, скорее всего, по этой причине не хотел брать «отца народов» с собой. Несколько человек присутствовали при дарении экспоната, поэтому мы были вынуждены его где-то по-

весить. И, чтобы нас не обвинили в неуважении к абсолютному хозяину страны, мы повесили барельеф на стенке в комнате, где он так и провисел все годы нашей жизни в Покровске. Учитывая наше отношение к Сталину, мы не испытывали удовольствия от того, что диктатор каждый день смотрит со стенки на нас. Но что мы могли поделать?

Уезжая, мы не сумели так же, как Климов, подарить увесистое изображение вождя кому-нибудь еще. Такой жест могли истолковать как выражение презрения к покойному руководителю и использовать против нас. После некоторых колебаний мы решили взять «семейную реликвию» в Якутск, и Сталин поехал вместе с нами.

Только в Якутске нам удалось избавиться от него. Но и то не сразу. Остановившись у наших друзей, мы сначала отнесли барельеф в сарай вместе с другими вещами. А потом, когда переезжали, «забыли» Сталина в самом дальнем и темном углу хозяйственного помещения. Вот так мы избавились от этой тяжелой и неприятной ноши.

Рахиль

Прекрасным сентябрьским утром мы стояли перед домом со всем своим скарбом в ожидании грузовика. Мебели у нас было немного, а всю одежду, кухонные принадлежности и другие домашние вещи положили в сундук и чемоданы. Еще мы увозили восемь мешков картошки и, конечно же, курятник с курами. Мы так привыкли к курам, что и не думали расставаться с ними.

В этот период перемен в нашей жизни мы заново начали оценивать все происшедшее с нами.

Итак, нас сослали двенадцать лет назад, девять из них мы прожили в Покровске. Что можно сказать о прожитых там годах? С большей частью людей, с которыми мы встретились, нам было хорошо, и неизвестно, как бы все сложилось,

если бы все эти годы мы жили в каком-то другом месте. В Покровске все-таки у нас была нормальная, относительно стабильная жизнь. И даже несмотря на различные затруднения, мы справлялись с ними и выжили. Так или иначе, там мы чувствовали себя более защищенными, чем где-либо за все время нашей депортации. Возможно, потому, что Покровск находился далеко, но главное потому, что люди там были хорошие и помогали нам. Этот бедный маленький город в сибирской глуши навсегда останется в наших сердцах. И сыночек наш, ставший лучиком солнечного света для всех нас в самые мрачные и темные времена, родился там и прожил первые шесть лет своей жизни.

Отъезд из Покровска ассоциировался у нас с неуверенностью и неопределенностью, поскольку мы не знали, где нам предстоит жить в Якутске, да и вообще, что будет с нами. Я все время задавала себе вопрос: как долго еще нам предстоит переезжать с места на место, пока не закончатся наши испытания, и когда, наконец, мы сможем уехать в Данию? И, как всегда, у меня начинало учащенно биться сердце при мысли, что в один прекрасный день мы соберемся в дорогу. И опять мечта моя была прекрасна, но фантастична. В реальной жизни не происходило ничего, что могло бы хоть как-то приблизить ее осуществление. Мы снова стояли перед лицом одного из многих поворотов в нашей судьбе, которые навязывали нам в течение многих лет.

Приехал грузовик. С помощью шофера и нескольких соседей, пришедших проводить нас, мы погрузили в кузов вещи. Дети и я устроились на мешках с картошкой. Самуэль держал на коленях корзину, в которой лежала кошка Пушок с новорожденными котятами. Кроме нас, в грузовике было еще шесть пассажиров, и Израэлю пришлось сидеть на курятнике. Сидеть было очень неудобно, и всю дорогу ему приходилось держаться или за курятник, или за борт грузовика.

Водитель очень торопился: в Якутске ему нужно было забрать груз и срочно вернуться в Покровск. По ухабистой и пыльной дороге он вел машину как сумасшедший. Вскоре в облаке пыли Покровск исчез из виду. Мы еще не осознавали, что начался новый этап нашего долгого возвращения в Данию.

ДАТСКИЕ ГОРИЗОНТЫ

Рахиль — Израэль

Сразу по приезде в Якутск мы пошли к нашим старым друзьям — Априлям. Они заверили нас, что какое-то время мы сможем пожить с ними. У них был маленький дом в центре города. В трех комнатах четыре человека: жена Таня, муж Исаак и их два взрослых сына. Одну комнату Таня и Исаак выделили нам — до тех пор, пока не найдем жилье. Решение окончательное и обсуждению не подлежало. Наш дом также всегда был открыт для друзей и знакомых, приезжавших в Покровск.

В Якутске мы быстро освоились, поскольку по нашему первому приезду неплохо его знали, и стали искать жилье. Через три недели нашли. Дом, сдававшийся в аренду, находился на улице Ломоносова, недалеко от центра города и принадлежал учительнице, которая, выйдя на пенсию, предпочла жить в более приятных условиях и переехала в теплые края. Домом управлял ее брат, который и предложил нам аренду на год на довольно приемлемых условиях. Мы на эти условия согласились.

Общая площадь — примерно шестьдесят квадратных метров. Все запущено и требует ремонта, который сразу сделать мы не могли. Дом находился в глубине двора, а перед ним стояла маленькая кривобокая избушка. Как и другие дома на этой улице, наш дом с трех сторон был огорожен забором.

После подписания договора об аренде, мы сразу же переехали и быстро поняли, что значит жить независимо ни от кого и ни с кем не иметь общей кухни. Гарриетта пошла в школу, у Шнеура — в полном разгаре занятия в институте, Самуэль обзавелся новыми друзьями. В школу он должен был пойти только через год.

Израэль

Я начал искать работу. Девятилетний опыт поисков, находок, потерь и разочарований подсказывал мне, что нужно первым делом отправиться в Министерство образования и выяснить, могу ли я где-нибудь получить место учителя. Оказалось, что не могу: вакансий нет. Но мне предложили преподавать немецкий язык в школе, в маленьком поселке в двадцати четырех километрах к северу от Якутска. Я отказался: не хотелось снова переезжать, и, кроме того, мы не собирались оставлять Шнеура одного.

При всем своем богатом опыте трудоустройства, я не переставал удивляться непредсказуемости системы: в апреле меня вдруг уволили, как «несоответствующего», а уже в сентябре я снова стал «соответствующим». Какое «великое чудо» за этим стояло?

Вскоре мне предложили работу бухгалтера в Якутторге — государственной организации, координирующей всю розничную торговлю в городе. Я стал бухгалтером в учебном отделе, в котором среди прочего готовили продавцов, кассиров, складских работников и ресторанный персонал. В то время в Советском Союзе еще не было ремесленных училищ, их заменяли такие вот «специальные курсы профессиональной подготовки».

А через несколько недель мне предложили вести уроки математики с использованием выдающегося знакомого с Алтая вычислительного инструмента — деревянных счетов.

Когда я приехал в Сибирь, я даже не знал, как пользоваться такими счетами, но вскоре научился, и вот теперь мог уже и других учить.

Когда начался новый учебный год, я получил место учителя немецкого языка в школе №8. Иногда я подрабатывал еще в двух школах, подменяя учителей. Кроме того, вел занятия в лесном институте, преподавал в вечерней школе несколько раз в неделю и, наконец, давал частные уроки. Частные уроки я давал сыновьям и дочерям партийных работников и государственных служащих высокого ранга, которым не нравились плохие оценки их чад в школе, и они надеялись, что репетитор поможет поднять уровень знаний этих чад настолько, что все они станут самыми лучшими учениками в классе.

Я вынужден был так много, тяжело и разнообразно работать лишь по одной причине: чтобы мы могли сводить концы с концами. Зарплата учителя маленькая, и на одну зарплату прожить невозможно.

В вечерней школе учились разные по возрасту люди — от восемнадцати до пятидесяти лет. Многие из них занимали высокие посты, а образования не имели и хотели восполнить его, обучаясь в вечерней школе. Некоторые прервали учебу из-за войны и сейчас стремились наверстать упущенное.

Среди моих учеников была супружеская пара: муж, лейтенант НКВД по фамилии Мамотенко, учился в седьмом классе, а его жена, продавщица, — в шестом. И часто после уроков то он подходил ко мне и спрашивал: «Как дела у моей жены?», то она: «Не отстает ли мой муж от других?». У лейтенанта успехи по немецкому языку были лучше. Однако и она занималась усердно и не отставала от других. Каждый раз, когда ее муж задавал мне вопрос насчет ее успеваемости, я всегда отвечал, что дела у нее идут хорошо. Я не хотел, чтобы немецкий язык оказался причиной семейных раздоров.

Рахиль — Израэль

Через год после переезда в дом нам предложили его купить. Надо сказать, что дом в Якутске, конечно, можно было купить, но лишь при условии, что его площадь не превышает сто пятьдесят квадратных метров. Меньше можно, а больше нельзя. И только один. Больше одного собственного дома семье не разрешалось иметь.

Брат бывшей учительницы просил за него вполне разумную цену — пятнадцать тысяч рублей наличными. У нас — около двух тысяч. В банке или где-то еще кредит взять невозможно. Так что деньги можно только одолжить. Узнав о том, что мы решили купить дом, но из-за финансовых трудностей сделка под угрозой, наши хорошие друзья собрали недостающие тринадцать тысяч. Впрочем, они их не собирали. Они кропотливо годами копили эти деньги для себя, но, когда узнали, что нам нужна помощь, отдали нам все свои сбережения.

Став полноправными владельцами дома, мы сразу начали приводить его в порядок. Что могли, то делали сами, а остальное — рабочие. Они сложили новую печь на кухне и соорудили новые завалинки — вдоль наружных стен примерно в метр высотой вбили балки таким образом, что между ними и стенами образовалось пустое пространство, которое заполнили землей. Отличная теплоизоляция! Сгнившие старые балки убрали, и снаружи дом заново отделали. Цемента или цементного раствора для покрытия стен не было, поэтому применили старинный местный способ. Стены обмазали смесью из глины, конского навоза и небольшого количества соломы. Получилось отлично. После этого весь дом снаружи побелили, и он приобрел приятный вид.

Изнутри стены гостиной мы обклеили красными обоями, потому что других в магазинах не продавали. Все деревянные изделия покрасили зеленой краской, поскольку во всем городе другой краски не было. Правда, из Покровска

мы привезли немного белой краски, которую, чтобы создать хоть какое-то разнообразие оттенков, смешивали с зеленой. Двери и печку покрасили в темно-зеленый цвет, а оконные переплеты и подоконники — в светло-зеленый. Сомнительно, чтобы такую расцветку одобрил художник по интерьеру, но мы гордились нашими достижениями.

Из-за финансовых затруднений мы сдавали одну из маленьких комнат. И все время, пока жили в этом доме, комнату занимали квартиранты. Так что постоянных обитателей насчитывалось семь человек, и на каждого примерно по девять метров жилого пространства. Впрочем, больших проблем это не создавало — давно уже все привыкли жить в стесненных условиях.

В первый год у нас жили пианист Гарри П. и врач из Москвы Саша Векслер. С пианистом жить в одном доме было хорошо, но особенно нам нравилась компания Саши. Он знал огромное количество разных историй и анекдотов, которыми нас веселил. У Саши была фантастическая память, и он всех просто поражал способностью запоминать длинные числа, имена и различные комбинации слов и фигур. Кроме того, он запоминал все карты, которыми играл, что давало ему возможность выигрывать практически каждый раз. Кроме того, у него был прекрасный голос, и он подрабатывал диктором на местной радиостанции. Работал он обычно в вечернее время и часто возвращался домой очень поздно. Зимой выходить ночью на улицу было очень опасно, потому что так же, как и во время войны, в Якутске совершалось много преступлений. Нападения на людей и грабежи происходили довольно часто. Поэтому, когда Саша уходил на свою вечернюю работу, он всегда брал с собой длинный кухонный нож, который прятал в нагрудный карман. Каждую ночь он, вернувшись здоровым и невредимым с темной и опасной улицы, вытаскивал нож из кармана и, положив его на стол, замечал, что острым кухонным предметом самообороны не воспользовался и потому его не нужно мыть.

Когда Гарри и Саша уехали, у нас жили две девушки — Валя и Рита. Они приехали из Москвы. После окончания института их направили по распределению на работу в Якутский геодезический институт. Они тоже стали нашими хорошими друзьями, и Валя обожала Самуэля. В выходные дни она всегда брала его с собой. Они ходили в магазины, на рынок, в музей или на стадион посмотреть футбольные матчи или легкоатлетические соревнования.

С финансовой точки зрения, в Якутске нам стало значительно лучше, чем в предыдущие годы. У нас не было ничего лишнего, но тем не менее наше материальное положение укрепилось. Мы продолжали получать посылки из Швеции и Дании, и они существенно пополняли наши денежные ресурсы.

Подержанную одежду, присланную из Европы, мы продавали прямо у нас дома или ходили на барахолку, располагавшуюся за городом и работавшую по воскресениям.

Израэль

Однажды в 1955 году меня вызвали в НКВД, где офицер сказал, что моя депортация закончилась: мой статус спецпоселенца отменен. Офицер дал мне письмо в милицию, содержащее просьбу выдать паспорт на имя Израэля Рахлина взамен удостоверения личности — единственного документа, который разрешалось иметь спецпоселенцу. Я спросил о таком же письме для Рахиль, но получил ответ, что новое положение касается только тех спецпоселенцев, которые работали в школах учителями, и на членов их семей не распространяется. То, что Рахиль только сопровождала меня, как жена, конечно же, не учитывалось. Но к разного рода нелепостям мы привыкли. Стало быть вопросы задавать или сердиться — занятие лишние и, более того, бесполезное.

Через некоторое время я получил паспорт и пошел регистрироваться. Однако мне сказали, что зарегистрировать

меня не могут без представления необходимых бумаг из военкомата. Мне еще не было пятидесяти лет, и я должен был представить бумаги о моей пригодности (или непригодности) к воинской службе. В результате, я предстал перед призывной комиссией и после длинных переговоров, осмотров и собеседований мне присвоили воинское звание: «солдат третьей категории». Члены призывной комиссии посчитали, что меня, знающего разные языки, можно использовать в качестве переводчика. Вернувшись домой, я рассказал детям, какой чин получил их отец. Они долго смеялись.

Отмена «звания» спецпоселенца стала большим событием для нас и вселила надежду на то, что, возможно, грядут еще большие перемены. Единственное, что омрачало нашу радость: отмена коснулась только меня одного. А значит, нам нельзя уезжать из Якутска. Придется ждать, пока такое же «звание» отменят и для Рахиль.

Шнеур стал советским гражданином. Его зачислили на первый курс института в Якутске, и по положению, касавшемуся детей депортированных, наш сын переставал быть «специально поселенным» сразу же после поступления в высшее учебное заведение.

Однажды, в начале зимы к нам в дом вбежала одна из наших знакомых, молодая женщина Леа Лейбо. Охваченная ужасом, с глазами, красными от слез, и руками, испачканными кровью, она, рыдая, рассказала нам, что ее отец покончил с собой. Он повесился в коровнике, и она только что обнаружила это. Дверь в коровник была заперта изнутри, ей пришлось выбить раму, и она порезала руки. Леа была в шоке, и мы, как могли, стали утешать ее и успокаивать.

Через два дня Лейбо похоронили. Он был одним из тех, кого разлучили с семьей в первые дни депортации из Литвы. Вместе с другими мужчинами его поместили в специальный вагон, который на одном из пунктов следования отцепили от состава. Лейбо отправили в исправительно-трудо-

вой лагерь, и только через десять лет он встретился со своей семьей. Длительное пребывание в лагере расшатало его нервную систему. Он страдал патологическим неврозом и манией преследования. И вот в один из таких моментов отчаяния он не выдержал и покончил с собой.

За несколько лет многие ссыльные свели счеты с жизнью. Далеко не каждый имел достаточный запас сил, чтобы продолжать жить, и зачастую самоубийство оказывалось единственным выходом.

Случалось и так, что люди переступали высокие этические нормы. НКВД всегда высматривал тех, кто пошел бы на то, чтобы сотрудничать с ним и информировать обо всем, что происходит в среде депортированных: о чем говорят, что планируют. Все знали, что НКВД пытался заманить людей или путем обещаний, или с помощью угроз. Некоторые поддавались такому давлению и соглашались быть информаторами. Они принесли много горя своим друзьям и знакомым, которых они сдали всемогущему ведомству. Людей осудили, и долгие годы они провели либо в исправительно-трудовых лагерях, либо в тюрьмах.

Из-за жизни в таком суровом климате у некоторых возникали различные заболевания, в том числе и психические. После длительного периода акклиматизации люди, казалось, привыкали к суровым зимам и резким переменам в межсезонье. Но с течением лет становилось все труднее справляться с этим, как будто в организме истощались резервы.

После четырнадцати лет жизни в Сибири наши силы тоже, казалось, были уже на исходе, и мы все труднее переживали холодную погоду. Когда температура опускалась ниже сорока градусов мороза, мы оба с трудом выходили на улицу — болело сердце, тяжело становилось дышать. Зима 1955 — 1956 годов оказалась особенно суровой, и мы с огромным терпением ждали лета и теплой погоды.

О событиях, происходящих в мире, мы узнавали из сообщений радио и из газет. Редко, когда кому-то из наших дру-

зей удавалось на коротких волнах поймать сообщения зарубежной радиостанции, прорвавшись через информационную монополию советских средств массовой информации. Послушать иностранные радиостанции было не так-то просто. Их глушили мощными звуковыми экранами со станций, которые окружали города.

В первых числах марта 1956 года мы услышали по радио, что датская правительственная делегация во главе с премьер-министром Х.К. Хансеном прибудет с официальным визитом в Москву. К тому времени наша переписка с родственниками из Дании стала регулярной.

Рахиль

Мы часто писали друг другу, и по письмам из Копенгагена я знала, что моя семья обратилась к правительству Дании с просьбой помочь нам получить разрешение на выезд. Они пытались получить для нас такое разрешение, чтобы мы хотя бы по туристической визе могли приехать навестить их. Мы не слишком оптимистично были настроены по поводу того, что попытки моей семьи приведут к каким-то положительным результатам, но известие о визите премьер-министра Х.К. Хансена вселило в нас новую надежду.

Через несколько дней после этого известия к нам неожиданно пришел бывший ученик Израэля в вечерней школе лейтенант НКВД Мамотенко.

Нас удивил его неожиданный визит и особенно тот интерес, который он проявил ко мне и моей семье. Мамотенко задавал подробные вопросы об отношениях в нашей семье, о моей маме, братьях и сестрах, спрашивал о том, где они живут, сколько им лет, чем они занимаются. Я отвечала ему подробно, и, наконец, он спросил, скучаю ли я по своей семье в Дании. «Конечно, скучаю, — ответила я. — Скучаю о них каждый день вот уже пятнадцать лет, как я здесь, и буду

скучать и по моей родине и по моим любимым до самой смерти. Любой человек, оказавшись в моей ситуации, будет испытывать то же».

Мамотенко поблагодарил нас за беседу, и, когда он уходил, я не удержалась и спросила его: «Вы знаете что-то о моей семье? Если знаете, то что?» Мамотенко покачал головой. Он не смог сдержать улыбки. Это была двусмысленная улыбка.

Рахиль — Израэль

Через два дня мы получили длинную телеграмму из посольства Дании в Москве. Посольство информировало нас о том, что вопрос о нашем выезде обсуждался на самом высоком уровне во время недавнего визита премьер-министра Х.К. Хансена в Москву. Советская сторона засвидетельствовала, что положительно рассмотрит наше заявление о разрешении на выезд. Поэтому посольство рекомендовало нам немедленно обратиться за получением этого разрешения и просило информировать о том, как пойдут дела.

Датской делегации удалось убедить советских руководителей. Они пообещали, что нам разрешат выехать из страны, но наш горький опыт показывал, что много, очень много времени может пройти со дня получения обещания до его выполнения.

Сначала мы пошли в ОВИР, организацию, занимающуюся выдачей разрешений и виз для выезжающих за границу. Нам выдали кипу длинных анкет, которые предстояло заполнить, подробно отвечая на вопросы о нашей жизни, образовании, о поездках, о членстве в партийных, культурных или спортивных организациях. Так же подробно мы отвечали на вопросы о наших родственниках, кто они и где живут.

Шнеур уже несколько лет был членом ВЛКСМ. Как и другие, комсомольцем он стал автоматически. У тех, кто от-

казывался вступать, могли возникнуть неприятности — вплоть до отчисления из института.

Комсомольцы — авангард молодежи. Они активно поддерживали генеральную линию партии и принимали участие во всех ее делах. Например, в их помощи всегда нуждался сельскохозяйственный сектор, особенно в период уборки урожая, когда комсомольцы отправлялись в колхозы помогать убирать урожай. После первой своей поездки в колхоз Шнеур рассказывал нам, в какой тесноте они жили в грязной вонючей юрте. Каждый день с утра до вечера они работали в поте лица, собирая картошку. А колхозники не работали, считая, что, пока студенты «пашут», они могут отдыхать.

На следующее лето Шнеур решил остаться дома и не пришел в комитет комсомола, когда студентов отправляли в колхоз. Один из секретарей комсомола приходил к нам несколько раз, но Шнеура не застал. Он устроился помощником воспитателя в пионерский лагерь, хорошо там поработал, и когда летние каникулы закончились, получил письменную благодарность от комсомольской организации лагеря. Вскоре начались занятия в институте, и на комсомольском собрании один из секретарей остро критиковал Шнеура за то, что тот подвел своих товарищей, не поехав работать в колхоз. Шнеур спокойно его выслушал, а затем отдал секретарю благодарственное письмо из пионерского лагеря и попросил его прочитать это письмо вслух. Больше никаких выговоров по комсомольской линии у Шнеура не было.

Постепенно почти все сосланные из Литвы собрались в Якутске. И сложилась обширная еврейская община. Мы часто собирались вместе, праздновали Шабат и другие еврейские праздники. Мы много говорили о том, что вот-вот что-то должно произойти и как все эти перемены отразятся на нашем положении.

Наши анкеты, заявления и рекомендательные письма с работы необходимо было представить в ОВИР вместе с семьей фотографиями каждого члена семьи. Мы немедленно

заполнили все заявления-анкеты, ответили на все вопросы и все сфотографировались.

Китайская поговорка гласит: «Даже самая длинная поездка начинается с первого шага». Для нас первым шагом была сдача всех бумаг, документов и фотографий в ОВИР.

Мы мало кому рассказывали о своих планах. Только наши самые близкие друзья знали о них. Мы понимали, что пока нам выдадут разрешения на выезд, пройдет много времени, и рассчитывали остаться в Якутске до окончания школьного года.

Израэль

И вот первый положительный результат: с Рахиль сняли статус спецпоселенца. Теперь нам открыта дорога в любое место Советского Союза, за исключением крупных городов и прибалтийских республик. Мы привели в порядок наш дом с тем, чтобы быстро продать. Конечно, мы его не собирались продавать до тех пор, пока не получим разрешение на выезд.

Как только учебный год закончился, я уволился с работы. Гарриетта и Самуэль ушли из школы, а Шнеур — из института. Прошло два месяца, как мы подали документы в ОВИР. Я пошел наводить справки. Мне сказали, что нас обо всем проинформируют сразу же, как только получат ответ из Москвы.

В один из последних дней августа я подметал улицу перед нашим домом, и вдруг мне пришла в голову мысль, что нам нужно срочно выехать из Якутска в Иркутск. Когда мы получим наши выездные визы, нам гораздо легче будет уехать из Иркутска, потому что там есть прямое железнодорожное сообщение с Москвой по Транссибирской магистрали. Если останемся в Якутске, то выехать будет сложнее, и на это уйдет больше времени.

Рахиль согласилась со мной, и мы приступили к продаже дома. Покупателя нам не пришлось долго искать: он купил дом вместе с мебелью. Наша знакомая приобрела у нас кур. Мы вернули друзьям деньги, которые занимали у них на покупку дома, и у нас еще осталась сумма на дорожные расходы.

С трудностями, но нам все же удалось достать билеты на пароход из Якутска до Усть-Кута, чтобы оттуда по новой железнодорожной ветке доехать до Тайшета, а далее еще примерно девятьсот километров до Иркутска. Там предстояло жить до тех пор, пока не получим разрешение на выезд.

Мы заранее постарались найти место, где сможем остановиться в Иркутске, пока найдем жилье.

Нам повезло: несколько лет назад в Иркутск с семьей переехал один из наших близких друзей, Лейзер Шимберг. Они жили там в большом доме. Я позвонил Лейзеру на работу и рассказал ему о нашей ситуации. Он пригласил нас к себе и сказал, что мы можем жить у них столько, сколько нужно.

За день до отъезда мы все в последний раз сходили на могилу бабушки на кладбище, которое находилось на окраине города, за стадионом. Это был печальный момент для нас. Еще печальней, чем в тот день, когда мы хоронили ее. Мы почувствовали, насколько трагично то, что бабушке было суждено умереть здесь и навсегда остаться в таком далеком и чужом мире.

Рахиль — Израэль

Наш отъезд из Якутска стал большим и незабываемым событием. Заканчивался пятнадцатилетний период нашей депортации, и, может быть, начинался последний этап нашего пути домой.

Багажа у нас было мало, и, уместившись на повозке, запряженной лошадей, мы поехали на пристань. Несколько наших друзей и знакомых пришли проводить нас. Некоторые

признались, что завидуют нам. Но теперь мы были уверены, дорога открыта всем, и это вопрос времени: кто раньше, кто позже. И все наши близкие друзья, за некоторым исключением, в конце концов, уехали из Якутска, чтобы поселиться под более ясными небесами. Когда пароход отчалил, мы увидели, как друзья вынули платки из карманов и стали махать нам вслед. Многие плакали.

Нас же охватило странное, незнакомое до сих пор ощущение. Казалось невероятным, что в такую поездку мы отправились сами. Нам трудно было осознать, что теперь ни у кого не нужно спрашивать разрешения, что мы можем ехать совершенно свободно. У нас были отличные каюты, и нам все нравилось. Проплывая мимо Покровска, мы узнавали все дома. Увидели мы и наш дом, где жили последние годы и где так часто мечтали о том дне, когда будем проплывать мимо на пароходе, который увезет нас отсюда. Время покинуть Якутию и, возможно, продолжить путь на запад, наконец-то, пришло.

Через неделю мы прибыли в Усть-Кут, на конечную пристань на реке Лене. Отсюда по новой железнодорожной ветке мы должны ехать в Тайшет. Станция находилась примерно в четырех километрах от пристани. Несколько солдат помогли нам донести багаж. Они закончили свою службу в Тикси и теперь возвращались домой. Они были счастливы и всю дорогу от Якутска до Усть-Кута развлекались, пели и танцевали. Среди них было несколько еврейских юношей, и мы пригласили их в нашу каюту отпраздновать еврейский Новый год, который пришелся на один из дней нашего плаванья.

Даже с помощью солдат мы очень долго добирались до станции. Но когда, наконец, добрались, поезд на Тайшет уже ушел, и нам пришлось целые сутки ждать другого. Вместе с солдатами и другими опоздавшими пассажирами мы ночевали в зале ожидания на вокзале — кто на полу, кто на скамейках. Наученные горьким опытом четырнадцатилетней дав-

ности, когда у нас украли мешок муки, мы спали по очереди, присматривая за багажом, который положили рядом. На следующий день впервые за четырнадцать лет мы сели в поезд. Несмотря на то, что нам пришлось сидеть на так называемых жестких местах во втором классе, эта поездка, по сравнению с транспортировкой в вагонах для скота, показалась нам роскошной. Самуэль первый раз в жизни ехал в поезде, и ему все было интересно. Он бегал везде, но больше всего ему хотелось попасть в кабину машиниста. Мы с трудом утихомирили его.

Как и многие железные дороги в СССР, ветку из Усть-Кута до Тайшета построили заключенные ГУЛАГа. Часть дороги еще достраивалась, и на таких участках поезд шел очень медленно. Несколько раз мы видели заключенных, укладывающих шпалы и рельсы. Их охраняли солдаты с автоматами и овчарками на поводках.

На других участках мы видели типичные тюремные бараки, окруженные забором с колючей проволокой и сторожевыми вышками.

Израэль

Я стоял в коридоре у окна, когда мы проезжали мимо одного такого лагеря. Рядом со мной стоял пассажир, довольно еще молодой, хорошо одетый и аккуратно подстриженный. Не знаю зачем, но, обращаясь к нему, я сказал, что самое лучшее, если в будущем таких сторожевых вышек не останется — очень нехорошо, если иностранцы увидят эти отвратительные строения. Мой сосед не согласился: «Как знать, — ответил он, — может быть, эти тюремные бараки и сторожевые вышки нам еще пригодятся». Мне не хотелось вступать с ним в дискуссию, но про себя я подумал, что, возможно, он прав. В том смысле, что советская страна не мыслит себя без таких сооружений.

На следующий день около пяти часов утра мы были уже в Тайшете. Здесь нам нужно было пересестъ на другой поезд и ехать в Иркутск. Еще в поезде нас предупредили, что на станции будет такое скопление, что нам едва ли удастся приобрести билеты. Задание купить билеты получил Шнеур. Как только поезд стал подходить к станции и снизил ход, он выпрыгнул из вагона и помчался к билетной кассе. Все получилось удачно, Шнеур купил билеты, и у нас у всех были места. Нам пришлось ждать два часа, пока поезд-экспресс пришел из Москвы.

Опять наши друзья-солдаты помогли нам донести багаж, и мы распрощались. За долгую дорогу мы их хорошо узнали, и нам было немного жалко расставаться с ними, зная, что больше никогда не встретимся.

Из Тайшета наш поезд снова пошел на восток, в сторону Иркутска. Экспресс из Москвы был оборудован в духе лучших международных поездов — просторные купе, чистые полки, красивые теплые одеяла и белые простыни. Такую роскошь мы не видели уже много лет. В нашем вагоне была очень дружелюбная проводница. Она принесла нам чай и проследила, чтобы всем было удобно. Вскоре мы крепко заснули и спали все следующее утро до прихода поезда на станцию Иркутск.

ГОСТИ КОРОЛЕВСКОГО ПОСОЛЬСТВА

Рахиль — Израэль

В Иркутске на станции нас встретили трое: Лейзер, его жена и сын. Было замечательно, что впервые за все годы нашей депортации нас встретили. Пятнадцать лет нас перевозили с места на место без всякой цели и без всякого представления о будущем. А теперь мы, наконец-то, сами впервые выбрали, куда нам ехать, и постепенно, но все же стали привыкать к нормальным ощущениям обычных людей. Мы с вокзала поехали к Шимбергам домой, где в наше распоряжение была выделена комната. В доме площадью около девяносто квадратных метров теперь жили одиннадцать человек. И хотя Шимберги оказали нам невероятное гостеприимство, мы не могли оставаться у них долго и на другой день стали искать жилье.

Иркутск — красивый город с огромными возможностями и привлекательными местами, о которых мы никогда и не знали. Он основан более трехсот лет назад. Это один из самых крупных и значимых городов Сибири, в нем много промышленных предприятий, несколько институтов, отделение Академии наук и разнообразная активная культурная жизнь. В то время там было около четырехсот тысяч жителей. Река Ангара разделяет город на две части. Широкие улицы и зеленые скверы делали Иркутск очень приятным городом.

Люди в Иркутске выглядели, как европейцы. Мы хорошо помним, какое впечатление произвели на нас мужчины и

женщина, шедшие под руку. Такого мы не видели за все годы жизни в Якутии. Дети наши были счастливы, что мы сюда приехали. Они быстро освоились, у них появились новые друзья. Особенно нравилось новое окружение Самуэлю, и он стремился все обследовать. Впервые в жизни он увидел трамвай и, даже не спрашивая нашего разрешения, решил сразу опробовать этот «необыкновенный» вид транспорта. Когда прошло несколько часов, и он не вернулся, мы забеспокоились: уж не случилось ли с ним что-нибудь? Вернулся он в приподнятом настроении, с восторгом рассказывая о своих впечатлениях. Почти каждый день он исчезал из дома на несколько часов, чтобы покататься на трамвае. Вскоре он стал ориентироваться в этом большом городе так же хорошо, как и в тайге.

Через две недели мы нашли маленькую квартиру, состоящую из комнаты и кухни, и арендовали ее за приемлемую для нас цену.

Квартира находилась в старом деревянном доме, недалеко от центра города, на улице Октябрьской Революции. На противоположной стороне улицы — большая и шумная фабрика.

Гарриетта и Самуэль пошли в школу, Шнеур продолжил занятия в институте. Но мы не думали оставаться в Иркутске надолго, и поэтому Израэль не стал устраиваться на работу. Мы рассчитывали, что сможем прожить на деньги, оставшиеся от продажи дома, и надеялись, что нам не придется долго ждать завершения процедуры оформления документов.

Климат в Иркутске значительно мягче, чем в Якутске, и зима наступает намного позднее. Мы чувствовали себя гораздо лучше, несмотря на то, что жилищные условия оставляли желать лучшего. Квартира была очень сырой, с низкими потолками, и нам едва хватало всем места. Для Гарриетты и Самуэля мы купили детские кровати. Что касается снабжения водой, то к нам прямо во двор приезжала водо-

возка, и из всех соседних домов подходили люди и набирали воду в ведра.

Воду мы могли брать и из водоразборной колонки, которая находилась недалеко от нашего дома. Продуктовое снабжение в Иркутске тоже было лучше, чем в Якутске, хотя так же, как и там, некоторых продуктов не хватало. Летом и осенью на рынках появлялись фрукты и овощи из южных районов. Приезжали торговцы даже из Грузии и продавали фрукты по очень высоким ценам.

Время шло, но ничего не менялось. Наконец, в ноябре мы почувствовали, что вскоре что-то должно произойти. Когда приехали в Иркутск, мы сообщили о себе в местное отделение ОВИРа, так что они знали, как нас найти. В середине ноября оттуда пришла открытка с просьбой прийти к ним. Все наши надежды рухнули, когда в ОВИРе нам показали письмо из Москвы, в котором сообщалось об отклонении нашего заявления о получении разрешения на выезд. Это был тяжелый удар для нас. Мы надеялись, что все основные трудности уже позади. Но, видимо, СССР — не та страна, от которой можно легко освободиться. Мы были страшно разочарованы и подавлены. И когда вернулись домой, дети без слов поняли, что произошло.

Отклонение наших заявлений на получение виз означало, что в Иркутске нам, вероятно, придется задержаться надолго. Конечно, нас не покидала надежда, но мы еще раз убедились в том, что борьба не закончена, и предстоит еще сделать много, пока советские органы власти выпустят нас из своих цепких рук.

Израэль

Мне нужно было искать работу, и вскоре к длинному списку профессий, которые я уже приобрел, добавилась еще

одна. Я стал переводчиком в научно-исследовательском институте, который специализировался на проектировании и изготовлении оборудования для химической промышленности. Мое новое место работы сокращенно называлось НИИХиммаш, такие «высокотехнологичные» аббревиатуры теперь стали широко использоваться в русском языке.

Институт находился в центре города, и на работу и с работы я ходил пешком. В институте занимались проектированием и подготовкой технической документации для строительства химических заводов. Они должны были работать на электроэнергию крупных гидроэлектростанций, которые предполагалось построить в этой части страны. Вместе с другим переводчиком я просматривал научные журналы из Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Германии. Если кто-то из руководства института проявлял интерес к какой-нибудь статье, я должен был скрупулезно перевести ее. В институте работали химики, инженеры, строители. Вскоре я освоился, и с некоторыми из них подружился.

Рахиль

После посещения ОВИРа стало особенно тяжело. Ведь нам казалось, что наш отъезд близок, а вышло, что нет. Снова полная неопределенность, снова нужны силы, чтобы выдержать новые испытания и не потерять надежду. И опять у меня появилось сомнение, сможем ли мы выбраться. После стольких лет жизни в Сибири мы были измождены и психологически, и физически.

Спустя некоторое время после получения отказа на выдачу виз, я села и написала письмо в посольство, чтобы узнать, что произошло и что нам теперь делать.

*Иркутск, 5 ноября 1956 года
Посольство Королевства Дании в Москве*

Уважаемые господа,

Не получив до сих пор ответа на мое последнее письмо от 7 октября 1956 года, я решила написать вам еще раз. Местные власти информировали нас о том, что Советское правительство отклонило наши заявления на получение разрешения на выезд в Данию.

Я ничего не могу понять. В вашей телеграмме от 9 марта вы сообщали нам, что Советское правительство дало нам разрешение на выезд в Данию. Мы поняли так, что разрешение получено и остается решить только формальности, и мы стали действовать согласно вашим указаниям. Мне бы очень хотелось узнать причину внезапной перемены. Конечно, я не теряю надежды и до сих пор верю, что мы все-таки получим разрешение выехать, несмотря на отклонение наших заявлений. Я надеюсь, что органы власти примут во внимание слабое физическое состояние моего мужа, которому очень трудно работать.

Столько людей сейчас возвращаются в свои родные места, и мне бы тоже хотелось быть среди них, и, наконец, увидеть свою мать, братьев и сестер, которые скучают и жаждают встречи с нами.

Я прошу вас сообщить мне, следует ли нам писать другие заявления, и если так, то кому их направлять, или посольство само предпримет необходимые шаги. Если бы я знала, что это поможет, то я бы смогла приехать в Москву одна, без мужа. Как вы к этому относитесь? Я не знаю, как я сообщу об отказе моей маме, братьям и сестрам. Это будет ударом для них, особенно для моей старой мамы. Надеюсь вскоре получить от вас ответ и прошу вас подтвердить получение моего письма.

С наилучшими пожеланиями

Рахиль Рахлин

РС. Наш новый адрес: улица Октябрьской Революции, 10, кв. №3.

Вскоре после этого мы получили ответ из посольства. Нам написали, что они не забыли о нас, что будут продолжать работать, чтобы нас освободить и чтобы мы не теряли надежду. Это письмо ободрило нас. Мы знали, что есть еще люди, которые хотят нам помочь.

*Посольство Королевства Дании
Москва, 25 февраля 1957 года Дело №35.j.1*

*Г-же Рахиль Рахлин
Иркутск*

Уважаемая г-жа Рахлин,

Настоящим я подтверждаю получение вашего письма от 5 декабря 1956 года. Хочу написать вам несколько слов, поскольку знаю, с каким нетерпением вы ждете ответ на ваше заявление о получении выездных виз. Очень сожалею, но в настоящее время, я не могу вам сообщить то, что вы хотите услышать, а именно: что советские органы ответили согласием на вашу просьбу. Появились некоторые неожиданные трудности, которые мы не можем понять, касающиеся ранее данного обещания советских руководителей, возможно, из-за каких-то недоразумений. Чтобы разрешить эти недоразумения понадобится некоторое время, поэтому я пожелаю вам набраться терпения и не терять надежду.

*С наилучшими пожеланиями
Алекс Мерк*

Рахиль – Израэль

Из Иркутска стало легче вести переписку с моими датскими родственниками. Письма шли недолго, а посылки, которые мы часто получали, приходили через две-три недели.

Поскольку от Копенгагена до Иркутска около восьми тысяч километров, то это было большим достижением. Мы настроились на то, что зиму проживем в Иркутске, но каждый день просыпались с мыслью сесть на поезд до Москвы, чтобы потом уехать в Данию. И так, нам ничего не оставалось делать, как только ждать и надеяться, что нам все-таки удастся уехать.

Мы стали чаще встречаться с нашими друзьями, и время проходило почти незаметно, тем более что в Иркутске было чем заняться. Мы ходили в театр, на концерты и очень часто в кино. Самуэль стал самым страстным любителем кино, и, пока мы жили в Иркутске, он не пропустил ни одного фильма.

Естественно, мы пытались догадаться о возможных причинах отказа в выдаче виз. Ведь в ОВИРе нам никто не объяснил этих причин, да и мы в этой организации не стали интересоваться: бесполезно. Только после приезда в Данию мы узнали о событиях в Венгрии и о том, что критика датским правительством вторжения советских войск в Венгрию не понравилась Москве. Ухудшение международного климата, последовавшего за венгерской драмой, и стало косвенной причиной второго отказа в получении выездных виз.

Зима в Иркутске не такая, как в Якутске, даже если температура опускалась до минус двадцати — сорока градусов. В течение всей зимы было много солнечных дней, а уже в начале февраля солнце пригревало так хорошо, что стали оттаивать наросты льда на оконных стеклах. Вода стекала на подоконник и грозила протечь на пол. Способ, которым пользовались в Якутии, чтобы этого не случилось, заключался в следующем: на всю длину подоконника клали свернутую жгутом полоску ткани. На каждую сторону подоконника подвешивалась бутылка; в эти бутылки опускали концы жгута, который собирал воду. Бутылки опорожняли по мере наполнения. Эта простая, но эффективная

дренажная система являлась предвестником приближающейся весны.

Чтобы наверняка купить что-нибудь в продовольственном магазине, приходилось подниматься с постели очень рано и вставать в очередь задолго до его открытия. Тогда могло повезти, и можно было купить молоко, масло, яйца, а если уж совсем везло, то и мороженого китайского цыпленка.

В то время отношения между Советским Союзом и Китаем были тесные и дружественные. В разных институтах Иркутска училось много китайских студентов.

Рахиль

Двадцать восьмое мая 1957 года. Обычный день нашей будничной жизни. Израэль и дети ушли, а у меня в полном разгаре уборка дома.

Почтальон обычно приходил около десяти часов, но не было еще и девяти, когда через кухонное окно я заметила, что он идет к нашему дому, и у него нет его обычной сумки. Оказалось, что это почтальон, который разносит только телеграммы.

В телеграмме датского посольства сообщалось, что всей семье Рахлиных разрешено получить выездные визы, и теперь нам нужно связаться с советскими властями в Иркутске, чтобы выполнить необходимые формальности. Сердце мое учащенно забилося из-за абсолютно фантастического сообщения, которое я только что прочла. Я так долго ждала его, что мне было трудно поверить, что оно на самом деле пришло. Потом я вдруг засомневалась, еще раз прочитала невероятную телеграмму и подумала о том, что до тех пор, пока мы не уедем из этой страны, определенности в нашей жизни не будет.

Еще не было десяти, когда я стояла у ворот НИИХиммаша. Я обратилась к охраннику, чтобы он нашел Израэля и по-

просил его выйти ко мне — внутрь без специального разрешения заходить категорически запрещалось.

Увидев меня, Израэль испугался. Он подумал, что произошло что-то ужасное. Но я его быстро успокоила, сказав, что принесла счастливое известие. Страх его сменился радостью, так же, как и у меня, смешанной с неверием и скептицизмом. Через несколько минут мы собрались с мыслями и решили пока не обращаться в ОВИР. Мы боялись, что туда еще не пришло сообщение из Москвы, и если мы придем в ОВИР сейчас, то рискуем получить новый отказ и все опять отложится месяцев на шесть. И уж тогда точно бесполезно будет обращаться к ним раньше, чем эти месяцы истекут.

По дороге домой я спрашивала себя, что буду ощущать, вернувшись в Данию через столько лет. Многие изменилось за двадцать два года, пока меня там не было, и, возможно, это будет возвращением в совершенно другую страну. Конечно, и я изменилась. Прошедшие годы оставили свой отпечаток; мои привычки, мое отношение к жизни давно уже не такие, как у членов моей датской семьи, да и у любого живущего в Дании. Я понимала, что там мы столкнемся с новыми проблемами и переход к другой жизни будет не самым легким.

У нас наверняка возникнут финансовые трудности — ведь нам придется все начинать сначала. Детям нужно дать надлежащее образование, чтобы потом они могли справляться с проблемами сами. И, конечно, я думала о том, что Израэлю уже пятьдесят лет, и он не говорит по-датски.

Когда Израэль пришел домой, оказалось, что его тоже одолевали те же мысли, и он спросил меня, представляю ли я, сколько проблем появится у нас, когда мы приедем в Данию. «Если мы сумели справиться со всеми проблемами в Сибири, — ответила я, — то и в Дании тоже справимся».

Через неделю я решила пойти в ОВИР. После недолгого ожидания меня проводили в кабинет, где среднего возра-

ста человек, бросив на меня испытующий взгляд, спросил, что я хочу. Я ответила, что пришла узнать, есть ли ответ на наше заявление на выездные визы в Данию. Ленивым движением он взял папку с бумагами, просмотрел содержимое, вынул какой-то документ и сказал: «Мы получили указание из Москвы, что если вы обратитесь за выездными визами, то нам следует проинформировать вас, что они будут выданы». Очень странная манера изложения.

Но суть была в том, что в ОВИРе не собирались предоставлять нам никакой информации, если бы мы сами туда не обратились. Теперь мы пришли, и мне сказали, что нам нужно заполнить дополнительные анкеты и внести в сберкассе задаток за наши паспорта.

Наконец-то! Наконец-то все оборачивалось так, как будто наша поездка становилась реальностью. Однако наученные горьким опытом и вспоминая бесчисленные разочарования, мы не стали радоваться заранее. Решили идти шаг за шагом. До тех пор, пока не получим паспорта.

Рахиль — Израэль

Все последующие дни у нас в семье только и говорили о предстоящей поездке и о том, что будет значить для нас переселение в Данию. До сих пор идея обосноваться в этой стране представлялась абстрактной и нереалистичной, но теперь, когда она, кажется, становится реальной, мы оба должны были все тщательно продумать, что делать и как подготовиться. Мы понимали, что нам придется строить нашу новую жизнь с самого начала, и что это нелегкая задача. Шнеур спрашивал нас, сможет ли он закончить свое обучение, мы обещали ему, что сделаем все, чтобы это получилось. Мы не могли много рассказать детям про Данию и про жизнь на Западе. Рахиль разучила с детьми немало датских песен, и они, конечно, знали сказки Андерсена в русском переводе. Но они

не говорили по-датски, и ничего не знали о культуре Дании. Однако детям очень хотелось поехать. Им хотелось увидеть Данию и родственников. Все трое думали о том, как будет замечательно, что у них вдруг появятся бабушка, дяди, тети, кузены.

Размышляя о радостях воссоединения, мы задавались вопросом: не найдут ли власти в последнюю минуту какую-либо причину, чтобы помешать нам уехать? Мы не исключали и того варианта, что они разрешат уехать только Рахиль и детям, а Израэлю прикажут остаться. Нечто похожее уже было в Якутске, и мы бынисколько не удивились, если бы они сделали это снова. Или могут призвать Шнеура в армию. Короче говоря, у них так много возможностей удержать нас, что мы не можем быть уверены ни в чем, пока не уедем из страны.

Известие о нашем возможном отъезде стало настоящей сенсацией в колонии ссыльных. Для них наш пример имел очень большое значение. Он явился предзнаменованием, что и им тоже разрешат вернуться в Литву, откуда они смогут уехать дальше на Запад. Многие наши друзья долгие годы шутили по поводу того, что мы продолжали упорствовать в получении разрешения на выезд в Данию. Они считали это совершенно безнадежным делом и советовали отказаться от всех наших попыток и уберечь себя от лишних забот. А теперь они пришли, чтобы поздравить нас и сказать, что восхищены нашим мужеством и настойчивостью. Они все говорили, что наш предстоящий отъезд станет сигналом для всех начать борьбу за возвращение в Литву.

Мы стали обсуждать, что из нашего гардероба взять с собой, а что продать на барахолке. Мы, например, решили, что нам не нужно брать с собой зимнюю одежду: валенки, ватные жакеты и брюки, меховые перчатки и меховые шапки. Все эти вещи мы отложили в сторону, приготовив к про-

даже на следующий день. Мы были уверены, что они нам больше не понадобятся.

Июнь прошел без каких-либо изменений. Мы с нетерпением ждали сообщения из ОВИРа. И вот День настал. Случилось это в начале июля.

Утром почтальон принес нам открытку. В ней нас просили прийти в ОВИР. Через несколько часов мы пришли туда и получили наши паспорта. На оформление формальностей много времени не ушло, а когда вышли на улицу, то обнимали друг друга, смеялись и плакали от радости. Радость и счастье, которые мы ощущали в тот момент, были огромны. Наши стремления, усилия моей семьи и правительства Дании за все эти годы... Сколько их было? Неужели они оправдались?

Мы начали готовиться к отъезду.

ИЗРАЭЛЬ

Первое, что я сделал, это уволился с работы. Директор не совсем понял, когда я, подойдя к нему, сказал что хочу уволиться, потому что уезжаю из Иркутска. Он знал, что я из Литвы, и был уверен, что я уезжаю туда с семьей. Он стал заверять меня, что в Литве я не получу такую хорошую квартиру, какую мне обещали дать осенью в НИИХиммаше. И тогда я сказал ему, что мы уезжаем не в Литву, а в Данию. Он посмотрел на меня с удивлением и сказал, что нам нужны заграничные паспорта, чтобы уехать в Данию. Я показал ему свой новый паспорт, и это убедило его в том, что бесполезно меня уговаривать остаться. Он поздравил меня, добавив, что ему жаль терять такого прекрасного специалиста.

Администратором в НИИХиммаше работал Иван Иванович. Одной из его задач было доставать авиа и желез-

нодорожные билеты для сотрудников института. Мы уже обсуждали дома, как и где купить билеты на поезд до Москвы. Оказалось, что это довольно сложно. И теперь я вспомнил, что, вероятно, Иван Иванович сможет помочь нам. Когда-то он занимал большой пост, но был понижен в должности из-за того, что любил выпить. Я пошел к нему и рассказал о своей проблеме. Сказал, что если он с помощью своих контактов в билетной кассе достанет нам билеты, то за мной будет обед в ресторане. Он ответил мне неодобрительным жестом, означающим, что мы друзья, и он рад мне помочь.

В следующее воскресенье мы поехали с Рахиль на барачолку продавать наши зимние вещи. Они вместились в одну сумку, и меньше, чем за час мы все продали. С мебелью распростились еще легче. Две кровати, две раскладушки и пять табуретов продали соседям и знакомым, которые все забрали за день до нашего отъезда.

Иван Иванович попросил меня придти к билетной кассе, «где все мне сделают». Рахиль не была уверена, что «мой друг» сдержит слово, и решила поехать со мной, чтобы в случае необходимости встать в очередь. Когда мы подошли к билетной кассе, Иван Иванович взял меня под руку и повел к начальнику, представив меня сотрудником НИИХиммаша, уезжающим в Данию с семьей. Он представил все дело так, что начальник поверил, что это институт отправляет меня с семьей в Данию. В конце концов начальник написал записку и направил нас к кассиру за билетами.

Через некоторое время у меня в руках оказалось пять билетов, за которые я заплатил тысячу семьсот рублей. В кармане у меня еще оставалось двести рублей, которые я отдал Ивану Ивановичу. Он не хотел брать деньги, но мне удалось убедить его, что этого как раз хватит на скромный обед в ресторане — в благодарность за помощь. Рахиль за всем

этим наблюдала с некоторого расстояния. Потом она подошла и пожалала Ивану Ивановичу руку.

Мой последний рабочий день в Советском Союзе прошел так, как будто ничего не случилось. Я вел себя очень спокойно и так же спокойно попрощался со своими коллегами, которые пожелали мне всяческих успехов. Впрочем, незабываемое впечатление на меня произвел один небольшой случай.

Я ходил в НИИХиммаш вместе с одной из сотрудниц, Людмилой Николаевной, она жила в доме рядом с нами. Это была образованная и мудрая женщина, и по дороге на работу у нас находились разные интересные темы для разговоров. Однажды Людмила Николаевна рассказала мне, что у нее много знакомых датчан. Они приезжали в Иркутск по заданию компании «Сторэ Нордиске», у которой было много проектов по Сибири. Людмила Николаевна рассказала мне, что она часто вспоминает своих датских знакомых, среди которых были техники и инженеры. Эти высокие красивые мужчины были очень внимательны и вежливы по отношению к русским женщинам. И в то утро я сказал ей, что в последний раз мы идем с ней на работу вместе, потому что наша семья уезжает на родину красивых техников и инженеров, на родину моей жены. Людмила Николаевна неожиданно остановилась, посмотрела на меня и сказала: «Никогда за все свои пятьдесят лет я никому не завидовала, но вам завидую. Мне так хочется увидеть Данию!» Я не знаю, что вызвало такую неожиданную реакцию Людмилы Николаевны — то ли воспоминания о ее датских знакомых, то ли еще что-то, но меня удивила ее откровенность. Такое не приходилось слышать. Этот маленький эпизод явился знаковым эпизодом. Он подтвердил мое мнение, что в Советском Союзе наступают новые времена. Уже ощущалась оттепель, начатая Хрущевым. Последствия ее мы увидим позже, но к тому времени мы уже будем далеко...

Рахиль — Израэль

Утром 12 июля на подводе мы поехали на железнодорожный вокзал. Наши друзья пришли туда попрощаться с нами. А один из них, Волик Бернштейн, принес нам подарок — русско-датский словарь, который каким-то необъяснимым образом ему удалось достать в Иркутске и который позже нам очень пригодился.

Проводница не разрешала заносить в вагон один из наших чемоданов из-за того, что он был слишком большой. Мы знали, как решить эту проблему. Десять рублей в корне изменили ситуацию, наш чемодан сразу же стал меньше, и все вошло в нормальную колею.

Мы попрощались с нашими друзьями, поблагодарив их за помощь, и обещали написать им тотчас, как приедем в Данию. После объятий, поцелуев и слез, мы зашли в вагон, но через открытые окна продолжали переговариваться до последней минуты. Небольшой толчок — поезд медленно тронулся. Мы продолжали махать друзьям из окна вагона, пока состав не повернул, и они не исчезли из вида.

Это был хорошо оборудованный и комфортабельный поезд, и мы себя в нем хорошо чувствовали. Мы были невероятно счастливы и полны ожиданий. Устроившись в купе, сели и выпили по стакану вина за нашу счастливую поездку и приезд в Данию.

Это, возможно, была самая радостная поездка за всю нашу жизнь. Мы все свободны и наконец можем уехать из Сибири. Мы расслабились и проводили время в разговорах о том, как нас встретят в Москве, а потом в Копенгагене. Мы много говорили об этом, но оба с трудом представляли, какая теперь жизнь в Дании — прошло столько лет, и многое могло измениться. Мы не беспокоились о том, как устроим детей. Все трое были хорошо подготовлены к предстоящему переходному периоду, и хотя они не говорили по-датски, с немец-

ким языком у них не было проблем, потому что между собой мы всегда разговаривали на нем. Все трое его понимали и могли хорошо изъясняться. Да, трудности будут и с работой, и с жильем, и с созданием нормальной семейной жизни, но это уже будут самые обычные трудности самых обычных европейцев.

Из окон мы видели города, мимо которых проезжали шестнадцать лет назад. И, читая названия станций: Красноярск, Новосибирск, Омск, Свердловск, мы неизменно вспоминали то страшное время, когда нас везли в противоположном направлении, в переполненном вагоне для скота. Казалось, прошла вечность. Теперь мы ехали обратно. Ехали без охранников и в направлении, которое сами выбрали. Позади мы оставили жизнь, полную горьких испытаний, переживаний и приобретенного полезного опыта. Мы еще не могли составить целостного представления о том, через что мы прошли. Что все минувшее значило для нас и какими мы стали? Все это должно было дождаться своего часа. Только тогда мы сможем посмотреть на прошлое с расстояния. А сейчас нужно приготовиться к грядущим переменам, которые тоже могут принести свои сюрпризы.

Недалеко от Свердловска мы пересекли границу между Азией и Европой. Сибирь осталась позади. Мы снова подняли стаканы.

На шестые сутки мы прибыли в Москву. Еще до остановки поезда, через окно мы заметили, что «Дания» встречает нас. На платформе было многолюдно, но мы сразу же увидели мужчину, который был выше всех и одет по-западному. И что особенно бросилось в глаза — его галстук-бабочка, который указывал на то, что он иностранец. Русские не носили тогда таких галстуков. Рахиль сразу сказала, что он датчанин.

Когда мы вышли из вагона, этот человек подошел к нам и, представившись господином Левальдом из посольства Дании, поздравил нас с прибытием в Москву.

Рахиль

Я была вне себя от радости, когда впервые за много лет услышала кого-то говорящего по-датски. Так было странно услышать снова датскую речь! Я подумала, что мне, знавшей язык с детства, нужно теперь привыкать к звукам и словам, так хорошо знакомым мне и в то же время звучащим, как чужие.

Мы поинтересовались, в какой гостинице будем жить. Господин Левальд сказал, что гостиницу нам не бронировали, так как заказаны билеты на поезд в Хельсинки, отправляющийся в 10 часов вечера сегодня же. Дети были разочарованы: им очень хотелось осмотреть достопримечательности советской столицы, о которой они так много слышали. Однако мы могли задержаться в Москве только на двенадцать часов как гости посольства. Господин Левальд дипломатично сказал нам, что в посольстве сочли, что будет лучше, если мы продолжим наш путь как можно быстрее. Мы не возражали. Мы хорошо понимали, почему в посольстве не хотели, чтобы мы оставались в Москве на более длительный срок.

Вокзал, с которого нам предстояло уехать в Хельсинки, находился рядом, поэтому решили сдать багаж в камеру хранения. Дежурный не хотел принимать весь багаж, но проблемы решили обычным способом, и мы отправились в датское посольство. У меня не было никакого желания ехать в город — в посольстве я чувствовала себя в безопасности. Я сказала, что не буду выходить из посольства и останусь здесь до отъезда на вокзал. Я провела весь день, читая старые датские газеты и изучая телефонный справочник в надежде разыскать телефоны моих родственников и адреса моих старых копенгагенских друзей.

ИЗРАЭЛЬ

До отъезда требовалось решить несколько практических вопросов. Прежде всего, забрать билеты на поезд до Хельсинки, затем обменять деньги, проставить в паспорта финские транзитные визы и, наконец, погасить облигации.

С билетами проблем не возникло: их заранее забронировало посольство. Однако обмен рублей на датские кроны оказался сложным. По советским законам для поездки за границу меняли только пятьсот рублей на каждого взрослого члена семьи. По тогдашнему курсу полторы тысячи рублей — это тысяча шестьсот крон. Мы отправились во «Внешторгбанк», где нас попросили оставить паспорта и вернуться часа через два. Оставив паспорта, мы пошли осматривать самый большой город в СССР.

Когда вернулись в банк за деньгами и паспортами, я получил только шестьсот крон. Я сказал, что расчет сделан неправильно. Кассир с удивлением посмотрела на меня и ответила, что расчет правильный, потому что курс, используемый при конвертации, отличается от курса, который я видел напечатанным в газете. В банке просто разные курсы, в зависимости от того, какое лицо меняет деньги и по каким причинам.

Затем мы отправились в финское посольство — ставить транзитные визы. Здесь тоже осложнения. Когда пришли в посольство, выяснилось, что консульский отдел закрыт, а посол, который должен поставить свою подпись на наши визы, уехал в аэропорт встречать короля Афганистана, прибывающего в Москву с официальным визитом. Однако любезная секретарша помогла нам все устроить, и через некоторое время мы зашли к ней на квартиру, находившуюся в доме около посольства, чтобы забрать паспорта с финскими транзитными визами.

Последний пункт нашей московской программы — погашение облигаций. Мы пошли в специальный банк, где могли погасить облигации, которые я собирал в течение пятнадцати лет. После пересчета номера облигаций заносились в различные журналы. Я должен был подписать бесконечное количество бумаг, и меня отсылали от стола к столу, от стойки к стойке. Кульминационный момент настал, когда я должен был получить деньги и паспорт. Но банковский клерк никак не мог найти мой паспорт. От всего этого очень легко было потерять самообладание, чего мне совершенно не хотелось в конце долгого и напряженного дня. В какой-то момент я даже подумал, что это провокация и что они намеренно спрятали мой паспорт, чтобы я не смог уехать. Мы слышали много историй о том, какие фокусы власти и НКВД разыгрывают с людьми, чтобы вовлечь их в какое-нибудь дело. Не исключая и того, что НКВД, который теперь стал называться КГБ, в последнюю минуту захотел разыграть такой фокус и со мной. Однако, судя по лицу клерка, я понял, что паспорт он действительно потерял и очень этим расстроен. Бумаги летали с места на место, пока он рылся на столе. Тем временем я вышел на улицу за Шнеуром, который смотрел, как в сопровождении эскорта проезжает король Афганистана. Шнеур вошел в банк вместе со мной и стал помогать клерку искать паспорт. Несмотря на нервную ситуацию, он, как всегда, был совершенно спокоен и через несколько минут увидел паспорт, лежащий под пишущей машинкой. Я вздохнул с облегчением: наконец-то мы могли вернуться в посольство.

Мы взяли такси и поехали в переулок Островского, где оно располагалось. Здесь нас встретила Рахиль, которая была очень обеспокоена нашим долгим отсутствием. Но вскоре она успокоилась, когда услышала обо всех наших приключениях и поняла, что все закончилось благополучно. Остальную часть дня мы провели в посольстве.

Рахиль — Израэль

Новые впечатления запоминаются надолго. В датском посольстве у нас таких впечатлений было много.

Во-первых, нас спросили, не хотим ли мы посмотреть телевизор. До сих пор никто из нас телевизора не видел, и нас всех интересовало, что это такое. Включили программу новостей, и я помню наше изумление, когда на маленьком экране появился советский руководитель Никита Хрущев.

В посольстве нас пригласили на ужин, где подавали датскую еду, датское пиво и напитки. Сервировка стола — красивые тарелки, бокалы, столовые приборы — произвела на нас огромное впечатление. Баночное пиво мы тоже видели впервые. А когда дети, на все смотревшие с таким удивлением, что глаза у них вылезали из орбит, побывали в ванной и туалете, снабженном туалетной бумагой, то не могли сдерживать смеха — им все показалось сказочным и очень забавным.

Перед отъездом некоторые работники посольства признались, что они нервничали по поводу нашего приезда, потому что понятия не имели, что мы за люди, поскольку у них уже были довольно неприятные впечатления о других гостях посольства. До нашего приезда, не зная нас, они боялись, что приедут какие-нибудь сибирские дикари. Они рассказывали нам о своих страхах с улыбками и в извиняющейся манере и, вместе с тем, с явным сочувствием к нам. Мы уезжали из посольства, поблагодарив их за помощь и поддержку, которую они нам оказывали долгие годы, и за их гостеприимство в Москве. На вокзал мы приехали задолго до отправления поезда. Получив багаж, сели в вагон, готовые к следующему этапу нашей поездки.

В поезде Москва — Хельсинки у нас были хорошие места, и через десять часов, на следующее утро состав при-

шел в Ленинград. В городе на Неве он простоял пятнадцать-двадцать минут и отправился дальше, в пограничный город Выборг, который до 1940 года был финским городом Виипури. Когда мы приехали в Выборг, в поезде осталось всего двадцать пассажиров, направлявшихся в Хельсинки.

В Выборге состав простоял почти два часа. Весь наш багаж тщательно просмотрели. Таможенники прощупывали даже швы на одежде, проверяя, не зашито ли в них что-нибудь. Перелистали все книги... Это была наша последняя встреча с советскими официальными органами, которая, конечно, напомнила нам о первых обысках в нашем доме в Кибартае перед депортацией. Но это было так давно, что сейчас, уже привыкшие к таким действиям, мы почти не реагировали на неприятные манеры таможенников. Мы были счастливы, что все это скоро закончится, и что уже никогда больше не будет в нашей жизни такого унижения.

Рахиль

С самого начала нашей поездки я твердила себе, что пока мы не пересечем границу, я не поверю в наше освобождение.

За шестнадцать лет в Сибири я научилась не принимать сразу все за чистую монету. Особенно тогда, когда имела дело с официальными советскими властями. Разочарования многих лет и постоянная неуверенность в будущем сопровождавшая нас все эти годы, приучили меня крайне скептически относиться ко всему официальному. К тому же в прошлом мы не раз слышали о том, как обманывали людей в таких же обстоятельствах, чтобы не дать им уехать из страны в самый последний момент. Мы не знали, было ли все это правдой, но этого было достаточно, чтобы сомнения терзали меня. До тех пор, пока мы не пересекли границу.

РАХИЛЬ — ИЗРАЭЛЬ

После проверки паспортов последовала таможенная проверка, и когда все закончилось, мы стали ждать отправления поезда. Дети выбегали и вбегали в купе, нетерпеливые и взволнованные, в предвкушении всего, что их ждет. Поезд охранялся вооруженными солдатами, которые стояли в дверях каждого вагона. Наконец, состав тронулся, и все расстояние до границы он двигался на самой малой скорости. Мы все стояли у окон, чтобы сохранить в памяти наши последние впечатления о советской территории, а потом стали смотреть вперед, в сторону финской границы. Солдаты у дверей вагонов продолжали стоять. Через несколько секунд, после того, как они спрыгнули с подножек вагонов, поезд въехал на финскую территорию. Радость, которую мы так долго сдерживали в себе, выплеснулась наружу. Наша мечта сбылась. Наша невозможная, невероятная мечта о том, что мы когда-нибудь покинем Сибирь, СССР и поедем в Данию, стала реальностью. Наши чувства и переживания в те моменты... Как их описать? Мы только что пересекли государственную границу, разделяющую не только два государства и две нации. Она разделяла два разных мира, и для нас эта линия пересечения ознаменовала наше воссоединение с тем миром, от которого мы были отрезаны шестнадцать лет, и впереди начало совершенно новой жизни. Мы выпили за все это и поздравили друг друга. В посольстве в Москве нам дали с собой несколько банок датского пива, и его мы пили, произнося тосты. Для нас оно было как самое лучшее шампанское.

После проверки паспортов и быстрого таможенного досмотра поезд еще несколько минут стоял на станции. По платформе финская девушка катила тележку с мороженым. Мы хотели, чтобы дети познакомились с западным лакомством, но девушка не принимала датские деньги. Американский репортер, с которым мы разговорились в дороге, подошел к нам, предложив заплатить за мороженое долларовой

банкнотой. Но продавщица не принимала и эту валюту, и только когда финский пассажир, поняв наши проблемы с валютой, достал из кармана финские деньги, проблема с мороженым была решена. Позже, уже в дороге мы пригласили и американца, и финна выпить с нами пива — у нас еще оставались две банки.

Всю дорогу до Хельсинки детей невозможно было оторвать от окон. Их буквально поглотило все то новое и интересное, что они видели за окнами.

Когда поезд остановился в Хельсинки, нас встретил секретарь датского посольства. Дальше мы должны были продолжить наш путь прямо в Копенгаген на корабле. Но, как выяснилось, корабль отправится туда только через два дня. И у нас появилось время осмотреть Хельсинки, немного привыкнуть к новому для нас окружению и собраться с мыслями. Что не так просто после таких ошеломительных впечатлений.

Министерство иностранных дел Дании заплатило за гостиницу и за проезд в Копенгаген. Это был заем, который мы обязаны вернуть, как только сможем это сделать. Датских крон, на которые мы поменяли рубли в Москве, конечно же, не могло хватить, чтобы покрыть дорожные расходы.

Пока мы заполняли все необходимые регистрационные формы в гостинице, Самуэль обследовал большой вестибюль. Вскоре он прибежал обратно, при этом выглядел удивленным и расстроенным. Он рассказал, что увидел что-то необычное и попросил, чтобы мы пошли с ним, и он покажет маленькую комнату, в которую вошла женщина и несколько мужчин. А когда через некоторое время дверь открылась, комната была пуста, и в нее стали входить другие люди. Вскоре после этого дверь снова открылась, и из нее опять вышли совершенно другие люди. Это было самой большой загадкой для него. Мы смеялись. Так Самуэль впервые познакомился с лифтом.

Носильщик не знал, кто мы такие и как к нам обращаться. Номера нам были заказаны посольством, и секретарь посольства привез нас в отель, а в регистрационных карточках

профессию мы не указали. Но он вышел из положения, просто обращаясь к Израэлю «г-н дипломат».

Два дня в Хельсинки — два дня разнообразных ярких впечатлений. Только Шнеур мог смутно помнить, как выглядит ванная и как ею пользоваться. Для Гарриетты и Самуэля это явилось открытием, и с неописуемой радостью они стали проверять, как все работает. Они часами проводили время в ванне и под душем и были вне себя от восторга.

А визит в большой универмаг недалеко от гостиницы? Он оказался одинаково впечатляющим как для нас, так и для детей. Во-первых, поразило огромное количество товаров разного вида и качества. Во-вторых, ошеломило то, что все это можно свободно купить и не стоять в очереди часами. Нам трудно было постичь, какое огромное количество разных товаров есть в наличии для покупателей, и мы с удивлением смотрели на этот оживленный бизнес. Товары не просто выставлены в витринах, чтобы ими восхищались, — они действительно есть в продаже. И все это можно купить, и столько, сколько хочется, — лишь бы денег хватило.

Дети попробовали еще одно чудо — жевательную резинку. Они слышали о ней и в Сибири, но никогда не пробовали, так как там ее не было. Вместо этого, они жевали разные заменители, например, смолу деревьев. Вот почему им так хотелось ощутить вкус настоящей жевательной резинки. Оказалось, что ее можно купить в автоматах на улицах Хельсинки. Опустил несколько монет, повернул ручку — и получи несколько пластинок. До этого дети никогда не видели автоматов, и Гарриетта и Самуэль нашли, что это самое лучшее изобретение в мире, и в течение двух дней, пока мы были в Хельсинки, усердно пользовались им. А Самуэль был в восторге от маленького охотничьего ножа, который мы ему подарили в память о Хельсинки. Мы также купили кое-какие подарки для моих родственников в Копенгагене. В основном все эти дни мы ходили и осматривали окрестности — все было интересным и волнующим. Во

время этих экскурсий мы рассказывали детям об укладе жизни и политическом строе в Финляндии и в других западных странах. Самуэлю было трудно понять, что такое собственность на Западе. Как это возможно, что один человек владеет кинотеатром, а другой — огромным универсамом или гостиницей? Очень нелегко объяснять такие вещи мальчику, который первые десять лет своей жизни прожил в социалистической стране.

Рахиль

Естественно, что мы звонили в Копенгаген. Я вся изнервничалась, пока меня первый раз соединяли. Было трудно разговаривать с братьями, сестрами и с мамой после стольких лет разлуки. Мы хотели столько рассказать друг другу, но не знали, с чего начать. Мы обменялись всего лишь несколькими фразами о здоровье, о нашей поездке и о том, когда мы прибываем в Копенгаген. Невероятно тяжело было разговориться, и мы друг другу обещали, что поговорим обо всем, когда приедем. Детям очень хотелось поскорее увидеться с бабушкой, тетями и дядями, о которых они столько слышали, и они сказали им об этом по телефону.

Рахиль — Израэль

Проведя два прекрасных дня в гостеприимном Хельсинки, мы сели на борт «Ариадны», на которой преодолели последнюю часть нашего долгого пути в Данию. Эта прекрасная поездка продолжалась два дня и позволила нам спокойно завершить переход из одного мира в другой.

У нас было достаточно времени, чтобы обсудить все неминуемые проблемы и привыкнуть к мысли, что начинаем жить в совершенно новых условиях, которые значительно

лучше сибирских, но которые, тем не менее, предъявляют свои требования каждому из нас.

Хотя «Ариадна» и не была новым кораблем и, возможно, видела и лучшие дни, нам всем чрезвычайно понравились и чистота, и комфорт, и хорошее дружелюбное обслуживание. Так что для нас это путешествие было просто роскошным.

Наша первая беседа с пассажирами состоялась прямо на палубе, как только корабль вышел из Хельсинки. С пожилой супружеской парой из Швеции мы говорили сначала о погоде, о Хельсинки, о поездке в Копенгаген. После этих вступительных фраз мужчина сказал, что он сразу догадался, что мы из Советского Союза. Мы не могли понять, почему, поскольку не замечали большой разницы между нами и пассажирами корабля: мы и одеты в западную одежду, которую нам прислали родственники, и лица вполне цивилизованные, и о чем вокруг говорят — понимаем. Однако мужчина улыбнулся и сказал, что дело не в одежде, а в манере разговора друг с другом, по которой он и понял, откуда мы приехали. Он заметил, что перед тем, как начать говорить, мы оба оглядываемся. Мы не могли сдерживать улыбки и в ответ на его пронизательное замечание сказали, что, возможно, будет нелегко избавиться от плохой привычки, которая стала почти рефлексом за шестнадцать лет жизни в Сибири.

Итак, наша поездка заканчивалась. В общей сложности в пути мы находились 129 дней. А с 14 июня 1941 года, когда вооруженные люди погрузили нас в Кибартае в кузов грузовика, и до 22 июля 1957 года, когда мы самостоятельно приехали в Копенгаген, мы в общей сложности покрыли расстояние, равное двадцати пяти тысячам километрам. За шестнадцать лет у нас было двадцать разных жилищ, мы жили в шести разных местах Сибири. Да, нетрудно оценить все, что можем измерить, в цифрах. Но как и с какими мерками подойти к тому, что никакими цифрами не измеряется? Что депортация сделала с нами? Мне теперь сорок восемь лет, Израэлю — пятьдесят. Как оценить эти шестнадцать лет, ко-

торые составили треть всей нашей жизни? Какое они оказали воздействие на нас? Что мы упустили за эти годы и что приобрели? Мы не знали ответов на эти вопросы, которые снова и снова возникали. Понять все, что с нами случилось, и сделать оценку всего в правильном контексте, — на все это нужно время.

Несомненно, мы многому научились за время нашей бурной жизни в Сибири. Это были и горькие, и полезные уроки. Мы узнали о жизни такое, что при других обстоятельствах узнать бы никогда не смогли. И, несмотря на всю горечь и трагизм депортации, мы пережили светлые и счастливые часы, и у нас было немало радости. У нас появились друзья, и наша дружба будет длиться вечно, даже если мы никогда не увидимся с ними вновь.

Теперь мы оказались в начале нового переходного периода. Впервые за шестнадцать лет мы решали и выбирали сами. И именно этот переход мы ждали каждый день, если не каждый час. И сейчас он настает, и мы должны собраться с духом. Мы должны быть готовыми к новым проблемам и испытаниям, которые у нас впереди.

22 июля 1957 года «Ариадна» шла вдоль причала в Лангелинии. В этой гавани Копенгагена уже стояла вся наша семья, которая приехала встретить нас. Как только подали трап, нам разрешили сойти на берег первыми. И через несколько мгновений мы попали в долгожданные и теплые объятия. Смех и слезы, вопросы и ответы — все смешалось в эти мгновения на причале.

На машине мы поехали на квартиру к Айзику, брату Рахиль, который жил в Блаагаардсгаде, где для нас устроили праздничный прием. Это был длинный, длинный день веселья и взаимных тостов, вопросов и ответов, который затянулся до поздней ночи.

После приемов и первых дней эйфории настали другие дни. Пришло время задуматься о том, как жить, где жить и как зарабатывать на жизнь.

Первое, что мы сделали после приезда в Копенгаген, — это нанесли визит премьер-министру Х.К. Хансену, чтобы поблагодарить его за помощь в вызволении нас из Сибири. Впятером мы поехали в Кристиансборг, где г-н Хансен принял нас и во время короткой беседы спросил нас о нашей поездке и о наших планах на будущее. Мы высказали ему благодарность за помощь датского правительства и заверили, что полны надежд и совсем не боимся начинать новую жизнь в Дании.

Но до того, как действительно начать устраиваться, мы провели несколько недель в Смидструпе, в маленьком летнем домике, который арендовали для нас наши родственники. Здесь мы должны были отдохнуть, восстановить силы и спланировать наше будущее.

Рахиль

Мое возвращение в Копенгаген, воссоединение с моей семьей и моим миром — все было прекрасно. Я чувствовала себя счастливой и освобожденной. Я понимала, что на свете нет ничего лучше возвращения домой. Когда двадцать два года назад мы с Израэлем уезжали из Копенгагена на медовый месяц, я не думала о том, какими обходными путями мне придется возвращаться назад, и о том счастье, которое я испытаю, когда снова окажусь здесь. Радость узнавания знакомых улиц, магазинов, домов, старых друзей и чувство безопасности в окружении дружественных, улыбающихся людей — все это было моим миром, моим городом и все это произвело на меня огромное впечатление в первые месяцы после нашего приезда. Как мне описать свою радость и благодарность за то, что я снова оказалась рядом с мамой и что у меня появилась возможность сделать хоть что-то для нее в последние годы ее жизни?

Вскоре после нашего прибытия в Копенгаген я написала письмо в датское посольство в Москве.

*Копенгаген, 31 июля 1957 года
Посольство Королевства Дании в Москве*

Уважаемые господа,

Вначале я хочу поблагодарить вас за прекрасный прием, который вы оказали нам – мы это никогда не забудем. Поездка наша была очень приятной, и вся семья встретила нас. Я не могу выразить словами, как мы все счастливы сейчас. Через несколько дней мы получим наши временные паспорта. Сейчас мы живем у моего брата А. Лахманна, и, если вы захотите ответить, пишите на этот адрес. Еще раз благодарим вас за все и примите наши дружеские пожелания всем в Посольстве Королевства Дании в Москве.

*Ваши
И. и Р. Рахлины*

Я отослала это письмо через Министерство иностранных дел. Это было мое последнее письмо в посольство, и им, возможно, было закрыто дело о семье Рахлиных.

Рахиль — Израэль

Много лет спустя мы узнали, как датской делегации удалось убедить советских хозяев разрешить нам уехать из СССР и вернуться в Данию. Юлиус Бомхольт, сопровождавший премьер-министра Х.К. Хансена в его поездке в Москву, так описывает эти события в одной из своих книг.

«Датская делегация приехала в Москву 5 марта 1956 года. За неделю до этого Никита Хрущев выступил со своей «секретной речью» на двадцатом съезде партии, после чего дал добро на обнародование правды о Сталине и его террористическом режиме. Возможно, датская делегация была первой, которая встретила с Хрущевым после его эпохальной

речи. В то время никто из членов делегации еще не знал, что произошло на съезде, но, как пишет Юлиус Бомхольт, «судя по разговорам с разными руководителями, мы определенно чувствовали, что что-то произошло. Многие советские руководители присутствовали на первых переговорах датской делегации за круглым столом в Кремле. Там были первый секретарь ЦК КПСС Никита Хрущев, премьер Булганин, министр иностранных дел Молотов, первый заместитель премьера Микоян, много других министров и партийных руководителей высокого ранга».

Бомхольт описывает ситуацию переговоров как очень напряженную. «Мы сидели перед советскими руководителями, которые смотрели на нас с мрачным и строгим выражением на лицах. Это не сулило ничего хорошего. На повестке дня стоял вопрос о нескольких танкерах, которые по контракту Дания должна передать Советскому Союзу, но которые, между тем, были включены в список НАТО как не подлежащие экспорту в страны Восточного блока. И мы, и они пытались разрешить эту болезненную проблему».

Далее Бомхольт пишет, что в такой напряженной обстановке Х.К. Хансен решил вначале поговорить о вещах, не имеющих большого значения, чтобы сломать лед до перехода к действительно взрывоопасным вопросам. Поэтому он начал говорить о трагедии семьи, которая за несколько дней до войны началась в одной из прибалтийских республик. Датчанка и ее семья не могут получить разрешение на выезд из Советского Союза и вернуться в Данию, чтобы воссоединиться с остальными членами семьи.

Такой ход Х.К. Хансена был встречен с удивлением и возрастающим любопытством советских руководителей, которые с трудом представляли, зачем они должны сидеть и слушать рассказ о какой-то женщине, о какой-то одной человеческой судьбе. Хрущев нетерпеливо спросил: «А разве не о танкерах должна идти речь на переговорах?» Но премьер-

министр не сдавался и продолжал объяснять, что уже предпринималось много бесплодных попыток, чтобы освободить семью. «Когда он закончил, — пишет Бомхольт, — Булганин сделал рукой ободряющий жест и сказал: «Мы позаботимся об этом и попытаемся найти решение».

Настойчивость Х.К. Хансена и жест Булганина решили наше будущее.

Израэль

Несмотря на то, что брат Рахиль Айзик и его жена Мина оказались весьма гостеприимными и очень помогли нам, нельзя было долго у них оставаться. Мы стали искать жилье. И в октябре смогли переехать в нашу собственную квартиру в только что построенном многоквартирном комплексе в Родевре.

Начинать всегда трудно, даже в дружественной среде. Я должен был как можно быстрее найти работу, чтобы содержать семью, и через некоторое время мне удалось получить работу бухгалтера в фирме «Титан» на Тагенсвей.

Понадобилось время, чтобы понять менталитет датчан и привыкнуть к датскому стилю жизни, который так же отличался от того, к чему мы привыкли в Сибири, как сама Сибирь от Дании.

Замечание, которое вскоре после нашего приезда я услышал, глубоко запало в память: «Здесь, в Дании, каждый живет своей собственной жизнью». И Рахиль, и меня поразило это замечание и удивил лежащий в основе этого менталитет. Однако со временем мы стали понимать, что так на самом деле все и есть. Чем богаче люди, тем меньше им нужны другие. Самодостаточность, изоляция и зависимость от материальных благ — вот что поразило нас и что мы узнавали с удивлением и любопытством в период изучения Дании и датчан. Мы видели, что многие люди чувствуют себя одинокими и страдают от недостатка общения. Мы на себе ощутили трудности привы-

кания к новым условиям, к стилю поведения датчан, к которому они привыкли, как в семье, так и в отношениях с друзьями и знакомыми. Мы никогда не скучали по Сибири, но, должны признаться, скучали по нашим друзьям и времени, которое провели с ними в нашей северной ссылке.

Самым важным для нас после приезда в Копенгаген была вновь обретенная свобода, которая дала нам возможность раскрыться и жить так, как нам нравилось. Мы больше не боялись судебных преследований, внезапных переездов, произвола чиновников и не ощущали неуверенности в будущем.

Мало-помалу жизнь входила в свое повседневное русло. Самуэль пошел в школу, и ему, пожалуй, одному удалось легко и быстро освоиться на новом месте. Шнеур и Гарриетта продолжали обучение. Шнеур получал образование химика, а Гарриетта училась на лаборанта. Год я проработал бухгалтером, потом переводчиком в датской фирме, имевшей деловые связи с Советским Союзом, а вечерами преподавал русский язык в вечерней школе. А когда русский язык ввели факультативно в гимназиях, я опять стал учителем. На сей раз учителем русского языка в гимназии в Глэдсексе, откуда и ушел на пенсию.

Мы сумели создать содержательную жизнь для себя и своих детей. Мы чувствовали, что хорошо подготовлены к новым испытаниям, потому что у нас была крепкая основа, и за шестнадцать лет, проведенных в Сибири, мы неплохо научились приспосабливаться к жизни.

Рахиль — Израэль

Прошло двадцать пять лет, с тех пор как мы вернулись в Копенгаген. Теперь мы можем на годы жизни в Литве, Сибири и в Дании оглянуться с высоты прожитых лет, через призму всего пережитого. Очень часто случалось так, что воспоминания вдруг овладевали нами, и мы подолгу гово-

рили, помогая друг другу восстановить подробности. Таких воспоминаний много, и о некоторых из них мы рассказали в этой книге.

Судьба не раз круто меняла нашу жизнь. Все ее повороты мы прошли вместе, и, может быть, поэтому они имеют такое значение для нас. Мы смогли справиться со всем, потому что мы всегда были рядом и любили друг друга. Войны и политические системы вмешивались в нашу жизнь. Они бросали нашу семью назад и вперед, как маленькую незначительную пешку в гигантской игре, в которой человек и его судьба не имели никакого значения. И теперь, наблюдая, как политики играют человеческими жизнями, мы удивляемся, что нам удалось выжить и в конце концов начать все сначала.

И когда теперь мы оглядываемся на прошедшие годы и думаем о наших детях, которые давно уже выбрали свой путь и создали свои семьи, то понимаем, что оглядываемся на целую жизнь.

Бэгсвэрд, 1979–81 гг.

Приложение

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)
ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

677000 г. Якутск
Дзержинского, 12
Тел.: 9-06-95, 9-07-11

Архивная справка

На № 9-Р от 28 ИЮНЯ 1999 г.

РАХЛИНАС Израиль Шнеерович, 1906 года рождения, уроженец Литовской ССР, Вилкавишского района, г. Кибартай, по национальности еврей, образование высшее, педагог, до высылки работал торговцем, после высылки работал в Покровской средней школе - учителем,

РАХЛИНЕНЕ Ракиль Гарьевна, 1908 года рождения, уроженка гор. Ливерпуль, Англия, по национальности еврейка, образование среднее, медсестра, домохозяйка,

РАХЛИНАС Шнеур Израйлевич, 1936 года рождения, уроженец гор. Каунас, Литовской ССР, взят на учет спецпоселения по достижении 16-ти летнего возраста,

выселены в июне 1941 года на основании постановления НКГБ Литовской ССР, как социально опасные элементы, бессрочно. В августе 1942 года прибыли из Алтайского края в пос. Покровск, Орджоникидзевского района, Якутской АССР.

Рахлинас И.Ш. освобожден от спецпоселения 28.01.1956 г. по приказу МВД СССР N 0580 от 02.12.55 г. Личное дело N 1-14499 направлено в МООН Литовской ССР 30.10.67 г.

Рахлинене Р.Г. освобождена от спецпоселения 07.05.1956 г. на основании приказа МВД СССР N 0067 от 19.03.56 г., как член семьи преподавателя. Личное дело N 1-16555 направлено в МООН Литовской ССР 05.10.67 г.

Об освобождении Рахлинас Ш.И. сведений нет.

Основание: архивные учетные карточки на Рахлинас И.Ш., Рахлинене Р.Г. и Рахлинас Ш.И.

Начальник

Ю.В.Иванов

исп. Егорова

Архивная справка, выданная в МВД Якутии.
Якутск, 1999 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

"TVIRTINU" — „UTVERŽDAJU“
 1941 m. 10/11 d. 10 mėn. 10 d.
 г. 1941 г. 10 дн.

Forma № 1
 Форма № 1

Areštą sankcionuoju
 Арест санкционирую

Parašas VSLK organo viršininko tvirtinamo arešto
 Подпись нач. органа НКГБ утверждающего арест

Prokuroro parašas — подпись прокурора

1941 m. _____ d. _____ mėn. _____ d.
 г. _____ г. _____ дн.

Nutarimas KORIJA
 (areštui)
Постановление **3**

(на выселение)

г. Кибарты, 1941 г. 10 июля 10 дн.

Аš, Liet. TSR VSLK Начальник 5 отделения Погран. Командатуры 106 по НКВД Я,
 БССР лейтенант КОРОЛЬКОВ
 НКГБ Лит. ССР

(vardas ir pavardė — звание и фамилия)

Išnirėjęs gautą Liet. TSR VSLK medžiagą apie nusikalstamą veiklą RAХЛИНАС
 Рассмотрев поступившие в НКГБ Лит. ССР материалы о преступной деятельности

Израил сын Шмиафиса 1906 года рождения, уроженца г. Кибарты, мителя
 (pavardė, vardas, tėvo vardas ir kt. — фамилия, имя, отчество и другие)
 гор. Кибарт по ул. Зальгерина № 13 кв. № 3, еврей, торговец, беспартийный,
 (nustatyto duomenys — установленные данные)
 иный, женат—

R a d a u:
Н а ш е л:

РАХЛИНАС Израил сын Шмиахлиса являлся крупным
 (bet kuri forma plačiai išskleisti — впрокормном изложении дается развернуто,
 торговцем, владел экспортной конторой по экспортированию лошадей
 (pažaislo būdymu motyvu — мотивировала необходимости ареста,
 в Германию, Голландию и т. д. Годовой оборот конторы исчислялся в
 duoti parąduoti — приносится выдержки из показаний,
 380000 лит.

акці revičių štraukas — выдержки из актов обследования ранжи
 Решением Совнаркома Литовской ССР конторы были закрыты.

Учитывая, что РАХЛИНАС Израил сын Шмиахлиса является социально-
 опасным элементом; — и проживающая с ним семья:

1. Жена — РАХЛИНЕ Иохильда дочь Харита 1906 года рождения,
 домохозяйка;
2. Сын — РАХЛИНАС Шмарис сын Израида 1936 года рождения; —
3. Дочь — РАХЛИНАИТЕ Харита дочь Израида 1940 года рождения;

Постановление на выселение. 10 июля, 1941 г.

4. Мать — РАХЛИНИНЕ Сарра дочь Исакова 1907 года рождения — все проживают и находятся на жилищенн. главм семьи — РАХЛИНАС Ираида снна Шмидтфиса; —

ЛҮА-КОРЦА

3

Nutariau:
Постановил:

РАХЛИНАСА Ираидаса снна Шмидтфиса 1906 года рождения, (pavardė, vardas ir švėjos vardas — фамилия, имя и отчество)
гор.Кибарты ул.Жальгерюо дом № 13 кв. 3, я семья сооо

бун. проживающего по
Тоящую из 4 -х человек, перечисленную в настоящем постановлении
suimti ir įskatyti подвергнуть ~~испытанию~~ обыску, и вы- Нач.5 Отд. Комендант упр Ле^{тенант} *Скорина* /Корольков.
селению за пределы Литовской ССР.

SUTINKU: Копия *Скорина*
СОГЛАСЕН: *Скорина*

Комендант П^{острой} упр. тов. по НКВД
Ле^{тенант} *Скорина* /Скоринский

Скорина

ПРИЛОЖЕНИЕ

Protokolas ПДОТОКОЛ

9

Remiantis Lielvop T. S. R. Valstybes Saugomos Liaudies Komitato orderu
 На основании приказа Народного Комиссариата - Гос. безопасности Лит. ССР за
 № _____
 1941 г. 14 июня мѣн. дѣниос padary'a krata - обьса pas pil. у Рахминас
 от _____ мѣс. днѣя произведен шѣтминимаварѣ, у гр. _____
 Управлѣе сѣн Шисера
 гув. Мѣксѣуре гатвѣе № 13 дл. № 13
 пров. по _____ вь в доме _____
 Kratos metu dalyvav: прѣсѣт. наоттавѣтѣиу орашине
 При обьсе присутствовали: (harodyti dalyvavusiu jarmybine arba visuomenine padetis)
 работнѣ

- Su lig orderio suimtas
 Согласно ордера арестован
1. Золотой браслет с бирманскими жемчужинами
 2. Золотой браслет с бирманскими жемчужинами
 3. Золотой браслет с бирманскими жемчужинами
 4. Золотой браслет с бирманскими жемчужинами
 5. Золотой браслет с бирманскими жемчужинами
 6. Золотой браслет с бирманскими жемчужинами
 7. Золотой браслет с бирманскими жемчужинами
 8. Золотой браслет с бирманскими жемчужинами
 9. Золотой браслет с бирманскими жемчужинами
 10. Золотой браслет с бирманскими жемчужинами
 11. Золотой браслет с бирманскими жемчужинами
 12. Золотой браслет с бирманскими жемчужинами
 13. Золотой браслет с бирманскими жемчужинами
 14. Золотой браслет с бирманскими жемчужинами
 15. Золотой браслет с бирманскими жемчужинами
 16. Золотой браслет с бирманскими жемчужинами
 17. Золотой браслет с бирманскими жемчужинами
 18. Золотой браслет с бирманскими жемчужинами

4. Мать — РАХИМЧИЕ Сарра дочь Пзакова 1887 года рождения —
все проживают и находятся на жилищенч. главы семьи — РАХИМЧИО
Керавила сына Шмиафиса; —

LYA-KOPIJA

3

Nutarlau:
Постановил:

РАХИМЧИО Керавила сына Шмиафиса 1906 года рождения,
(Сын, Мать и это жена — взысканы, мать и отчество)
гор. Кибарты ул. Дальгердио дом № 13 кв. 3; и семья сова

дув.
проживающего по

Тояшу из 4-х человек, перечисленную в настоящем постановлении

suimti ir ikratyti

подвергнуть ~~испытанию~~ обыску, и вы- Нач. 5 Отд. Коменданты
селению за пределы Ле"тенант *Абрама* / Корольков.

Литовской ССР.

SUTINKU: Копия
СОГЛАСЕН: *Виталий*

Командант Погранз. 108 пол. НКВД
Ле"тенант *Виталий* Устиновский
(рагавас — подписис)

Виталий

ПРИЛОЖЕНИЕ

Protokolas - ПРОТОКОЛ

9

Remiantis Lietuvos T. S. R. Valstybės Saugumo, Laudies Kėmiariato orderiu
 На основании приказа Народного Комиссариата Гос. Безопасности Лит. ССР за № 3
 is 1941 m. 14 d. mėn. dienos pažangą krata - обыск pas pil. у Ракиминас
 от 1941 г. 14 июля мес. дня произведен обыск - просмотр у
 Урашиус еван Шисера
 ду. Жакшвиле gatvėje № 13 d. 13
 пош. по ул. в доме № 13 д. 13
 Kratos metu dalyvavo: преем. наотделной организации
 При обыске присутствовали: Рагош
 (nurodyti dalyvavusių janybės arba visuomeninę padėtį)
 указать служебное или общ. положение присутствующих

- Sulig orderio suimtas
 Согласно приказа арестован
1. Золотой браслет с бриллиантами
 2. Золотые часы с бриллиантами
 3. Золотые часы с бриллиантами
 4. Золотые часы с бриллиантами
 5. Золотые часы с бриллиантами
 6. Золотые часы с бриллиантами
 7. Золотые часы с бриллиантами
 8. Золотые часы с бриллиантами
 9. Золотые часы с бриллиантами
 10. Золотые часы с бриллиантами
 11. Золотые часы с бриллиантами
 12. Золотые часы с бриллиантами
 13. Золотые часы с бриллиантами
 14. Золотые часы с бриллиантами
 15. Золотые часы с бриллиантами
 16. Золотые часы с бриллиантами
 17. Золотые часы с бриллиантами
 18. Золотые часы с бриллиантами

Протокол обыска. 14 июня, 1941 г.

продолжение описи.

- 19 Чепь золотая длиной в 186 см. / его восседет удет
- 20. Суть золотая / длина / шириной в 152 см. / ст. пай
- 21. Серги позолоченые. две штуки.
- 22. Напка дубовая со знаками в количестве 15 штук:

Сотрудник *И. В. Сидор* НКВД СССР
И. В. Сидор

LYA-KOBYLA
 Свободное

Все что записано в протоколе
 у меня в чем и расши.
 И. Ваклинис

ПРИЛОЖЕНИЕ

X 3

ЛҮА-КОР

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Справка

По акделу, формул., учетн. делу №
(Не нужно вычеркнуть)

Уезд Вилкавишский.

1. Фамилия, имя и отчество объекта разработки (полностью) РАХЛИНАС
Израил сын Шмиадиса
2. Год рождения 1908 3. Место рождения Г. Кибарты Вилкавишского
уезда Литовская ССР.
4. Точный адрес (где проживает в момент составления справки) Г. Кибарты ул. Тальгерн
дом 13 квартира 3.
5. Место работы (если не работает, то чем занимается) Выпалатор Забрии "Лавор"
в Г. Кибарты.
6. Национальность Еврей. 7. Гражданство (подданство) СССР.
8. Социальное происхождение (кулак, помещик, торговец и т. д.) Торговец.
9. В каких политических партиях и организациях состоял, с какого и по какое время
не установлено.

LIETUVOS VYATINGASIS ARCHYVAS
F. 5, Ap. 1, D. 3864
Tikra kopija pateikiama tik 6. 3.
Direktorius [signature]

ПРИМЕЧАНИЕ: Пункты 8, 9 и 10 должны быть подтверждены документальными данными:

11. Состав семьи:

	Фамилия, имя, отчество	Год рож.	Родст. отнош.	Род занят.
1	Рахлилина Вацлида дочь Харита	1908	жен	Домохозяйка.
2	Рахлинас Шерис сын Израила	1906	сын	Уставщик.
3	Рахлилина Те Зарита доч. Израила	1940	дочь	
4	Рахлинина Сара Изаковна	1907	мать	Медсестра.
5				

Справка об аресте. Июнь, 1941 г.

12. Подробное изложение компрометирующего материала:

разлиное происхедит из торговцев, сам торговец-чупец, до
 установления Советской власти в Литве имел свою экспортную
 контору и занимался поставкой лошадей в Германию, где имеет
 большие связи. Экспортировал наемную рабочую силу по поставке
 закупки лошадей. Годово оборот конторы его исчислялся в
 380.000 (триста восемьдесят тысяч) Литовских Билетов. Контора была закрыта
 с Установлением Советской власти в Литве.

Командант П/участка 106-40.

Старший Лейтенант *Устицкий* /Устицкий/

Составлена " ИЮНЬ 1941 г.

"СОГЛАСЕН"

Зам.

Начальник 106 полка *Яковсон*

Капитан *Яковсон*

Гор _____

Протокол допроса И Д
14 июня 1941 года г. Я естествоиспытатель 1920 г.р.
Уч. № 88 СССР допросив Рахманов Ибрагим
сын Шейера

Вопрос. В каких политических партиях
с какого времени и по какое время
состояли и какую замесили
деятельность?

Ответ. Я ни в каких полит. партиях
не состоял. В плен и подни-
сываюсь И Рахманов
Сотруд.

ИЗДАНИЕ
3

VISAI SLAPTA
SOV. SEKRETO

LYA-KOPJA

Operatyvinės grupės viršininkui
Начальнику оперативной группы
Valstybės Saugumo tarnybai

№ _____ viršininkui

Госбезопасности 1-ту 2/8

Drs. Т. Шуренич
Tov. _____

Operatyvinės grupės vyresniojo
От старшего оперативной группы

с/пр 1-го. Икебесер Канамита

RAPORTAS—РАПОРТ

Jūsų pavedama, operatyvinė grupė iš draugų:
По Вашему заданию, оперативная группа в составе т. т.:

1. Франциско Уриасрай Аскондрович
2. Новик Зиселис
3. _____
4. _____
5. _____

194/м. Улис - d. iškeldino iš _____ miesto (kaimo).
г. _____ д. произведено выселение из города (села)

valstijaus _____ apskrities vieną šeimą susidedančią iš
волости _____ уезда _____ одной семьи в количестве _____
_____ аспец. _____ человек.

Iškeltyjų pavardė, vardas ir tėvo vardas (pilnai):
Фамилия, имя и отчество (полностью) выселенных:
(pradedant šeimos galva, išvardinti visus šeimos narius—начиная с главы семьи, перечислить всех членов семьи)

1. Рахманич Уриасрай Аскондрович
2. Рахманич Зиселис с/пр Уриасрай
3. Рахманич Уриасрай с/пр Уриасрай
4. Рахманич Зиселис с/пр Уриасрай
5. Рахманич Зиселис с/пр Уриасрай
6. _____
7. _____
8. _____
9. _____
10. _____

Per kratą paimta:

При обыске изъято следующее:

(išvardinti visa, kas paimta kratos metu, būtent — ginklai, nurodant ginklų kiekį, rūšį ir t. t., kontrrevoliucinė literatūra, valiuta ir t. t. — переписать все, что изъято при обыске, в частности — оружие, указав количество оружия, образцы и т. д., контрреволюционная литература, валюта и т. д.)

Фрагмент № 4505 от 184768, Золотая с штиф. порт Мартина
мешок с Зиселис, Зисел Карл. Фрагмент № 131288, мешок Зисел Карл
№ 4988, веревочные мешки 14 шт., Ключ Золотой Зисел

ПРИЛОЖЕНИЕ

Брешок двой /шт. пуликала двой /шт. ушни засабокс
 2 шт. 180 см и 152 см. /серги подоложенит 2шт.
 Папка двой /с 15 знаками.

Operacijos metu buvo šie ryškiai (amulkiškai nurodyti)

Во время операции имели место следующие происшествия (указать подробно).....

Viršminėtos sudėtis šeima visa pristatyta į pakrovimo punktą

Семья в указанном выше количестве доставлена полностью на погрузочный пункт ст.

Вилковичке

stotyje ir perduoti į traukinį

и сдана в эшелон

Iš šeimos sąstato: — Из состава семьи:

a) perduoti į traukinį, kaip areštuoti
 сданы в эшелон как арестованные

1. нет

2. _____

3. _____

b) perduoti į traukinį iškėlimui
 сдано в эшелон на выселение 5 žmonių.

Krašto taisyklėms

пригодные при

паспорт X19060, номер биш 186, удерж. на угод
 на угод. фр-хи "Лавор" удерж. биш 898, паспорт X149457
 паспорт X661560, загранпаспорт X2047746, Заменас Кичина

perduota
 сдано

Operatyvūs vyresniai
 Старший опергруппы

LYDIA
 3

П А С Т А В А :

1. Operatyvinė grupė surašo (per kiekį cheminių pasielių) raportą atskirai kiekvienai iškėlimai šeimai
 trijose egzemplioriuose, kurių vienas operatyvūs vyresniai išduoda "T" būdą "R" kategorijai "R" būdą išduoda" išduoda
 vieni viršminiai, antrąjį ir trečiąjį egzempliorius — perduoda apskrities operatyviniui trijų keturi atskaitai.

2. Apakritis oper. trijų keturi vienas raportu egzempliorius pasilieka prie trijų keturi būdų, o antrą persiunčia į VSK' kabinetą.

П Р И М Е Ч А Н И Е :

1. Raportą suskaidoma опергруппой на каждую выселяемую семью в отдельности в 3-х экземплярах (по одному экземпляру карандашом), из них старший опер. группы один экземпляр подшивает в дело и в месте с делом сдает начальнику эшелона, второй и третий экземпляры — сдает в уездную опер. тройку для отчетности.

2. Уездная опер. тройка один экземпляр raporto оставляет в деле тройки, а второй направляет в оперативную штаб НКГБ.

Рапорт о выселении семьи Раклиных. 14 июня, 1941 г.

Письмо
 И. И. Рахлина
 1946
 Президиум Верховного Совета СССР
 Москва
 22
 Рахлин Израиль Исаакович
 Родился 20.01.1906 г.
 г. Ленинград
 СССР
 16 мая 1946 г.

16 мая 1946 г. Я с семьей, мамой, а также с двумя детьми мои старшими сыновьями из г. Кудрямовой Ленинской СССР переехал в Алтайский край. Там я работал бухгалтером ЦРК. Витязьского Зерносовхоза в течение этого года и в мае 1942 г. переехал в Ташкентские Бульварские поля НКВД. Работал там младшим бухгалтером. Пребывание в Западной оторванной из моей жизни, я забвения и мной вострой формой и вследствие того что различные болезни в г. Ташкенте, куда я прибыл в октябре. В Ташкенте я работал бухгалтером книжного учета в средней школе. В апреле 1944 г. умерла моя мать. В июне 1944 НКВД предложил мне переехать в Ташкентскую область, где я по сей день работаю младшим бухгалтером. Семейством. Ташкент.

Родился я в 1906 г. в г. Кудрямовой Ленинской СССР. Отец мой был торговый предприниматель, мать работала ассистентом. В 1915 году закончил начальную, последствием этой болезни являющейся оторванной мной в школе. В 1932 г. я окончил Ташкентский институт в г. Ленинские Горы. Написал я также и вышло в составе. Кроме того знаю, французский, английский, датский, немецкий и еврейский языки. С 1932 года я работал младшим инженером-конструктором и мастером в отце и после его смерти в 1934 у брата отца. Ни я, ни мать, ни жена, родители которых были партизаны, и имущества не имели. Я никогда ни одной политической партией не принадлежал. В мою жизнь переехал работая начальником Ташкентской фабрики резиновой обуви "Ладор" в Кудрямовой. Прочитав мое письмо переехал мне не известно до моего сведения не был доведен. Я во всяком случае и сам думаю на себя не чувствую.

На мое возвращение в НКВД не был слышен. Неясно как мне вернуться, мне хотелось, что это от

Письмо Израэля Рахлина в Президиум Верховного Совета СССР. Апрель, 1946 г.

ранов НКВД не зависит.

Поступил образцов в Восточный Цирок и, ввиду его следственной процедуры.

Продвижение на Крайнем Севере очень тяжёлая на мою здоровье: стрессовые моменты не переносят холода и в следствии обмороков меня периодически топают ноги на шпал и на физические состояния с каждым годом ухудшаются. Продвижение в месте жительства не даёт мне возможности работать по специальности.

Прошу Верховный Совет дать указание, чтобы мне и мою семью с детьми как спецпереселенцев, чья жизнь в образной форме даёт мне возможность, переехать в другую местность, пребывая в северной не буду ухудшать мою здоровье и где я все свои силы отдаю нашей родине.

ЛЯА-КОРІЈА

И. Рахитов

МВД ЯАССР
Отдел Спецпоселений
".....".....1946г.
№.....
г. Якутск

НАЧАЛЬНИКУ ОРДОНИКИДЗЕВСКОГО РАЙОНА
ЯАССР КАПИТАНУ -
г. РАХИТОВУ
с. Нордовск

~~СВЯТО~~

Объявите под расписку осужденным: РАХИТОВ Израилу Шверовичу и его жене РАХИТОВ Рахиль Гераевна, проживающим в Ордоникидзевском районе, что их заявление об освобождении из спецпоселения с выездом из Якутской АССР, поданное на имя Президиума Верховного Совета СССР - рассмотрено Начальником ОБИ МВД ЯАССР. В освобождении им ОТКАЗАНО.

Высланы на Литовской ССР как социально опасный элемент на длительный срок и освобождению не подлежат.

Разъясните последним, порядок подачи заявления в соответствии нашего указания Б.М.М. от....., что подача заявления в вышестоящие органы только задерживает рассмотрение вопроса.

ВРИО НАЧАЛЬНИКА ОТДЕЛА СПЕЦПОСЕЛЕНИЙ
МВД Якутской АССР - МАЙОР

/СЛОМОН/.

ЛЯА-КОРІЈА
3

Ответ начальника отдела спецпоселений
МВД Якутской АССР. 2 августа, 1946 г.

ЛИА-КОРНА

МВД 3

Тюхтетский район Якутской АССР

отдел спецпереселенцев
г. Якутск

Заявление

от Рахлина И. И.

Тюхтетский район Якутской АССР

Приветствую, как и Вы, как член БМДК при
Свердловском государственном университете от 1947 г. и
членом жилищно-коммунального БМДК и членом семьи
членов БМДК и членов семьи. Пребывание здесь
на крайнем Севере очень вредно отражается
на нашем здоровье и дальнейшее пребы-
вание здесь повлечет за собой полную
потерю трудоспособности.

Прошу разрешить мне с семьей переехать
в г. Тюхтетский район Якутской АССР по
ул. Мухоморова № 202 женой моей тетей
Содой Игнатьевны Рахлиной и кинемат Якутской
крайней организации для сердца больного

Так как я работаю преподавателем в Тюхтетской
средней школе и намерен продолжить работу
преподавателем и воспитателем школы в Тюхте
о моем переезде прошу по возможности
скорее, чтобы я и члены моей семьи
1 сентября могли выехать в Тюхтет

И. Рахлина

Приложение

ЛҮА-КОРІЈА

32В

Содержательно 21

*Иса Зигмунт
21-48*

НАЧАЛЬНИКУ ОРДЖОНИКИДЗЕВСКОГО РО МВД
ЯССР АДИТАБУ - ГОР. БЯВКИНУ

село ПОКРОВСК

Объявите осмыленно-поселенцу РАХЛИНАС Израилу Шнееровичу
что заявление его рассмотрено органами МВД Якутской АССР в
ходатайстве на въезд в гор. Бийск отклонено. Для Вашего сви-
дения сообщаем, что гор. Бийск является режимным городом.

ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА 1 СПЕЦОТДЕЛА МВД ЯССР
А С И Т А Н
(АХМАРНЦОВ) -

ОПЕРПОЛНОМОЩЕННИК 1 СПЕЦОТДЕЛА МВД ЯССР
ВЛАДИСЛАВ ТИХОНОВ
(КАРПОВИЧ) -

т.б.

Ответ зам. начальника МВД Якутской АССР. 8 мая, 1948 г.

ЛҮА-КОРІЈА

ПРИКАЗ

МИНИСТРА ПРОСВЕЩЕНИЯ ЯКУТСКОЙ А С С Р

58

г. Якутск

№ 7-109

от 10 апреля 1953 года.

Содержание: Об укомплектовании школ Орджоникидзевского района
учительскими кадрами на 1953-54 учебный год.

По окончании текущего учебного года и истечении сроков
очередных отпусков произвести следующие назначения, пере-
мещения и увольнения учителей:

5 27

Освободить от учительской работы как несоответствующих:

1. Рахлинас Израиль Семеновича, учителя иностранного языка Покровской средней школы.

Министр Просвещения
Якутской АССР: -

п/п

Выписка верна:

Зав. Орджоникидзевским РайоНО: -

[Handwritten signature]
З. САВВИН /
Л. СКРЯБИЦ /

Приказ об увольнении Израэля Рахлина
из Покровской школы. 1953 г.

16 ЛЕТ ВОЗВРАЩЕНИЯ

5-5

УДОСТОВЕРЕНИЕ № 2745
(ВЗАМЕН ПАСПОРТА)

Выдано гр-ну (гр-ке) Рахлина Ибрали
Исерович Уб года рождения в том, что он (она)
действительно работает на Якутск
в качестве участника
и что ему (ей) как специалисту, разрешено проживание только в пределах города
Алгуньского района Якутской АССР.
Гр-н (гр-ка) Рахлин И. И. проживает по адресу Смоленск
Кромыч на обороте
Действительно по 31 декабря 195У года.

При отсутствии отметки о своевременной явке на регистрацию удостоверение не действительно.

Начальник Исрела МВД ЯАССР
подполковник Аверин
(Созонов)

7/1-54. Исерович
8/1-54. Сорокин
3-11-54. Курбанов
4/1-54. Исерович
5/1-54. Исерович
2/1-54. Исерович
10/1-54. Исерович
10/1-54. Исерович
4/1-54. Исерович
3/1-54. Исерович
2/1-54. Исерович
2/1-55.

МВД ЯАССР
5-4
Исерович
И.И.

Удостоверения, заменяющие паспорта.

ПРИЛОЖЕНИЕ

9-6

УДОСТОВЕРЕНИЕ № 746
(ВЗАМЕН ПАСПОРТА)

Выдано гр-ну (гр-не) Рахмиев Рахмел
Тарсевича ф. и. о. 1908 года рождения в том, что он (она)
действительно работает на не работает
в качестве _____
и что ему (ей) как спецпоселенцу, разрешено проживание только в пределах города
Тулунского района Якутской АССР.
Гр-н (гр-ка) Рахмиев Р. проживает по адресу Смоленск
Кроноску на окраине
Действительно по 31 декабря 1954 года.
При отсутствии отмены о своевременной явке на регистрацию удостоверение не действует.

Начальник Отдела МВЯ ЯАССР
подполковник Нариния
Соболев

УДОСТОВЕРЕНИЕ № 68 15.1.1953
(ВЗАМЕН ПАСПОРТА)

Выдано гр-ну (гр-ке) Рахмиев Рахмел Тарсевича
1908 ф. и. о. _____ года рождения в том, что он (она)
действительно работает на не работает
в качестве _____
и что ему (ей), как спецпоселенцу, разрешено проживание только в пределах гос
подполковник Нариния Тулунского района, Якутской АССР.
Гр-н (гр-ка) Рахмиев проживает по адресу гос
Тулунского
Действительно по 31 декабря 1953 г.

Начальник Отдела МВЯ ЯАССР
Климов
Родител

Закон № 2132-15000

Удостоверения, заменяющие паспорта.

ЛҮА-КОРҮЈА

Товарищам В. В. Шнеура 37и Ульяновскому Колхозу Егорьевой!

Ваша с большой просьбой.

В трудоспособном возрасте я вместе с родителями был в 1941 году переселен из Мухоморовой С.С.Р. города Кибиртай, в Алтайский край. Мой отец не был членом никакой партии и не являлся инициатором подожжания национализма. Что являлось причиной переселения мне неизвестно. В 1942 году моя семья была переселена из Алтайского края в Якутскую АССР, где проживаем по сей день. В 1943 году я поступил в школу посёлка Токровск Ордоникидзевского района Якут. АССР. Ту школу я окончил в этом году отлично. В 1950 году я был принят в члены ВЛКСМ. Желая, после окончания школы продолжить образование в высшем техническом учебном заведении и, не имея возможности, получить таковое в Якутской АССР, прошу Вас снять с меня ограничение переселенца

и, чтобы я имел возможность учиться.

дел. № МВД
16.5 1953 г.

Вх. № 29114

Письмо Шнеура Рахлина в МВД Якутской АССР.
29 мая, 1953 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ф.З.-4.

60-54.

2/88

МИНИСТЕРСТВО ВнутРЕННИХ ДЕЛ ЯКУТСКОЙ АССР

№ 315970 "15" июля 1954 года гор. Якутск.

Секретно
ака. № 2

ВУА-КОРІА
3

мил. д. 0

ЗАМЕСТИТЕЛЮ ПРОКУРОРА ЛИТОВСКОЙ ССР
тов. КОЛЕСИКИВУ
г. Вильнюс

На № 1/272 от 16/II-1954 года.

КОМАНДУ СПЕЦКОМАНДУРЫ № 88 МВД
НАССР от лейтенанту -
тов. БОРИСОВУ

Здесь

ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА I СПЕЦОТДЕЛА МВД
ЛИТОВСКОЙ ССР ПОДПОЛКОВНИКУ -
тов. НОСОВУ

г. Вильнюс

На № Р-76 от 10/VI-54 года.

Сообщаем, что РАХЛИНАС Швeтр Израиллович, 1936 года рождения, выслан из Литовской ССР 10 июня 1941 года, совместно с отцом РАХЛИНАС Израилем Швeтровичем и матерью РАХЛИНОЙ Рахиль Горьковной, как социально-опасная семья по постановлению НКВД Литовской ССР от 10/VI-1941 года.

На персональный учет спецпоселения у нас, РАХЛИНАС Швeтр Израиллович взят 9 марта 1953 года, по достижении 16 летнего возраста, до выхода в свет директивного распоряжения МВД СССР и Генерального Прокурора СССР за № 36сс/580с от 27 марта 1954 года и в соответствии с разъяснением отдела "П" МВД СССР № 44/4-20237 от 20/У-54 года, под действие вышеуказанной директивы не подпадает.

Команданту о/командатуры № 38 предлагается объявить РАХЛИНАС Ш.И., что его заявление в Верховный Суд СССР об освобождении от спецпоселения рассмотрено и в удовлетворении просьбы отказано.

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА "П" МВД НАССР
ПОДПОЛКОВНИК *[Подпись]* /САЗОНОВ/

НАЧАЛЬНИК 2 ОТД. ОТДЕЛА "П" МВД
НАССР ПОДПОЛКОВНИК *[Подпись]* /ДАВИДОВСКИЙ/

Ответ МВД Якутской АССР. 15 июля, 1954 г.

1606

Израиль

№ 14499

ЛИЧНОЕ ДЕЛО №
СПЕЦПОСЕЛЕНЦА

Фамилия *Рахлиных*
Имя *Рахиль*
Отчество *Гареевна*
326475

Классификация
Земельный участок

Адрес №
1-165

1606

1607

Израиль

№ 14499

ЛИЧНОЕ ДЕЛО №
СПЕЦПОСЕЛЕНЦА

Фамилия *Рахлиных*
Имя *Израиль*
Отчество *Шеереевич*
326475

Классификация
Земельный участок

Адрес №
1-14499

1607

Личное дело Израэля и Рахиль Рахлиных.

ИНСТРУКЦИЯ

О порядке проведения операции по выселению антисоветского элемента из Литвы, Латвии и Эстонии.

Общее положение

Выселение антисоветского элемента из Прибалтийских республик представляет собой задачу большой политической важности. Успешное разрешение ее зависит от того, насколько уездные оперативные тройки и оперативные штабы сумеют тщательно разработать план проведения операции и предусмотреть заранее все необходимое. При этом надо исходить из того, чтобы операция прошла без шума и паники, так, чтобы не допустить никаких выступлений и других эксцессов не только со стороны выселяемых, но и со стороны известной части окружающего населения, враждебно настроенного по отношению к Советской власти.

Ниже изложены указания о порядке проведения операции. Их следует придерживаться, однако в отдельных случаях сотрудники, проводящие операцию, должны исходить из особенностей конкретных условий операции и, чтобы правильно оценить обстановку, могут и должны принимать иные решения, направленные к той же цели, без шума и паники выполнить данное задание.

Порядок инструктирования

Инструктаж оперативных групп уездными тройками проводится накануне, за максимально короткий срок до начала операции, с учетом необходимого времени на переезд к месту операции.

Уездные тройки заранее готовят необходимый транспорт для переброски оперативных групп в села к месту операции.

По вопросу выделения необходимого количества автотранспорта и гужевого, уездные тройки договариваются на местах с руководителями советско-партийных организаций.

Помещение для инструктажа должно быть тщательно заранее подготовлено, учтена вместимость выхода и входа и возможность проникновения в него посторонних лиц.

Во время инструктажа здание должно быть обеспечено охраной из числа оперативных работников.

В случае, если на инструктаж кто-либо не явился из состава участников операции, уездная тройка немедленно принимает меры к замене не явившегося из резерва, который заранее должен быть предусмотрен.

Через участковых тройки сообщают собравшимся о решении правительства, о выселении с территории данной республики или района учетного антисоветского контингента. При этом коротко рассказывают, что выселяемые из себя представляют.

Обратить особое внимание присутствующих на инструктаже советских партийных работников (из местных), что выселяемые являются врагами советского народа, а поэтому не исключена возможность оказания вооруженного нападения со стороны выселяемых.

Порядок получения документов

После общего инструктажа оперативных групп последним необходимо выдать документы на выселяемых. Личные дела на выселяемых должны быть заранее собраны областями и селами и розданы по оперативным группам, чтобы при выдаче не было никаких задержек.

После получения личных дел старший опергруппы знакомится с личными делами семей, которые ему предстоит выселять. При этом устанавливает состав семьи, наличие необходимых бланков для заполнения на выселяемого, наличие транспорта для перевозки выселяемого и получает исчерпывающие ответы на неясные ему вопросы.

Одновременно с выдачей документов уездная тройка разъясняет каждому старшему опергруппы, где расположены выселяемые семьи и рассказывает о маршруте движения к месту выселения. Указываются также пути следования оперативного состава с выселяемыми семьями к железнодорожной станции для погрузки. Необходимо также указать место резерва войско-

вой группы в случае, когда на опергруппу произведено нападение или оказано вооруженное сопротивление.

Порядок проведения выселения

В том случае, если в населенном пункте проводится выселение нескольких семей, тогда назначается один из оперработников старшим по выселению в этом селе, под руководством которого и следует оперативный состав в данные села.

Прибыв в село, оперативные группы связываются (при соблюдении необходимой конспирации) с местными представителями власти: председателем, секретарем или членами сельских советов, и выясняют у них точное местожительство выселяемых семей. После этого оперативные группы вместе с представителями власти, которые выделены на производство описи имущества, направляются к выселяемым семьям.

Операция будет начата с наступлением рассвета. Войдя в дом выселяемого, старший оперативной группы собирает всю семью выселяемого в одну комнату, принимая при этом необходимые меры предосторожности против каких-либо возможных эксцессов.

Проверяя состав семьи по списку, выясняет местонахождение отсутствующих, наличие больных, после чего предлагает сдать оружие. В независимости от того, будет сдано оружие или нет, проводится личный обыск выселяемых, а затем и обыск всего помещения с целью обнаружения оружия.

Во время обыска помещения для наблюдения за поведением выселяемых назначается один из членов оперативной группы.

Если при обыске обнаружено оружие в небольшом количестве, то его забирает опергруппа, распределив между собой. Если оружия найдено много, то оно с вынутыми затворами складывается на повозку или автомашину прибывшей опергруппой. Боеприпасы упаковываются и грузятся вместе с винтовками.

При необходимости для перевозки оружия мобилизуется подвода с соответствующей охраной.

В случае обнаружения оружия, контрреволюционных листовок, литературы, иностранной валюты, большого количества ценностей и т. д., об этом составляется на месте краткий протокол обыска, в котором указывается об обнаруженном оружии или контрреволюционной литературе. При оказании вооруженного сопротивления вопрос о лицах, оказавших вооруженное

сопротивление, о необходимости их ареста и доставки в уездный отдел НКГБ решается уездными тройками.

На лиц из числа выселяемых, скрывшихся до выселения или больных, составляется акт за подписью представителя совпартактива.

После производства обыска выселяемым объявляется, что они по решению Правительства будут выселены в другие области Союза.

Выселяемым разрешается взять с собой вещи домашнего обихода весом не более 100 кг:

1. Одежду.
 2. Обувь.
 3. Белье.
 4. Постельные принадлежности.
 5. Посуду столовую.
 6. Посуду чайную.
 7. Посуду кухонную.
 8. Продовольствие из расчета месячного запаса на семью.
 9. Имеющиеся у них деньги.
 10. Сундук или ящик для упаковки вещей.
- Громоздкие вещи брать не рекомендуется.

При выселении контингента в сельских местностях разрешается брать с собой мелкий сельскохозяйственный инвентарь: топоры, пилы и другие вещи, которые связываются вместе и упаковываются отдельно от общих вещей с тем, чтобы при посадке в эшелон они были бы погружены в отдельные специально выделенные товарные вагоны.

Чтобы не смешать с чужими вещами, на упакованном имуществе надлежит сделать надпись: имя, отчество, фамилию выселяемого и название деревни.

При погрузке этих вещей на подводу принимаются меры к тому, чтобы выселяемый не мог ими воспользоваться для оказания сопротивления во время движения колонны по шоссе.

Одновременно с работой по погрузке оперативными группами присутствующие при этом представители советско-партийных организаций производят опись имущества и организацию его хранения в соответствии с полученными ими указаниями.

Если выселяемый имеет свои собственные средства передвижения, то его имущество грузится на подводу, и вместе с семьей они направляются в намеченный пункт погрузки.

Если у выселяемых средств передвижения нет, то для них по указанию старшего опергруппы через местную власть в селе мобилизуется подвода.

Все лица, которые во время производства операции зайдут в дом выселяемых или же будут находиться там к моменту проведения операции, должны быть задержаны до окончания операции, при этом выясняют их отношение к выселяемым. Это делается с целью, чтобы изъять скрывшихся от розыска полицейских, жандармов и других лиц.

После проверки задержанных и установления, что они являются лицами не интересующего нас контингента, таковых освободить.

Если у дома выселяемого во время производства операции начнут собираться жители села, то надо им предложить разойтись по домам, не допуская при этом образования толпы.

Если выселяемый откажется открыть дверь своего дома несмотря на то, что ему будет известно, что прибыли сотрудники НКГБ, дверь необходимо взломать. В отдельных случаях на помощь привлекаются соседние оперативные группы, проводящие операцию в данной местности.

Доставка выселяемого из села на сборный пункт железнодорожной станции производится обязательно в течение светлого времени дня, следует стараться при этом, чтобы сбор каждой семьи продолжался не более двух часов.

Действовать во время операции во всех случаях необходимо твердо и решительно, без малейшей суеты, шума и паники.

Отбирать какие-либо вещи выселяемых, за исключением оружия, контрреволюционной литературы и валюты, а также пользоваться продуктами питания выселяемых категорически воспрещается.

Предупредить всех участников операции о строжайшей судебной ответственности за попытку присвоения отдельных вещей выселяемых.

Порядок разделения семьи выселяемого от главы

Ввиду того, что большое количество выселяемых должно быть арестовано и размещено в специальные лагеря, а их семьи следуют к местам специальных поселений в отдельных областях, необходимо операцию, как выселяемых членов семьи, так и их главы, проводить одновременно, не объявляя им о предстоящем

их разделении. После того, как проведен обыск и оформлены соответствующие документы для личного дела, в квартире выселяемого, оперативный работник заполняет документы на главу семьи и вкладывает в личное дело выселяемого, а документы, оформленные на членов его семьи, вкладываются в личное дело семьи.

Сопровождение всей семьи до станции погрузки производится на одной подводе, и лишь на станции погрузки главу семьи помещают отдельно от семьи, в специально предназначенный для глав семей вагон.

Во время сбора в квартире выселяемых, главу семьи предупредить, чтобы личные мужские вещи он складывал в отдельный чемодан, так как будет проводиться санобработка выселяемых мужчин отдельно от женщин и детей.

На станциях погрузки глав семей, подлежащих аресту, грузить в особо отведенные для них вагоны, которые будет указывать выделенный для этой цели оперработник.

Порядок конвоирования выселяемых

Сотрудникам, конвоирующим колонну выселяемых, движущуюся на подводах, садиться на подводы выселяемых воспрещается. Сотрудники должны следовать с боков и сзади колонны выселяемых. Старший конвоя периодически обходит все колонны, проверяя правильность движения.

При прохождении колонны выселяемых через пункты, а также мимо встречных, конвой должен следить особенно тщательно; ответственные должны следить за тем, чтобы не было попыток к побегу и не допускать каких-либо разговоров переселяемых со встречными людьми.

Порядок погрузки в эшелоны

На каждом пункте погрузки ответственным за погрузку является член оперативной тройки и специально выделенное для этого лицо.

В день операции начальник пункта погрузки вместе с начальником эшелона и конвойных войск НКВД осматривают представленные железной дорогой вагоны с точки зрения обеспечения и снабжения их всем необходимым и должны усло-

ПРИЛОЖЕНИЕ

виться с начальником эшелона о порядке приема последним выселяемых.

Станционная погрузка оцепляется красноармейцами конвойных войск НКВД.

Старшие опергрупп передают начальнику эшелона один экземпляр повагонного списка выселяемых. Начальник эшелона по этому списку вызывает выселяемых, каждую фамилию тщательно проверяет и указывает место в вагоне.

Вещи грузятся вместе с выселяемыми в вагон, за исключением мелкого сельскохозяйственного инвентаря, который грузится в отдельный вагон.

Выселяемые грузятся в вагоны по семьям, дробить семьи не разрешается (за исключением глав семей, подлежащих аресту). Надо рассчитать таким образом, чтобы было до 25 человек на вагон.

После того, как вагон заполнен необходимым количеством семей, он закрывается.

После приема и посадки людей в эшелон, начальник эшелона несет ответственность за всех переданных ему людей и доставку их к месту назначения.

Старший опергруппы после передачи выселяемых, заполняет рапорт о проведенной им операции на имя начальника уездной оперативной тройки, в котором кратко указывается фамилия выселяемого, обнаружено ли оружие и контрреволюционная литература, а также как происходила операция.

После посадки в эшелон выселяемых и сдачи рапортов о результатах проведенной операции, участники опергруппы считаются свободными и действуют по указанию начальника уездного отдела НКГБ.

*Заместитель Народного Комиссара
Государственной Безопасности Союза ССР
Комиссар Государственной безопасности 3 ранга*

СЕРОВ

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Жизнь прожить — не поле перейти. Мои родители очень любили эту русскую поговорку и много раз повторяли ее в течение тех шестнадцати лет, которые они провели в сибирской ссылке и, конечно, потом, когда они вспоминали эти годы, уже находясь в своем датском благополучии. А поле не всем удастся выбрать самим, так как это получилось с моими родителями и многими миллионами других людей, которые попали в жернова дьявольской сталинской мельницы.

Как пылинки, как крупинки песка в огромном океане истории, они кружились, обреченные на несправедливость и произвол в чужом мире, на узенькой полоске между жизнью и смертью. Это кружение, этот микрокосмос отражают тот страшный безжалостный век, который унес столько бесценных жизней и покалечил еще больше судеб.

В случае моих родителей два самых крупных преступника двадцатого века сыграли центральную роль, обманув друг друга. Гитлер обманул Сталина, напав на Советский Союз, а Сталин обманул Гитлера, сослав тысячи еврейских семей из Прибалтики до прихода гитлеровских войск. Если бы мои родители не были отправлены в сибирскую ссылку, они наверняка погибли бы как большинство литовских евреев.

Моим родителям очень повезло — они выжили и вернулись в Данию не сломленными. В сталинском ГУЛАГе и его закоулках шансов выжить все-таки было больше, чем в гитлеровских концлагерях. Они не попали в самые жестокие зоны ГУЛАГа, но были пленниками зоны в пределах пяти километров. Как у всех жителей этой зоны, их человеческое достоинство и индивидуальность угнетались и ло-

мались маленькими и злыми людьми, служившими тоталитарному режиму, сталинским палачам.

Их судьба — это только одна песчинка в истории века, но их спасение стало главным событием в их и моей жизни. Я им беспрельно благодарен за то, что они написали эту книгу и сохранили ту частицу истории, которая отражается в их судьбе. А в этой частице, как в зеркале, отражаются жизни миллионов других неизвестных людей — жертв сталинского террора. Если можно было бы зажечь вечные огни на их могилах, то вся территория сталинского террора превратилась бы в океан огня.

К счастью, моим родителям удалось увидеть новую, свободную Россию. До того, как они ушли из жизни в 1998 и 1999 годах, они следили за всеми событиями и радовались и переживали изда-дека вместе с Россией. Несмотря на то, что они пережили, они никогда не отождествляли коммунистическую систему и сталин-ский террор с народом. Без всякой горечи они все годы с любовью и благодарностью вспоминали тех многих людей, которые им по-могали, жертвуя своими последними средствами и часто рискуя жизнью и своим благополучием.

Я уверен, что если бы эта книга на русском языке вышла при жизни моих родителей, они захотели бы посвятить ее всем тем, кто прошел эти испытания вместе с ними, и всем тем доб-рым людям, которые им помогали.

Я надеюсь, что эта книга найдет свое место и внесет свой скромный вклад, помогая понять наше время, что было, и что еще может быть. Для любой страны, для любого народа и для любой семьи очень важно понять, что возвращаться в прошлое никому не надо, а смотреть назад и стараться понять — это обя-зательно для всех. Покаяние и очищение — это самое малое, что мы должны сделать перед памятью жертв, как залог, что подоб-ное не повторится никогда. Забвение — это преступление. Пусть книга моих родителей станет еще одним маленьким огоньком вечной памяти тем, кто перешел это поле, и всем тем, кто на нем остался.

Самуэль Рахлин

СОДЕРЖАНИЕ

От переводчика	5
Предисловие	
Одна библейская история	7
Вступление в жизнь. Встреча в Копенгагене	17
НКВД стучит дважды	36
Ненастоящая Сибирь	53
Внезапные проводы	
Июнь 1942	65
Призрак Америки	71
Конец Земли	83
Необычная арифметика	92
Прощальный гудок	102

Анна и Марта купаются
115

Провокационный визит
129

Сибирский телевизор
141

Радиус обитания
159

Птицеводы
179

Когда находишься в Риме
202

Империалистический агент
212

Тень мертвого диктатора
222

Датские горизонты
230

Гости королевского посольства
246

Приложение
279

Послесловие
308

Художественно-литературное издание

Рахлины
Рахиль и Израэль

16 ЛЕТ ВОЗВРАЩЕНИЯ

Оформление *А. Зарубин*

Компьютерная верстка *А. Шукин*

Корректор *Н. Кондратович*

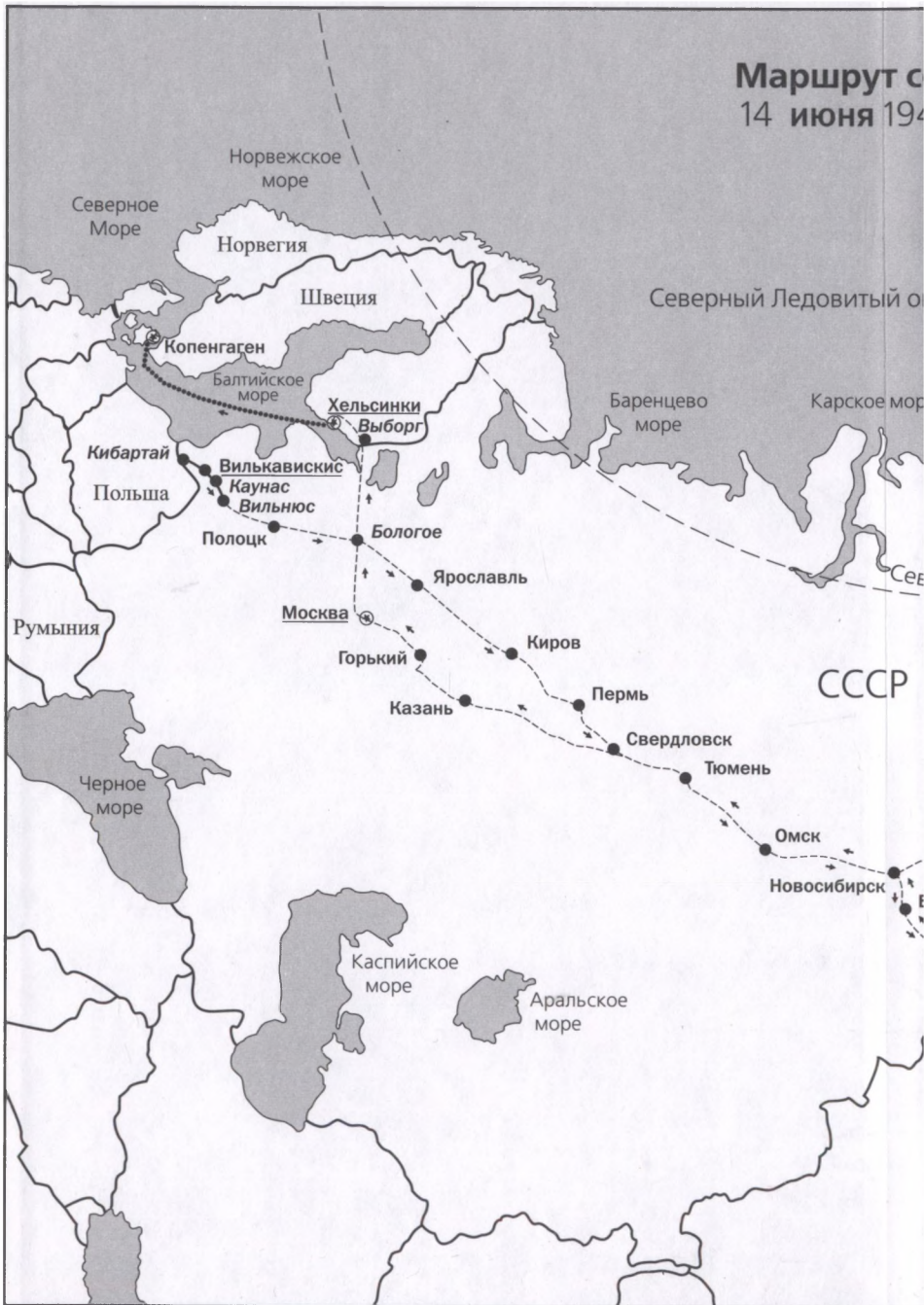
Подписано в печать 09.09.2004. Формат 60х90/16
Гарнитура «Баскервиль». Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,6
Тираж 1000 экз. Заказ № 2996

Издательство «Зебра Е»
Изд. лиц. № 05017 от 07.06.2001
119121, Москва, ул. Плющиха, 11, к. 18-а.
Тел./факс (095) 631-25-55, e-mail: zebrae@gambler.ru,
zebrae@awax.ru

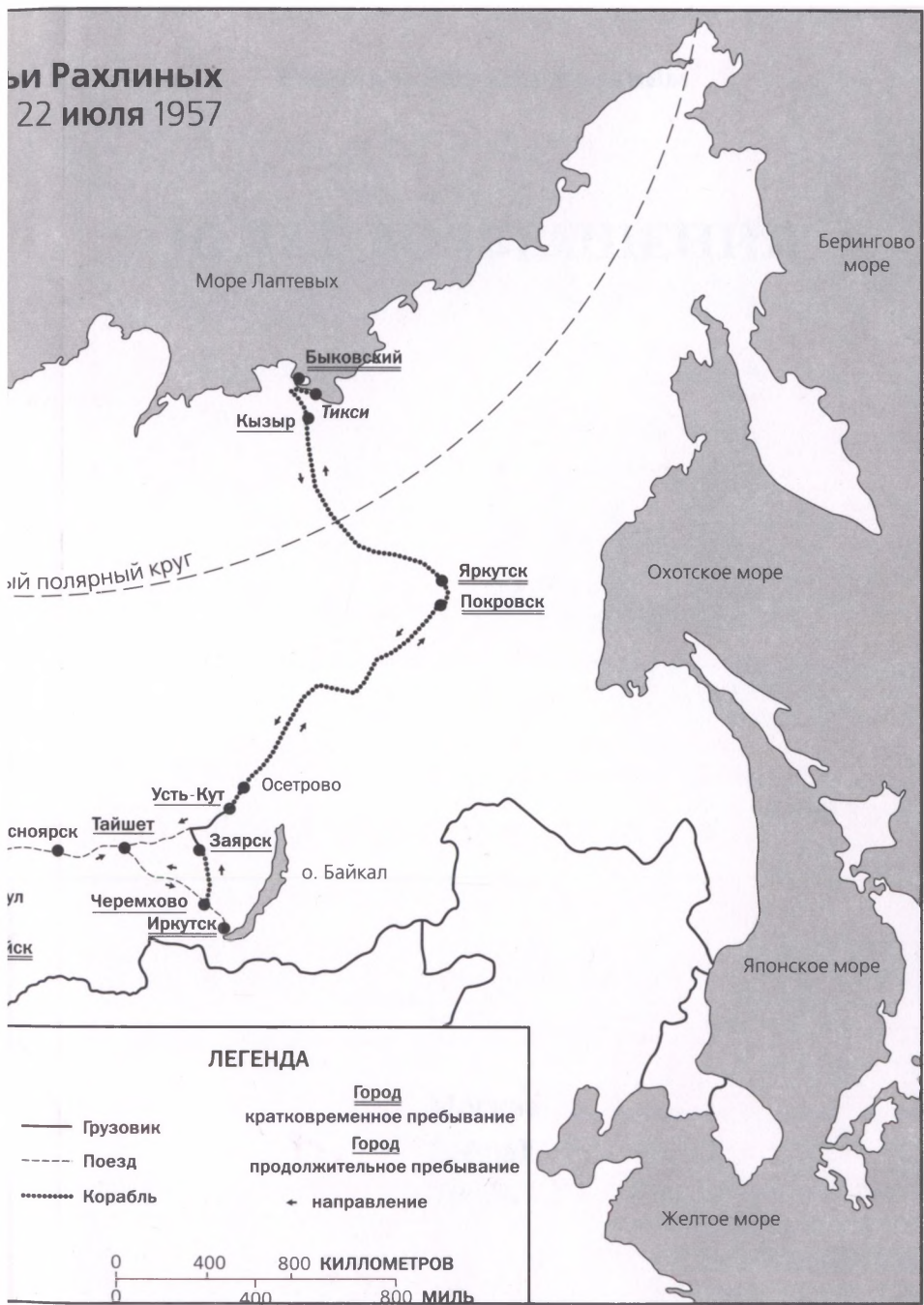
По вопросам приобретения книг обращаться
в Издательскую группу АСТ:
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7 этаж.
Тел.: (095) 215-01-01, факс: 215-51-10
E-mail: astpub@aha.ru, <http://www.ast.ru>

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозетивов
в ОАО «Типография «Новости»
105005, Москва, ул. Фр. Энгельса, 46

Маршрут с
14 июня 194

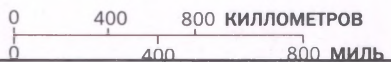

и Рахлиных
22 июля 1957

ЛЕГЕНДА

- Грузовик
- - - - - Поезд
- Корабль
- Город
кратковременное пребывание
- Город
продолжительное пребывание
- ← направление

«...Книга, полная интересных деталей и глубоких чувств, стала исключительным бестселлером в Дании, была переведена на многие языки, в том числе и на русский. Этот перевод выходит сейчас в стране, которая сначала намерена была их погубить, а потом ненароком спасла их жизни. Иные скажут сейчас, сколько можно напоминать обо всех этих ужасах. Уверен, однако, что люди никогда не устанут читать о том, что составляет их необъяснимую историю».

Василий Аксенов

